П.А.Голицын. Записки начальника разведки.

<http://eugend.livejournal.com/56911.html>

Глава 1. Первые дни войны.

В начале октября 1940 года после десятисуточного железнодорожного переезда в вагонах-теплушках команда молодых призывников-уральцев прибыла в местечко Супрасль, в то время Белостокской области, в 4-й мотоциклетный полк.

Полк расквартировывался на территории бывшего монастыря, занимавшего значительную площадь. В центре монастыря стоял внушительных размеров костел, приспособленный командованием полка под спортивный зал. По периметру территории, огороженной кирпичной оградой метровой толщины, были расположены кирпичные здания с кельями монахов, переоборудованные под казармы. Во вновь построенных деревянных парковых помещениях стояли мотоциклы с колясками АМ-600 таганрогского завода, броневые автомобили, колесные транспортные машины.

4-й мотоциклетный полк был сформирован год назад на базе одного из кавалерийских полков, поэтому среди красноармейцев и командиров-старослужащих в повседневных разговорах постоянно присутствовала кавалерийская лексика, воспоминания о службе в кавалерии и не совсем доброжелательное отношение к новой материальной части - мотоциклам и бронемашинам.

Командовал полком представительный, высокого роста, подтянутый, со строгими чертами лица, старый русский офицер (как говорили командиры) полковник Собакин, носивший на петлицах четыре прямоугольника (шпалы).

В составе нашей команды, прибывшей с Урала, было около 40 человек из Висимского района, в том числе 4 - из одного класса Черноисточинской средней школы: Виктор Бушин - мой лучший друг детства, Андрей Малинин - сын моей двоюродной сестры, Федор Шишов и я.

После ночлега в "костеле - спортивном зале" мы прошли саносмотр, помылись в бане и впервые одели военную форму. Мы смеялись, не узнавая друг друга в новом облачении. К великому нашему огорчению, вместо сапог нам выдали ботинки с обмотками. Но мы знали, что идет форсированное развертывание на Западе новых воинских частей и соединений, и было ясно, что в запасе армейских тылов сапог оказалось недостаточно.

Всех нас, одноклассников-черноисточинцев, включили в одну команду молодых красноармейцев 2-й роты 1-го мотоциклетного батальона, командиром которого был капитан Карданов.

После того как нам выдали карабины и снаряжение (вещмешки, котелки, фляги, принадлежности для чистки и смазки оружия), начались занятия, основными дисциплинами

которых были строевая, физическая и огневая подготовка, знакомство с устройством и возможностями мотоцикла, изучение уставов.

Старослужащие красноармейцы относились к нам, молодым, очень доброжелательно, помогали советами и оказывали помощь по службе.

Ружейные пирамиды и ящики с боеприпасами находились в коридорах, при выходе из спальных помещений. Смысл такого размещения заключался в том, чтобы при подъеме по тревоге красноармейцы, одев обмундирование, при выходе из помещения получали оружие и боеприпасы и организованно следовали к месту построения. Комнат для хранения оружия в то время не было.

Примерно через неделю учебы старшина роты Ковбасня вызвал нас с Виктором Бушиным, критически осмотрел наш внешний вид, дал полчаса на устранение недостатков и по распоряжению командира роты повел нас к командиру батальона капитану Карданову. При входе в его служебный кабинет мы отрапортовали ему громким голосом - представились. Внимательно осмотрев нас и очень доброжелательно улыбаясь, он предложил нам сесть. Мы были до предела напряжены, и, впервые оказавшись с глазу на глаз с таким большим начальником, продолжали стоять. Тогда он объявил нам, что командование батальона выбрало вас для отправки на учебу в Ташкент, в училище по подготовке штурманов для ВВС Красной Армии. Поступление в училище добровольное, разрядка на два места у нас имеется. Нам давались сутки на обдумывание и доклад принятого решения.

Мой друг Виктор тут же, не задумываясь, ответил за обоих: "Мы согласны". Но капитан, снова улыбнувшись, сказал: "Подумайте и явитесь ко мне завтра". Мы по-военному повернулись кругом и вышли из кабинета, около которого нас дожидался старшина роты. Мы доложили ему о разговоре с командиром батальона. Виктор сразу же набросился на меня: "Чего раздумывать, это же то, что нам нужно, это же наша давняя мечта". У меня такой мечты не было. Не было особого желания стать военным, хотя в то время стать офицером было очень престижно. А вот у Виктора другое дело. Он с детства увлекался авиацией, вел в школе кружок ОСОАВИАХИМа "Юный авиастроитель", делал модели самолетов с резиновой тягой, организовывал соревнования авиамоделлистов в поселке, строил и запускал на шпагате воздушных змей, много читал про летчиков. Любимым его героем был Валерий Чкалов.

Спали мы рядом на втором ярусе. Ночь для нас обоих была бессонной. Виктор уговаривал меня согласиться поступить в авиационное училище. Я не соглашался. На другой день мы доложили комбату о согласии Виктора и моем отказе. Докладывать об отказе мне было тяжело, но, как я понял, командир батальона отнесся к этому с пониманием.

Вместо меня с Виктором сдавать экзамены поехал красноармеец Глухов, который не прошел в Ташкенте медкомиссию и вернулся в полк, а Виктор поступил в училище, закончил курс обучения по ускоренной программе. В начале войны он совершил несколько боевых вылетов.

Расставание с Виктором было тяжелым. Мы оба как-будто чувствовали, что больше никогда

не встретимся. На прощание Виктор подарил мне свой фотоаппарат "Фотокор", а я ему вручил карманные часы в чугунном корпусе, которые мне купила мама перед призывом в армию. В конце 1942 года Виктор погиб - не вернулся с боевого задания, как указывалось в похоронном сообщении его матери. Для меня это была большая утрата, ведь мы с ним крепко дружили.

Вскоре всех красноармейцев с полным средним и высшим образованием (их было не так много) собрали в учебную роту, именуемую курсами по подготовке лейтенантов.

Кроме газетных материалов и разговоров командного состава, мы не располагали другой информацией, но все понимали, что надвигается война. Вслух не высказывались, но каждый понимал, что договор с Гитлером, заключенный Советским правительством в 1939 году, - это только некоторая отсрочка начала боевых действий.

Занятия на курсах носили организованный характер. Учебные дни были насыщены до предела. Строго соблюдались воинские уставы, распорядок дня, поддерживалась дисциплина. Требования со стороны младших командиров и офицеров к курсантам были жесткими. Большую часть времени мы проводили в поле - изучали тактику действий мотоциклетных подразделений, занимались огневой, физической и строевой подготовкой. Чаще, чем другие штатные подразделения, мы стреляли из карабина, пистолета, пулемета, учились вождению мотоциклов. Преподавали нам и основы топографии - главным образом, чтение карты и ориентирование на местности.

На вооружении вновь формируемых мотоциклетных полков появились минометы. Два минометных расчета было и на наших курсах. В один из них вторым номером расчета попал и я. Довольно простое устройство 50-миллиметрового ротного миномета, методы выбора и оборудования позиции, правила стрельбы из них мы усвоили неплохо. Первым номером расчета был один уральский инженер, в обязанности которого входили переноска миномета, выбор позиции, развертывание миномета для стрельбы, наводка на цель и пуск мин.

В мои обязанности второго номера входили переноска двух лотков с минами, подача мин первому номеру при стрельбе, замена при необходимости первого номера расчета.

При обучении на курсах мы вспоминали среднюю школу, организацию ОСОАВИАХИМ. В ней получили некоторые практические навыки, пригодившиеся в армии. В школе работали оборонные кружки: юный авиастроитель, ГСО (готов к санитарной обороне), ПВХО (готов к противохимической обороне), БГТО (будь готов к труду и обороне), ворошиловский стрелок.

Осень 1940, первое полугодие 1941 года прошли в напряженной учебе на курсах: полевые тактические занятия, учения и стрельбы, топография, первичные приемы ведения разведки наблюдением, действия в пешем и мотоциклетном дозоре, нанесение на карту разведанных объектов противника, снятие координат, краткие устные донесения командиру о результатах разведки, занятия по изучению материальной части оружия, мотоцикла, практическое вождение и стрельбы - таков был основной перечень тем боевой подготовки. В редкие свободные минуты мы общались между собой, обменивались новостями, полученными из дома в письмах. Как могли поддерживали друг друга морально, так как учеба и служба были

напряженными.

Официально нам было объявлено о том, что после двухгодичного обучения на курсах нас должны уволить из армии в запас с присвоением звания "лейтенант". В конце апреля 1941 года небольшая группа курсантов нашей роты убыла во вновь формируемый полк. В первых числах мая меня и еще двух курсантов представили прибывшему в полк капитану, после краткого знакомства с которым нас откомандировали к новому месту службы. Утром мы сошли с поезда, прошли километров 10 и оказались в местечке Подбелье, 70 км южнее Белостока. Позже мы увидели еще двух командиров. Один из них - капитан Громов был командиром вновь формируемого мотоциклетного полка, другой - старший политрук Долгов - комиссаром полка, третий, который нас привез с курсов, - начальником штаба полка.

Командир полка капитан Громов вывел нас на опушку леса, построил и объявил, что через несколько дней здесь будет сформирована новая воинская часть. Мы поняли, что это будет
новый мотоциклетный полк.

Однажды старший политрук Долгов пригласил меня и предложил должность секретаря комсомольской организации полка. Мои анкетные данные, по-видимому, его устраивали, а может быть, выбирать было не из кого, поэтому он и предложил этот выборный пост мне. Вскоре состоялось комсомольское собрание, где меня избрали в состав бюро комсомола полка.

Вскоре в полк прибыл заместитель командира полка по технической части. Зампотех собрал несколько человек, имеющих навыки вождения, и поставил задачу перегонять в полк мотоциклы, прибывающие по железной дороге на станцию Гайновка, расположенную примерно в 30 км от места дислокации полка. Меня назначили старшим этой команды, и для нас началась интенсивная работа по перегону мотоциклов. На грузовике нас доставляли в Гайновку, где на площадках разгрузки мы снимали с мотоциклов заводскую смазку, при необходимости дозаправляли их горючим и своим ходом перегоняли в полк. Обычно мы делали 2 рейса в день, и таким образом доставляли в полк ежедневно по 15-20 мотоциклов. Довольно интенсивно поступала к нам другая техника: бронеавтомобили, грузовые машины, ремонтные летучки, но ими занимались другие военнослужащие. Приходили эшелоны с солдатами-новобранцами, прибывали офицеры, закончившие военные училища. Личный состав размещался в землянках, для строительства которых использовался сосновый лес, вырубавшийся вблизи расположения полка. Техника хранилась под открытым небом на площадках, огороженных колючей проволокой.

В отличие от прежнего полка, где я учился на курсах лейтенантов, здесь не было батальонного звена. Вновь формируемый полк организационно состоял из нескольких мотоциклетных рот, роты бронеавтомобилей, артиллерийской батареи и подразделений боевого и тылового обеспечения.

Командирами мотоциклетных взводов назначили меня и еще одного курсанта, хотя мы не имели еще офицерских званий. Рядовые красноармейцы и сержанты обращались к нам: "Товарищ курсант" или "Товарищ командир взвода". Я попал во вторую роту, командиром которой был только что прибывший из другой части старший лейтенант Твердохлебов. Ему,

наверное, было лет 30-35. Командиром второго взвода примерно за 3-4 дня до начала войны был назначен молодой лейтенант, прибывший из училища. Обязанности командира третьего взвода исполнял помощник командира взвода, старшин сержант. Мы занимались изучением уставов, строевой, огневой, физической, тактической подготовкой, вождением, но большая часть времени уходила на строительные работы.

Командир полка капитан Громов периодически устраивал общие построения напоминавшие строевой смотр. По-видимому, он хотел лично убедиться чем же располагает к определенному моменту. Подразделения строились на небольшом плацу, примыкающему к лесному массиву. После команды "смирно" из рощи выходил Громов, принимал рапорт и обходил строй. Несколько раз в середине июня 1941 года командир полка лично организовывал и проводил марши с выводом боевой техники, вооружения, тыловых запасов. Обычно это начиналось с подъема по тревоге, за которым следовал выход подразделений полка в район сбора и 10-15 километровый марш. Таким образом, командование полка стремилось в короткие сроки осуществить боевое слаживание части. Примерно за неделю до начала войны подразделения нашей части были выданы боеприпасы, часть которых размещалась в мотоциклах, а остальные были погружены на автомашины. В подразделениях и в целом в полку были усилены внутренняя и караульная службы. Напряженность чувствовалась во всем. 22 июня 1941 года примерно в 5-6 часов утра наш полк был поднят по тревоге и организованно, как это было на учебных тренировках, вышел в район сосредоточения в сосновый бор, расположенный в 7-10 км от постоянного места дислокации. Подразделения заняли отведенные им участки, командиры организовали наблюдение, а по дороге, идущей от места дислокации к району сосредоточения полка, тянулись автомашины тыла. Все думали, что это очередная тренировка, но еще до официального объявления о начале войны все увидели в воздухе немецкий самолет с черными крестами, вероятно, разведчик, делавший круги над местом сосредоточения нашего полка. Дрогнуло сердце - война.

Около 10 часов 22 июня командир роты Твердохлебов объявил о начале войны. Никаких построений не было. Состоялось собрание командиров взводов, на котором Твердохлебов поставил задачи по охране и обороне занимаемого района и маскировке.

Мы не знали, что рано утром 22 июня 1941 года германский посол в СССР Шуленбург зачитал Молотову текст меморандума Гитлера об объявлении войны Советскому Союзу, и что в 12 часов 22 июня Молотов выступил по радио с обращением к советскому народу.

Мы не знали и того, что войска Белорусского военного округа, в том числе и наш формируемый мотоциклетный полк, находятся на острие предстоящих военных сражений, что против войск, размещавшихся в Белостокском выступе, сосредоточены для ударов войска 2-й и 3-й танковых групп, 4-й и 9-й армий гитлеровцев, в задачу которых входило рассечь войска Красной Армии, окружить их и уничтожить в районе между Белостоком и Минском и развивать наступление на Смоленск и Москву.

Так в действительности и произошло. В результате внезапного перехода немцев в наступление, массированного использования сил и средств на главных направлениях противнику удалось в первые же часы боевых действий на-рушить фронт оборота наших

войск, создать угрозу окружения группировок, Дезорганизовать управление войсками.

Германская армия с самого начала войны сумела захватить стратегическую инициативу, ударными группировками рассеять наши войска, нанести им большие потери в живой силе и технике. Особенно в тяжелом положении оказалась наша авиация, которая, не успев рассредоточиться, потеряла большинство боевых самолетов на аэродромах.

В середине дня 22 июня к нам прибыл комиссар полка старший политрук-Долгов, пригласил к себе командира роты Твердохлебова и меня. Он поручил нам принять военную присягу от молодых красноармейцев, которых в роте и полку было большинство. В течение короткого времени эта работа была проделана, и тексты присяги с подписями солдат были возвращены командиру роты. 22 июня мы несколько раз наблюдали немецкие самолеты-разведчики и группы бомбардировщиков, летевших на восток на бомбежку и возвращавшихся на свои аэродромы.

Часов в [6-17 23 июня мы заняли свои места на мотоциклах и двинулись колонной за командованием полка. После непродолжительного движения на север по проселочной дороге, колонна повернула на запад. В открытых автомашинах, на конных повозках эвакуировали раненых. Вид большого количества раненых и отход войск подействовал на нас
удручающе.

Полк двигался по шоссе организованно, на небольшой скорости, отходящие подразделения уступали нам дорогу. Свернув с шоссе на проселочную дорогу и достигнув леса, мы сошли с мотоциклов, вышли в пешем строю на опушку и примерно в 23 часа 23 июня развернулись в цепь и начали наступать по открытому полю на небольшой городок Браньск, уже занятый немцами. Мой взвод наступал на правом фланге роты, примыкавшем к шоссе, идущем от Браньска
на
восток.

При подходе полка к Браньску немцы открыли сильный огонь. Цепь залегла и открыла ответный огонь из стрелкового оружия по окраине города. Слева от меня наступал взвод, которым командовал молодой лейтенант, прибывший в полк из училища перед началом войны. После первого залпа немцев лейтенант громко закричал: "Ой, ранен, ранен". Я подполз к нему, перевязал ему на груди рану при помощи двух солдат его взвода и приказал солдатам перенести его в тыл цепи и передать санитарам. После перевязки лейтенант успокоился. Появились еще раненые, их также эвакуировали в тыл. Ни мы, ни немцы не двигались с места. Так продолжалось несколько часов. С началом рассвета огонь с обеих сторон начал утихать. По шоссе на велосипедах появилась группа немцев в составе 5 человек, двигавшаяся в нашем направлении. Подпустив их вплотную, мы открыли огонь. 4 немцев мы убили, а одного раненого захватили в плен.

Пленного немца доставили в наш тыл. К этому времени, без какой-либо команды, цепь полка разрозненными группами начала отходить, а немцы вновь открыли сильный огонь по отходившим
солдатам.

Около опушки леса стоял майор и в бинокль наблюдал за полем боя. Я с тремя солдатами своего взвода подошел к нему, доложил о пленном немце. Майор записал мою фамилию,

поблагодарил и просил доложить своему командиру о передаче пленного немца.

Материалы из истории Белорусского военного округа характеризуют обстановку на Белостокском выступе Западного фронта того времени следующим образом.

Глава 2. Накануне тяжелых испытаний.

Белостокский выступ прикрывался войсками самой сильной по своему составу и оснащению 10-й армией (командующий - генерал-майор Голубев К.Д.).

Прорыв ударных группировок врага на правом и левом крыле фронта в районе Гродно и Бреста поставил в очень трудное положение 10-ю армию, находившуюся в так называемом Белостокском выступе.

К исходу 22 июня разрозненные части дивизий вели бои в 15-20 километрах от границы. Стремясь предотвратить охват армии с юга, генерал-майор Голубев развернул на реке Нурец 13-й механизированный корпус генерал-майора Ахлюстина П.П. (в который входил наш мотоциклетный полк., - прим. автора).

Атакованные крупными силами немцев соединения корпуса почти не имевшие боевой техники, мужественно приняли бой и нанесли врагу немалый урон, при этом особенно отличился мотоциклетный полк.

Местечко Браньск, в районе которого оборонялась эта часть, дважды переходило из рук в руки... Но превосходство врага было слишком большим, упорно цепляясь за каждый рубеж, дивизии корпуса вынуждены были отходить.

После команды "по машинам" полк начал движение по той же дороге, только в обратном направлении. Километров через 20-30 вблизи основной дороги сделали остановку, заправили машины бензином, пополнили боекомплект. На вооружении взвода были карабины, и только у меня был единственный во взводе автомат ППД.

На полянке, которая со всех сторон была прикрыта лесом, в пешем строю поротно был выстроен полк. Командир полка капитан Громов объявил, что пойман дезертир. Перед строем полка был выведен солдат из соседней роты в грязном, помятом обмундировании, какое было на всех нас после боя. Взлохмаченные волосы на голове, без пилотки, землистый цвет лица, остекленевшие мертвые глаза выражали полную отрешенность от жизни. О чем он думал, и думал ли вообще, трудно было определить. Офицер, вероятно, из контрразведки или трибунала, громким голосом зачитал приговор и солдата расстреляли. Тут же выкопали могилу и закопали расстрелянного. Еще на одного солдата в полку стало меньше. Строй стоял не шелохнувшись, в шоке от неожиданности происшедшего. У каждого солдата, присутствовавшего при расстреле, остался неприятный осадок. И там, в безымянном лесу, осталась не могила воина, а безымянный бугорок, заросший бурьяном.

После расстрела ходили слухи, что так называемый дезертир был кем-то остановлен в 10-15

км от расположения полка. После ночного боя, хаоса и неразберихи на дорогах, в его положении мог оказаться каждый из нас, Показательный расстрел носил явно антигуманный характер. Командир полка, видимо, имел целью сразу же, с первого дня войны, подчеркнуть особую требовательность к дисциплине в условиях военного времени. Но эффект от этого расстрела был обратным, так как никто из стоявших в строю не поверил в справедливость объявленного приговора.

Отступая с ежедневными боями от Браньска до Зельвы, около 200 км, полк нес потерн. Обычно в ночное время мы отходили, используя для передвижения мотоциклы и бортовые машины, к утру занимали оборону, вели бой с наступающими немцами, постоянно превосходившими нас в огневой и ударной силе, удерживали занимаемый рубеж и вновь отступали. Однажды вечером, перед заходом солнца, полк после очередного боя, совершал на мотоциклах отход в направлении Волковыска и вышел на открытый участок дороги. Вначале над нами висела "рама" - немецкий самолет-разведчик, а затем, видимо, по ее наводке, налетело три истребителя. Совершенно безнаказанно они расстреливали нас из пулеметов, делая несколько заходов вдоль дороги. Потери после этого налета были большими и в личном составе, и в технике. Немецкие бомбардировщики беспрепятственно сбрасывали на нас бомбы, а при занятии нами обороны вели сильный огонь артиллерия и минометы.

При подходе к Волковыску в полку, наверное, осталась одна треть личного состава и техники. Люди были измотаны ежедневными боями без сна и отдыха, питались в основном сухарями из "НЗ", машины с продовольствием где-то отстали, возникла проблема с горючим. В полку оставались единицы офицеров. Боеспособность полка была ограниченной. Но надо отдать должное командиру полка капитану Громову. Мы ежедневно видели его, слышали подаваемые им команды и были, безусловно, благодарны ему за это. При очередном наступлении немцев западнее Волковыска, после сильного огневого налета и перехода пехоты немцев в атаку наша оборона была прорвана, началось паническое бегство. Мотоциклы с водителями мы оставили в населенном пункте, который обороняли. Подбежав к месту, где стояли наши машины, я увидел, что моего мотоцикла не оказалось, кто-то, вероятно, на нем уехал. Во дворе, рядом с сараем, стоял только один мотоцикл, все остальные уже были угнаны. Одновременно со мной к этому единственному мотоциклу)1 подбежал мой командир роты старший лейтенант Твердохлебов и один из офицеров соседней роты. Они заняли места: один в коляске, а другой позади водителя, для меня места не оказалось. Водитель нажал на газ и мотоцикл с командирами тронулся. Я встретился с взглядом Твердохлебова, который запомнил на всю жизнь. Он ничего не сказал мне, а взгляд его говорил: "Ты же видишь, что места больше нет, а цепь немцев рядом". Мотоцикл умчался, и больше своего командира роты я никогда не видел. Заскочив за угол дома, я открыл огонь из автомата по бегущим в мою сторону немцам. Они залегли. Увидев, что позади дома в яме сидел деревенский мужчина и держал на длинной веревке молодого копя, я выхватил у него веревку, вскочил па коня, и помчался через поле к опушке леса. Сзади слышалась стрельба, рядом свистели пули, но я успел скрыться в лесу.

Проскакав на коне километров 10 на восток, я увидел на обочине дороги мотоциклы нашего полка, но моего экипажа в этой группе уже не было.

Последним оборонительным рубежом, занятым остатками нашего полка и других разрозненных подразделений, были холмы восточнее Волковыска. К Волковыску сходились две колонны наших отходящих войск: одна с направления Браньск, Свислочь, по которой отходил наш полк, и другая, наверное, осиная из Белостока, по которому отходила основная группировка наших войск так называемого Белостокского выступа. Из Волковыска на Зельву, Слоним и Барановичи двигались уже неуправляемые, разрозненные, но многочисленные остатки пехоты, моторизованных, артиллерийских и других частей. Они были легкой добычей для авиации и артиллерии противника.

Среди отходящих войск разносились слухи о переодетых немецких диверсантах-парашютистах. Частая стрельба, крики: "Окружают, немцы, диверсанты, парашютисты", особенно ночью, вызывали панику. В результате перемешивались войска, бросалась техника, открывалась беспорядочная стрельба. Нам теперь известно, что немцы действительно забрасывали в тыл отходящих войск диверсионно-разведывательные группы, которые с успехом выполняли возложенные на них задачи в условиях малоорганизованного отхода советских войск.

Итак, остатки полка заняли оборону на высотах восточнее Волковыска, а мне и группе в составе двух неполных мотоциклетных экипажей была поставлена задача выдвинуться западнее Волковыска и установить наблюдение за противником, определить его силы, состав и время выхода к Волковыску. Группа проследовала на мотоциклах через горящий Волковыск, выбрали место для наблюдения. Остатки наших пеших подразделений, одиночные автомашины и мотоциклы отходили через город в направлении Барановичей. Мы наметили маршрут отхода к месту обороны полка и внимательно следили за дорогами, подходящими к Волковыску с запада. Над отходящими колоннами советских войск постоянно висела "рама". Наконец, по дороге со стороны Белостока ориентировочно в 10-11 часов появилась колонна немецких мотоциклистов.

Впереди колонны, на удалении 500-600 м, двигался дозор в составе трех одиночных мотоциклистов. Мы открыли по нему огонь, а затем вскочили на свои машины и вновь помчались через сильно горевший город на доклад командованию полка.

Перед выездом из города мы оказались невольными свидетелями очередного боя. На позиции, занимаемые нашими войсками восточнее Волковыска, налетела бомбардировочная и истребительная авиация немцев. Самолеты-истребители расстреливали в упор обороняющиеся войска, с небольшой высоты сбрасывали бомбы. По всему полю в расположении наших войск разрывались артиллерийские снаряды. В городе огонь вела наша артиллерия. Мы оказались между огнем немцев и наших войск. Когда улетела очередная волна немецкой авиации, мы на полной скорости помчались к расположению своего полка, но, к сожалению, на прежнем месте никого из наших уже не было. Артиллерийский огонь немцев продолжался. Второй экипаж свернул куда-то с дороги в лес, а наш по дороге выскочил на высоты значительно восточнее Волковыска. Выскочив из зоны артиллерийского огня, мы отдышались и стали ожидать второй экипаж. Несколько километров проехали в обратном направлении, но найти его не удалось. Мы оказались между нашими и немецкими войсками и видели как противник входил в Волковыск. На подступах к Зельве нас начали Догонять разрозненные группы красноармейцев, малочисленные колонны и одиночные

солдаты, двигавшихся, как и вся отступающая армия, на восток. Основная шоссе́нная дорога шла прямо через населенный пункт, в центре которого за площадью стоял высокий костел. При въезде на площадь с колокольни костела и его пристроек был открыт сильный пулеметный огонь. Падали убитые солдаты, остальные разбежались в соседние дома и другие укрытия. Загорелось несколько автомашин. По колокольне и ее крышам был открыт ответный огонь из винтовок и автоматов. Стрельба с костела еще некоторое время продолжалась, а затем стихла, и остатки войск продолжили движение в направлении Слонома и Барановичей. Некоторое время я затратил на поиск своего водителя. Среди убитых на площади его не оказалось, наверное затерялся среди отходящих солдат.

Причины неудач, постигших наши вооруженные силы в начальный период Великой Отечественной войны, теперь уже изучены, проанализированы нашей исторической наукой и сделаны соответствующие выводы. Хотелось бы поделиться некоторыми мыслями о трагических событиях тех дней с позиции рядового солдата, через призму прошедшего времени и применительно к конкретному полку, в котором меня застала война.

Решение политического руководства и командования Красной Армии, принятое в 1940 году о формировании механизированных корпусов, безусловно, было правильным, так как оно в полной мере учитывало сложившуюся военно-политическую обстановку в Европе и опыт боевых действий танковых и механизированных соединений Германии на Западе, а также подготовку гитлеровцев к войне против Советского Союза.

Но, оглядываясь назад, анализируя неудачи наших войск в первые дни войны, я прихожу к мысли, что вряд ли было целесообразным формировать корпуса в непосредственной близости от государственной границы. Если бы они стояли восточнее рек Березина или Днепр, войска, возможно, сумели бы остановить и задержать немцев на этих рубежах, нанести контрудары по наступающим группировкам.

За полтора месяца до начала войны советское командование сумело получить значительное количество личного состава, одеть и вооружить его, поставить в строй и приступить к боевой подготовке. Полк сумел получить некоторое количество боевой техники, вооружения, боеприпасов и привести их в боеготовое состояние.

За несколько дней до начала войны полк был приведен в повышенную степень боевой готовности.

Моральный дух личного состава был высоким. Это, безусловно, было результатом большой воспитательной, патриотической работы, проводившейся в то время в стране. Необходимо отдать должное и мероприятиям, которые проводились в полку под руководством старшего политрука Долгова, работе вновь созданных партийной и комсомольской организаций.

До начала войны полк не был полностью укомплектован личным составом и офицерами. Большинство личного состава составляли молодые солдаты, многие из которых даже не успели пострелять из боевого оружия. У нас в роте не было проведено ни одного тактического учения. Только командиры взводов провели по несколько тактических занятий в составе своих подразделений.

Опыт первых дней войны несколько повысил стойкость подразделений полка при ведении боя в обороне, но постоянное отступление и отход поколебали уверенность солдат в возможности остановить противника. Частое паническое бегство деморализовало личный состав. Велись разговоры о предательстве и измене высшего командного состава. Большие надежды все возлагали на то, что противник обязательно будет остановлен на старой границе, где до 1939 года создавались укрепленные районы (УРы), но, к сожалению, и этого не случилось. Отрицательно действовали на дисциплину и исполнительность во время боевых действий отсутствие продуктов питания. Тылы полка где-то отстали с первого же дня боев, и основной пищей были сухари.

Командование полка не сумело в ходе боев найти какие-то тактические приемы которые бы позволили на каких-то отдельных участках перейти в наступление и заставить противника отступить. Полк использовался в бою как пехота. За весь короткий период боевых действий командиры не провели с нами ни одного разбора боев с указанием положительных и отрицательных моментов. Все мы были удивлены силой противника, активными действиями его авиации, артиллерии, минометов и отсутствием всего этого с нашей стороны. За все время боевых действий мы ни разу не видели в воздухе советского самолета. Вот такую оценку действий полка можно было бы сделать, ни в коем случае не претендуя на ее полноту и безусловную неоспоримость. Вероятно, были какие-то обстоятельства и причины, не позволившие лучшим образом использовать полк в бою, но еще раз позволю повториться, что это оценка с позиции рядового участника событий.

После короткого боя в Зельве я пристроился к колонне красноармейцев, следовавших в направлении Слонима. Перед Слонимом колонну встретили командиры разных рангов и званий, которые из разрозненных, отступавших групп бойцов формировали взводы и роты, и тут же ставили задачи по обороне рубежей перед городом, чтобы приостановить наступление немцев. В одно из таких подразделении попал и я. Подразделением командовал капитан. Я представился ему, и он приказал мне с группой бойцов оборонять участок севернее шоссе. В воздухе, как обычно, летала "рама" и следила за нашими приготовлениями. Утром появились передовые немецкие подразделения. Встреченные огнем, немцы залегли. Через некоторое время появились бомбардировщики и истребители гитлеровцев, начавшие бомбить и расстреливать наших бойцов. Продержавшись половину дня на занятом рубеже, оборона дрогнула, начался отход и бегство через Слоним в направлении Барановичей. Сформированные временные взводы и роты рассыпались, снова началось неорганизованное отступление вдоль шоссе. По обе стороны шоссе горели машины, валялись трупы убитых бойцов, кучи разбросанных документов разгромленных штабов, личные дела офицеров, брошенное стрелковое, артиллерийское вооружение. Картина была жуткая.

Ударные группировки танковых и механизированных войск противника, наступая со стороны Вильнюса и Бреста, 28 июня 1941 года овладели Минском и окружили основную группировку войск 3-й и 10-й армий Западного фронта в районе Лида-Барановичи-Слоним. Отборные войска Западного фронта, лучшие в составе Красной Армии, оказались беспомощными, деморализованными, окруженными гитлеровцами. В котле окружения оказались десятки тысяч бойцов.

Снова и снова предпринимались попытки формировать воинские подразделения для отпора врагу, прорыва фронта немцев и выхода из окружения, но все было безуспешно.

Находясь в гуще окруженных войск, я встретил старшего лейтенанта ко-мандира взвода соседней роты нашего полка. Он предложил нам вариант выхода окружения.

Наблюдая в течение дня за действиями немцев и прислушиваясь к стрельбе, мы определили участок местности, где противника или не было, или у него было слабое прикрытие. С наступлением сумерек мы двинулись по лесной тро-пинке в южном направлении. К утру следующего дня, пройдя около 20 километров, мы оторвались от основных сил наших войск и вышли на опушку леса рядом с какой-то деревней. Внезапно послышались автоматные очереди. Выбрав позицию, мы изготовились к стрельбе, но постепенно выстрелы прекратились, а к вечеру в деревню вошли немцы. Мы поняли, что из зоны окружения вышли, но находимся уже в тылу противника. Страшно хотелось есть, но наши скудные запасы сухарей кончились. От голода кружилась голова, подкашивались ноги. Между опушкой леса и деревней была лощина, по которой протекал небольшой ручеек. Строения одной из сторон деревни нами хорошо просматривались. Рано утром из хаты вышел мужчина, и старший лейтенант послал меня к нему на разведку. Я скрытно пересек лощину, а когда мужчина увидел меня, то тихо сказал: "В деревне немцы". Я подал знак своему командиру, он тоже перешел ручей, и мы вошли в дом. Мужчина напоил нас молоком, дал хлеба, немного сала, сырой картошки и спичек. Поблагодарив его, мы снова скрылись в лесу.

Мы приняли решение двигаться по проселочным дорогам на Восток по ночам, на шоссе не выходить, так как по ним шли немецкие войска. Надеялись в районе старой польской границы выйти в расположение своих войск. Трудно было с продовольствием, единственным его источником были крестьяне, которые делились с нами последним куском. Иногда встречались с такими же окруженцами, как и мы, но уже переодетыми в гражданскую одежду, большинство из которых шло без оружия.

Таким образом, часть многотысячной группировки Красной Армии, попавшей в окружение западнее Минска, попала в плен, а часть скрытно шла на восток в надежде на выход к своим войскам. Некоторые военнослужащие по пути оставались в деревнях, где, несмотря на смертельную угрозу, их укрывали местные жители.

Миновав Барановичи, мы тоже решили сменить военное обмундирование, так было безопаснее идти по территории занятой противником. Переоделись у крестьян, которые взяли наше обмундирование. Закопали автоматы, и только с пистолетами и гранатами двинулись дальше.

В районе Столбцов при совершении очередного ночного перехода мы увидели на поляне около деревни яркий огонь и подумали, что это деревенские дети в ночном пасут лошадей.

Старший лейтенант послал меня в разведку, а сам остался на опушке леса. Ночь была очень темной, и только подойдя вплотную, я увидел, что это топится немецкая кухня, а прямо на меня идет немец с винтовкой на плече. Он подошел ко мне вплотную, я даже рассмотрел его лицо -это был молодой парень моего возраста. Весь страх прошел, я прикрыл правой рукой

рукоятку пистолета за поясом. Преимущество было на моей стороне, я мог моментально выстрелить. Но он принял меня за деревенского парня и несколько раз крикнул: "Вег, вег". Я попятился к деревне, а затем повернул к лесу, где оставил своего командира. Его на месте не оказалось, вероятно, услышав окрик на 16 немецком языке, он скрылся в лесу. Углубившись в лес, я дождался рассвета но так уже никогда и не встретился со своим командиром

Продолжая двигаться на восток в прежнем темпе и соблюдая меру, предосторожности, выдерживая удаление от основной дороги, идущей на Минск я миновал Барановичи, Минек, Борисов, Толочин. Впереди были уже Орша и Днепр, а фронт не приближался, а удалялся. К октябрю 1941 года я вышел в район деревень Воронцевичи Люботынь. Бошарово, Полюдово Толочинского района Витебской области По территории, занятой немцами, я прошел б 400 км, пересек с Запада на Восток почти всю Белоруссию. Страшно мотался. Одежда пришла в полную негодность. Ботинки были полностью шены. В деревне Бошарово я немного подкрепился. Семья Ковалевских- вдова Мария Ивановна дочери Маня и Надя пошили мне из холста нижнее белье и брюки, дали какой-то старый пиджак. Я помылся в бане, впервые за всю войну почувствовав теплоту дома. Как же я им был благодарен. После уже будучи в партизанах и после войны я поддерживал связь с этой семьей

В октябре 1941 года закончилось мое участие в боевых действиях на фронте и попытка выйти в расположение своих войск. Так начался новый, неизведанный путь партизанской борьбы.

Глава 3. Создание партизанской бригады

В деревне Бошарово Толочинского района Витебской области, как и в других населенных пунктах, к осени 1941 года собралось несколько таких, как я, окруженцев. Я познакомился с Григорием Николаевичем Севостьяновым - бывшим курсантом-артиллеристом, который учился на таких же курсах, как и я, а также с несколькими сержантами и солдатами. К этому времени на оккупированных территориях немецкой администрацией уже назначались старосты, появились полицаи, в волостях и районах формировались бургомистраты, оккупанты стали издавать приказы и распоряжения о поставках для гитлеровцев продовольствия и порядке регистрации граждан в волостных и районных управлениях. Появились пособники оккупантов. Поэтому разговоры о партизанской борьбе велись скрытно.

Мы начали изучать обстановку, заводить связи с местным населением. Следили за деятельностью немецких властей и насаждаемой немцами администрации. Сбор и приобретение оружия было одной из главнейших задач. Мы ходили по следам отступления советских войск и подбирали брошенное оружие. Удалось найти несколько винтовок, карабинов, пистолетов и боеприпасы. В деревне Свирыны один из колхозников передал нам ящик с 10 карабинами. Нашли в лесу большое количество мин и 50-миллиметровый ротный миномет с оставшейся в стволе миной.

В лесу между деревнями Бошарово и Люботынь вырыли землянку. Жердями облицевали

стены и потолок, настелили нары, поставили печку-буржуйку и тщательно замаскировали.

Местных жителей, присоединившихся к нашей группе, мы направляли на разведку в Толочин и Коханово, где стояли немецкие и полицейские гарнизоны. По прибытии они докладывали обстановку.

11 марта 1942 года наш небольшой партизанский отряд начал боевые действия против немцев.

В марте 1942 года мы с Иваном Сафроновым, будучи в разведке в деревне Горелики, установили связь с партизанской группой Александра Федоровича Симдянкина, впоследствии ставшего командиром партизанского отряда, а в районе деревни Лаговщина мы случайно встретились с разведчиками отряда Герасима Алексеевича Кирпича - Володей Рябининым и Колей Кояновым. Мы обусловили время и место следующей встречи, чтобы лично познакомиться с командиром их отряда. Впоследствии мы с Володей Рябининым и Колей Кояновым стали большими друзьями.

Впервые с Герасимом Алексеевичем Кирпичем, будущим командиром партизанской бригады, я познакомился на небольшой поляне Рацевского леса, куда меня привели Володя Рябинин и Коля Коянов. Герасим Алексеевич был его роста, на вид лет 30-35. Улыбаясь, он подошел ко мне, приветливо поздоровался и между нами начался товарищеский разговор. Он сразу мне понравился своей военной выправкой, манерой держаться и вести беседу. В основном его интересовало, где наш отряд располагается и действует, сколь-нем человек, какое вооружение, кто командир, имеются ли связи с местным населением.

Возвратившись к себе в отряд, я проинформировал Севостьянова и остальных товарищей о визите к Кирпичу. Вскоре мы там снова побывали вместе с Севостьяновым. Связь с отрядом Кирпича стала постоянной. Отряд наш пополнялся новыми бойцами, хотя местных жителей-партизан мы по-прежнему оставляли в деревне, нам это было выгодно в том отношении, что они могли предупредить нас о выходе немцев или полицаяв из гарнизонов в нашем направлении, а кроме того изредка доставляли нам кое-какие продукты. Оказывали нам содействие в обеспечении продовольствием местные жители деревни Бошарово Мария Ивановна, Мария и Надежда Ковалевские, Иван, Андрей и Константин Комиссаровы, Михаил, Павел и Петр Барановские, Иван Хаткевич, Иван и Мария Щитниковы и другие. Но точное месторасположение нашей землянки пока знал только Игнат Дедков, ему, коммунисту, мы доверяли полностью. Позднее, уже будучи с нами в партизанах, он проявил себя исключительно смелым бойцом, пустив под откос несколько вражеских эшелонов, но во время одного из боев погиб.

Выходы из леса на разведку, для сбора оружия и проведения боевых операций не могли не остаться незамеченными со стороны местных жителей. Они примерно уже знали место нашего базирования. Посоветовавшись, мы решили перебазироваться в другой лес между деревнями Бошарово и Свираны. Местные жители именовали его Сеяный лес. Он действительно был сеяным смешанными породами деревьев. Оборудовали в лесу две землянки, удаленные друг от друга метров на 400-500. При рытье котлована, облицовке стен, изготовлении потолка и нар вся земля и древесные отходы были унесены и закопаны в

стороне. Маскировка была идеальной, что позволило нам держать только один сторожевой пост, наблюдавший за возможным появлением противника со стороны Бошарово. Однажды, находясь в землянке, мы услышали чьи-то шаги, удары топора и треск сухого хвороста. Мы поняли, что это кто-то из местных жителей. И вот в открытый, но замаскированный елочкой люк нашей землянки, свалился вместе с топором подросток лет 13-14 из соседней деревни Бобровинья, рубивший хворост для изготовления изгороди. Мальчик сильно перепугался от падения и нашего вида. Мы его успокоили, строго предупредили никому об увиденном не рассказывать и отпустили домой.

В феврале-марте 1942 года из числа военнослужащих и местных жителей, оказавшихся на оккупированной территории, начали формироваться партизанские группы и отряды. В районе деревень Уланово, Вышково был сформирован партизанский отряд под руководством Буланова Ивана Дмитриевича, в Дальнейшем ставшего начальником штаба бригады; в районе Ольховка, Куве-чино, Понизовье - группа Бориса Ключникова; около деревни Березовка юго-восточнее Шклова - группы Барановского М.Н. и Яковенко Н.М., в Березовском лесу юго-восточнее Шклова - отряд Красякова П.А.; в районе деревень Горелки, Лаговщина, юго-восточнее Толочина группа - Симдянкина Александра Федоровича, ставшего впоследствии командиром 5 партизанского отряда в районе юго-западнее Орши - Ходорика М.К. Отряд Герасима Алексеевич Кирпича, о котором уже упоминалось, располагался в Рацевском лесу в ране, не деревень Рацево, Слобода, Лаговщина.

Все эти партизанские группы и отряды весной 1942 года вели разведку, занимались сбором оружия, устанавливали контакты с местным населением, пополняли свои ряды, постепенно устанавливали друг с другом связь, проводили операции по разгрому волостных управ и полицейских участков, нападали из засад на небольшие группы немцев, начинали совершать рейды на железные дороги для уничтожения воинских эшелонов оккупантов.

Устанавливаемый немцами оккупационный режим, грабеж населения, вывоз в Германию сырья, продовольствия, производственного оборудования, введение налогов на сельскохозяйственную продукцию, насильственная мобилизация молодежи и вывоз ее в Германию, произвол гитлеровцев по отношению к местному населению, пытки в гестаповских застенках советских людей и их расстрелы встретили активное сопротивление жителей Белоруссии, способствовали активизации партизанского движения.

Первые боевые операции партизан носили разрозненный характер, в их действиях не было единства и плановости. Но первые, хотя и незначительные, успехи вдохновляли партизан, вселяли надежду в окончательную победу над захватчиками.

Весной 1942 года были разгромлены полицейские участки и волостные управы в Новобрацино, Староселье, Черноручье, Больших Лозинах Шкловского района, Воронцевичах Толочинского района, Туминичах Оршанского района, пущены под откос воинские эшелоны в районах Копыси, Коханово, уничтожен склад с оружием в Зубревичах, разгромлен полицейский гарнизон в Дубровке Оршанского района.

Для придания партизанской борьбе более организованного и планового характера на совещании командиров партизанских отрядов в конце мая 1942 года было принято решение

объединить отряды и группы в партизанскую бригаду "Чекист". В совещании в районе деревни Уланово принимали участие Кирпич Г.А., Буланов И.Д., Седлецкий Ф.М., Севостьянов Г.Н. и Салафутдинов Г.Ш.

Командиром бригады избрали Кирпича Г. А., комиссаром - Седлецкого Ф.М., начальником штаба- Буланова И.Л., начальником разведки - Севостьянова Г.Н., начальником особого отдела (опер-уполномоченным) - Салафутдинова Г.Ш.

Командир бригады Кирпич Г.А., кадровый офицер, лейтенант пограничных войск, командир оперативной группы 17-го Краснознаменного пограничного отряда Западного пограничного округа. Одним из первых начал воевать с гитлеровцами на границе, с боями отходил на восток, а когда соединиться с частями Красной Армии не удалось, с шестью бойцами к осени 1941 года дошел до деревни Щетинки Шкловского района и приступил к организации партизанского отряда.

Комиссар бригады Седлецкий Федор Михайлович, кадровый офицер-политработник, батальонный комиссар, редактор дивизионной газеты. После тяжелых боев под Винницей попал в окружение, к осени 1941 года дошел до деревни Староселье - своей родины, начал устанавливать связи для организации партизанской борьбы. Одним из первых стал партизаном. Человек нео. быкновенного обаяния, умевший находить общий язык с людьми, при нео-, ходимости поддержать и вдохновить их на подвиг.

Начальник штаба бригады Буланов Иван Дмитриевич, кадровый офицер лейтенант, командир взвода, начал боевые действия в составе своей дивизии восточнее Минска попал в окружение, после того как соединиться с отходящими частями Красной Армии не удалось, в районе Вышково, Уланово Шкловс. кого района начал формировать партизанский отряд.

Начальник разведки бригады Севостьянов Григорий Николаевич, курсант артиллерийских курсов по подготовке лейтенантов. С первых дней войны уча-. ствовал в боевых действиях в составе артполка, попал в окружение, дошел до деревни Бошарово, где приступил к формированию партизанского отряда.

Начальник особого отдела бригады Салафутдинов Григорий Шарахуди. нович, кадровый офицер, лейтенант органов НКВД, оперуполномоченный пограничного отряда. С первых дней войны вместе с пограничниками принял участие в боях, попал в окружение, дошел до деревни Рогожанки и вместе с Кирпичем приступил к созданию партизанского отряда.

В период объединения отрядов, штабом бригады была проделана большая организационная работа по реформированию некоторых партизанских групп в отряды, созданию новых отрядов на базе партизанских групп, расстановке имевшихся в наличии командных кадров, в первую очередь кадровых офицеров, сержантов и солдат, бывших работников милиции, партийных работников. Предпочтение при назначении на командные должности отдавалось, безусловно, организаторам первых партизанских групп и отрядов. Особый отбор проводился в группу разведчиков штаба бригады и разведывательных подразделений отрядов.

В состав сформированной партизанской бригады "Чекист" вошли следующие отряды и

группы:

-	отряд	Иванова	Г.С.	(комиссар	Счеславский	П.И.)	-	80	чел.;	
-	отряд	Симдянкина	А.Ф.	(комиссар	Букштынов	Ф.И.)	-	75	чел.;	
-	отряд	Никитченко	А.С.	(комиссар	Яковенко	М.Н.)	-	51	чел.;	
-	отряд	Денисова	А.С.	(комиссар	Гришанов	Ф.А.)	-	68	чел.;	
-	отряд	Ковалева	Н.И.	(комиссар	Данилов	Б.Г.)	-	65	чел.;	
-	отряд	Суворова	И.Н.	(комиссар	Микотенко	П.Я.)	-	65	чел.;	
-	отряд	Клюшников	Б.Н.	(комиссар	Массюров	Н.И.)	-	81	чел.;	
-	отряд	Ходорика	М.К.	(комиссар	Мальчевский	В.Ф.)	-	22	чел.;	
-	отряд	Красякова	П.А.	(комиссар	Иванов	М.Н.)	-	75	чел.;	
-	отряд	Шамарина	А.М.	(комиссар	Кунгурцев	И.Е.)	-	80	чел.;	
-	группы	Зайцева	А.И.	и	Кононыхина	И.В.	-	по	37	чел.

Объединение отрядов в бригаду позволило более организованно планировать разведку и боевые действия, маневрировать силами, при необходимости сосредотачиваться для нанесения ударов или действовать по-оди-ночке, охватывать партизанскими действиями обширную территорию Ви-тебской и Могилевской областей, расширять сферу влияния партизан на местное население, активнее проводить политическую работу в населенных пунктах, обеспечивать партизан продуктами питания, срывать различные мероприятия немецких властей.

Партизанский отряд под командованием Иванова Г.С. располагал более сильным вооружением, являлся резервом и ударной силой командования бригады при проведении боевых операций в составе нескольких отрядов. Он обычно располагался вблизи штаба бригады и осуществлял охрану и оборону командного пункта. В его составе были одни из первых организаторов партизанской борьбы В.Чистяков, Ф.Шваюк, С.Коняшкин, С.Ельканович, Н.Дьяков и другие.

Партизанский отряд под командованием Симдянкина А.Ф., действовавший в Толочинском районе, был сформирован, в основном, на базе партизанской группы. В его состав влились уже отличившиеся в боях партизаны П.Булаев, И.Потапов, И.Климушкин, Н.Апанасенко, И.Курушев, Б.Сафронов, К.Золотой, М.Топивалдиев, А.Мачаховский. Комиссаром отряда был Букштынов Ф.И., занимавший до войны руководящие должности в центральном аппарате страны.

В отряд под командованием Никитченко вошли бывшие партизаны отряда Буланова - организаторы партизанской борьбы в Шкловском районе А.Васин, П.Корнев, К.Китов, Б.Рогов, Д.Прокопец, А.Денисов, Л.Зиньяков, Н.Ахмеджанов, В.Астахов, В.Аладьева, Л.Кривельская, З.Платонова.

Отряды Денисова, Ковалева, Суворова, Красякова действовали в Шкловском районе, отряды Клюшников и Ходорика - в Оршанском. Конный отряд (маневренная группа) под командованием Шамарина являлся подвижным подразделением бригады и предназначался для решения внезапно возникавших задач в ходе повседневной боевой деятельности.

Открытый, относительно безлюдный район действия бригады вынуждал отряды постоянно маневрировать, расширять районы деятельности, искать и создавать укрытия для баз и госпиталей. Боевые действия отряды в основном вели в междуречье Днепра и Друти, а госпитали и продовольственные базы размещались, как правило, в лесах западнее Друти.

...

[стр. 24 отсутствует]

Глава 4. Партизанская разведка

[стр.

25

отсутствует]

... зайти в волостное управление и раздобыть там бланки удостоверений личности (персональаусвайс). Волостное управление было закрыто, поскольку был воскресный день. Нам указали дом бургомистра. На пригорке рядом с домом, стояла лошадь, запряженная в легкий возок. Посоветовавшись, вошли в дом. На стуле сидел крупный мужчина, в другой комнате я заметил мальчика лет 12-13. Без долгих размышлений Коля достал из кармана пистолет, скомандовал: "Руки вверх". Я в это время проверил ящик стола, достал какие-то бумаги, а раскрыв шкаф, увидел 2 винтовки. В это время у Коли произошел случайный выстрел, мужчина упал на пол, а мальчик сильно закричал. Окна открыты, поэтому на улице все слышно. Я хватаю обе винтовки, Коля с трудом выталкивает мужчину на улицу и укладывает его на возок. Отвязываем лошадь и мчимся к лесу во весь опор. Сзади послышались выстрелы, за нами увязалась машина с немцами. Но на наше счастье она угодила в канаву и застряла, а мы скрылись в лесу. Вскоре мы были в лагере Рацевского леса. Мужчина оказался не бургомистром волости, а старостой соседней деревни. Севостьянов и Салафутдинов его допросили, дали соответствующие наставления и отпустили.

Коянов, мордвин по национальности, был одним из организаторов партизанского отряда под командованием Симдянкина, принимавшим участие в проведении многих боевых операций. Коля был моим хорошим товарищем, много раз мы вместе ходили в разведку. Погиб он летом 1943 года, попав в засаду противника в районе деревни Юриново Толочинского района.

Любопытна история с вражеским гарнизоном в Жукнево. Немцы этого гарнизона вели себя крайне агрессивно по отношению к нам. Они часто устраивали засады и уничтожали одиночных разведчиков и небольшие группы партизан. С Володей Рябининым и Колей Кояновым мы несколько раз выходили на разведку этого гарнизона. Немцы и полицейские, общей численностью до 30 человек, располагались на окраине деревни в школе, обнесенной земляными стенками с амбразурами для стрельбы. Местность, прилегающая к школе, была пристреляна с трех сторон. Уничтожить противника налетом было нецелесообразно, так как мы могли понести большие потери. Пошли на уловку. Зная, что староста соседней с Жукнево деревни Максимково - на службе у немцев, направили туда Володю Рябинина, Колю Яськова и Колю Коянова, которые ходили по деревне, притворившись пьяными. Наша хитрость

удалась. Староста на коне поехал в Жукнево и сообщил немцам о трех партизанах. Немцы и полицейские вышли из Жукнево в направлении Максимково. Они подошли к опушке леса, предварительно осмотрев ее в бинокли. Там же, замаскировавшись, лежали в засаде партизаны 1-го отряда Иванова и 5-го отряда Симдянкина. Когда немцы вышли на поляну у опушки леса, партизаны открыли огонь и уничтожили противника. В перестрелке погиб партизан-разведчик Павел Булаев. Оставшиеся в гарнизоне немцы открыли по лесу минометный огонь, а затем ушли в Коханово. Так гарнизон перестал существовать, а для нас открылся доступ к железной дороге Орша-Толочин.

Володя Рябинин, рабочий из Ярославля, после короткой подготовки в Москве в качестве старшего группы, в которую входили Виктор Чистяков и Аркадий Гершман, в октябре 1941 года с самолета был заброшен в немецкий тыл, в район севернее Бельнички для передачи питания к радиостанции, боеприпасов и взрывчатки группе подрывников, оставленной в тылу противника при отходе наших войск. Группу подрывников Рябинин не нашел и начал устанавливать связи с местным населением. Познакомился с партизанами Кирпичем Ивановым, Салахутдиновым. С Володей мы быстро сдружились, вместе выполняли разведывательные задания, а осенью 1942 года в Москве, в Кремле по. лучили ордена Красного Знамени.

18 июня 1942 года группой разведчиков из отряда Никитченко был взорван мост на железной дороге Орша-Могилев в 9 км севернее Шклова. Наблюдение за мостом велось в течение 5 дней. Были выявлены охрана и оборона моста численность и место расположения караула. Подпольщик Скворцов, работав, ший в Шклове по заданию партизан, сообщил график смены караула и пароль Разведчики, переодевшись в немецкую форму, подошли к мосту, бесшумно сняли часового, заложили тол и взорвали мост. Движение по железной дороге было парализовано на несколько суток.

Виктор Чистяков вместе с Рябининым осенью 1941 года был заброшен в тыл противника, а весной 1942 года он по указанию Рябинина перешел фронт и вышел в расположение войск нашей 4 ударной армии. Доложив начальнику штаба армии обстановку в тылу противника, по его указанию вновь был направлен в тыл к немцам для развертывания партизанской борьбы. Вернувшись из-за линии фронта, встретился с Рябининым, Кирпичем, Ивановым и стал одним из организаторов партизанского отряда. В отряде был разведчиком, принимал участие в подготовке и проведении ряда боевых операций.

Немцы стремились удержать под контролем рокадную шоссеиную дорогу Толочин-Бельнички, соединявшую две стратегические магистрали Минск-Москва и Минск-Могилев. Для безопасности движения своих войск они постоянно держали гарнизоны в Толочине, Друцке, Круглом, Прыганях, Тетерине, Головчине, Бельничках. Разведка бригады в свою очередь стремилась держать в своем поле зрения эти гарнизоны и передвижения гитлеровцев по шоссе.

Изучив разведданные, командование решило разгромить гарнизон в Головчине. Он насчитывал около 100 человек. Вокруг бывшей школы, где размещался личный состав гарнизона, были отрыты траншеи, по углам сооружены дзоты. Рядом со зданием находилась наблюдательная вышка, а часть территории, примыкавшей к школе, была обнесена колючей

провонок. Операцию было решено провести днем с расчетом на внезапность. Утром 25 июля 1942 года партизаны заняли исходные позиции для атаки. Противник был ошеломлен и не сумел оказать организованного сопротивления. Огнем из стрелкового оружия и гранатами было сломлено сопротивление в дзотах. Гарнизон был разгромлен. Большая часть немцев и полицаев была уничтожена, около 20 человек захвачено в плен, остальные разбежались. Партизаны потеряли трех человек убитыми и несколько ранеными. Было захвачено все оружие гарнизона, боеприпасы, продовольствие. По существу, Головчинская операция явилась разведкой боем с использованием кавалерии и мотоциклистов, ключом к успеху явился именно расчет на внезапность. Этот тактический прием широко использовался нами и в дальнейшем.

Через некоторое время гарнизон в Головчине появился вновь, так как был важен для противника как связующее звено между Толочным и Бельничамм. Ночью 11 сентября 1942 года гарнизон снова был разгромлен. Мне с разведчиками Барчуковым (1-й отряд), Ермаченко и Буяновым (10-й отряд) была поставлена задача снять часовых. Под покровом ночи мы подползли к часовому около школы и бесшумно сняли его, но другой нас заметил и открыл огонь. Мы подбежали к зданию школы, бросили в окна гранаты, а остальное довершили партизаны 1, 10 и 25 отрядов. В этом ночном налете было убито 10 немцев и полицаев, 15 взято в плен, остальные скрылись под покровом ночи. Было захвачено стрелковое оружие, боеприпасы, продовольствие.

Сейчас в Головчине открыт краеведческий музей, над созданием которого много трудился бывший учитель Гузов Василий Дмитриевич. В музее отведено место истории боевой деятельности партизанской бригады "Чекист". Летом 1942 года бригада активизировала свою деятельность и на железных дорогах Москва-Минск, Орша-Могилев. На железные дороги для подрыва вражеских эшелонов выходили небольшие диверсионно-разведывательные группы 17 и 20 июля 1942 года на участке Толочин-Коханово группой из отряда Иванова было уничтожено два вражеских эшелона. 24 июля разведчики из отряда Денисова на участке Шклов-Могилев пустили под откос эшелон противника. Разбиты паровоз и 2 вагона, уничтожено 18 гитлеровцев. 31 июля группа из отряда Суворова подорвала вражеский эшелон на участке Коханово-Тро-цилово. Разбито 2 паровоза, 18 вагонов. Движение было остановлено на сутки. 20 августа разведчики отряда Ковалева на перегоне Коханово-Толочин подорвали паровоз и 7 вагонов, уничтожили более 100 гитлеровцев. Движение было остановлено на 8 часов.

Николай Иванович Ковалев родился в местечке Староселье Шкловского района. Закончил командный факультет Военной академии им. М.В. Фрунзе и перед началом войны в звании майора был направлен на стажировку в Белорусский военный округ как преподаватель академии. С первого дня войны принимал участие в боевых действиях на Западном фронте. Был ранен в ногу и, избежав плена, добрался до Староселья, где лечился и скрывался у своей матери.

Весной 1942 года в Староселье стоял немецкий гарнизон, и мы с разведчиком Петей Страздиным отправились туда на разведку. Ночью постучались в одну из хат, двери открыла пожилая женщина. Осветив хату фонариком, мы заметили прятавшегося под одеялом мужчину. Подняли его, и я сразу узнал того самого майора, которому передал 23 июля 1941

года пленного немца. Однако на мое приветствие он не отреагировал. Тогда я напомнил ему, при каких обстоятельствах мы с ним встречались на фронте восточнее Браньска. Сначала он все отрицал, но затем, успокоившись признался: "Да, я майор Ковалев, и если вы партизаны, я готов пойти с вами, но у меня еще сильно болит нога". С этими словами он достал с полки сумку из-под противогаза, в которую были уложены котелок, металлическая кружка, ложка и еще кое-какие мелочи. Мы успокоили мать Ковалева, забрали Николая Ивановича, и выйдя из Староселья, пошли к своим лошадям. На одной из них доставили Ковалева в Рацевский лес. Я доложил Кирпи-чу и Севостьянову о результатах разведки немецкого гарнизона в Староселье и о Ковалеве. Вскоре Николая Ивановича назначили командиром формируемого отряда. Осенью 1942 года вместе с Булановым Ковалев улетел в Москву и к нам не возвратился. При поступлении на разведывательный факультет Военной Академии им. М.В. Фрунзе в 1947 году я вновь встретил Николая Ивановича. Он был уже полковником, старшим преподавателем академии.

Вместе с возраставшими боевыми возможностями партизанских отрядов совершенствовалась и наша разведка. Конные разведывательные дозоры бригады действовали в большом отрыве от главных сил. Наши разведчики постоянно находились под Оршей, Шкловом, Могилевом, Круглом, Толочиным

В конце июня 1942 года из Орши от Полины Войтовой и из Шклова от Надежды Ховренковой поступили данные о подготовке немцами карательной экспедиции против нашей бригады. Конные разведчики доложили о выдвижении противника из Шклова и Черноручья в направлении Рацевского леса. Была отмечена выгрузка немцев в Коханово и выдвижение их в сторону Рацево. Отряд Никитченко, прикрывавший основной район базирования со стороны Шклова, не вступая в затяжной бой, начал отход на Рацево. Намерение немцев, сосредоточивших около Рацевского леса до 600 человек, заключалось в том, чтобы окружить партизан с трех сторон и уничтожить. Наши отряды заняли оборону на северо-восточной, восточной и юго-восточной опушках Рацевского леса. Развернувшись в цепь, немцы пошли по полю в сторону леса. Подпустив их на расстояние 45-50 метров, мы открыли огонь из всех видов оружия. Немцы залегли, но их позиция на поле была более уязвимой по сравнению с нашей, и они начали отход в сторону Дымово. Партизаны атаковали Дымово, гитлеровцы не выдержали и выбросили белый флаг. Это был беспрецедентный случай в партизанской войне. Немцы через парламентариев попросили разрешения убрать с поля убитых и раненых. Подобрав убитых и раненых, они ушли в свои гарнизоны. Партизаны собрали оружие, оставленное противником на поле боя, и захватили в плен, отбившихся от главных сил немцев. Весть о нашей победе в бою под Дымовым быстро разнеслась среди местного населения, партизан приветствовали, поздравляли. Эта победа еще выше подняла моральный дух партизан. Нам, разведчикам, был преподан урок о необходимости сочетать различные методы ведения разведки: наблюдение, осведомление местных жителей и разведчиков-подпольщиков, проживающих в гарнизонах, высылка на дальние дистанции конных разведывательных дозоров.

От Клавдии Милорадовой, разведчицы из состава разведгруппы Западного фронта, действовавшей в районе Крупки, нам стало известно, что в леса южнее Крупки с Большой земли выброшена группа во главе с "Дядей Сашей" для оказания помощи партизанам.

Севостьянов поставил мне задачу найти эту группу, установить ее состав и задачу, а главное, есть ли у нее связь с Большой землей (штабом партизанского движения). Григорий Николаевич предоставил мне право подбора разведчиков для решения этой задачи. Действовать большой вооруженной группой было нецелесообразно. Я остановил свой выбор на Зине Платоновой - молодой партизанке-разведчице, прибывшей из Шклова в отряд Буланова весной 1942 года. Мы с Зиной и Севостьяновым разработали маршрут, предварительно наметив вероятные районы действий группы "Дяди Саши" и порядок ее поиска. Разработали простую легенду, взяли продукты питания, оружие и двинулись в путь. Необходимо было пройти километров 100, а с учетом поиска и того больше, по районам, обстановку в которых мы еще не знали. Шли проселочными дорогами, по возможности обходя населенные пункты. Правда, это не всегда удавалось. Украдкой через местных жителей выявляли места расположения гарнизонов и полицейских участков. Обходили стороной гарнизоны, расположенные в Волконовом, Друцке, Тетерине, Шепелевичах. Короткие июньские ночи обя-зывали нас к осторожности. В районе деревень Заозерье, Сомры мы стали встречаться с партизанами. Поняли, что попали в зону, контролируемую партизанами. Остановив двух партизан, мы попросили их указать место партизанского штаба. Молодые ребята приняли, конечно, нас за шпионов и повели к командиру. "Дядя Саша" - старший лейтенант Красной Армии Александр Морщинин - находился в глухой лесной деревушке Девеница, что в 30 км южнее Крупки. Он с группой военнослужащих был выброшен в тыл противника для активизации партизанской борьбы и придания ей организованного начала. Связь со штабом партизанского движения "Дядя Саша" поддерживал по радиостанции. За короткое время ему с помощниками удалось объединить несколько отрядов в партизанскую бригаду, которой он командовал до конца 1942 года. Первым комиссаром этой бригады был Сушков Н.К. В конце 1942 года Морщинин улетел в Москву, а бригадой до соединения с частями Советской Армии командовал Жунин, удостоенный звания Героя Советского Союза.

Нам с Зиной было приятно вести разговор с этим человеком. Мы вкратце рассказали о нашей бригаде, командирах, районе действий и некоторых результатах нашей боевой деятельности. Он дал в Москву телеграмму, которая явилась первым донесением в штаб о партизанской бригаде "Чекист".

После возвращения мы с Зиной подробно доложили Кирпичу и Севостьянову о результатах нашего похода, разведывательных сведениях, добытых нами в пути и полученных от Морщинина.

Деятельность партизан летом 1942 года была активной по всей Белоруссии, в том числе и в районах действия нашей бригады. Поток местного населения пополнял ряды партизанских отрядов, для пополнения изыскивались вооружение, боеприпасы. В результате боевых действий диверсионно-разведывательных групп на железных дорогах летели под откос вражеские эшелоны, срывались планомерные переброски войск и техники противника.

7 июня 1942 года группа под руководством комиссара 5-го отряда Федора Ивановича Букштынова, в которую входили Анатолий Мачаховский, Антось Хайнацкий, Петр Страдин и Дмитрий Шахмартов на перегоне Орша-Толочин взорвала вражеский эшелон. А 11 июля 1942 года на этом же перегоне группой под командованием Симдянкина был пущен под

откос эшелон гитлеровцев. Взрывали вражеские эшелоны наши группы и на других участках железнодорожных магистралей между Оршей и Крупками и между Оршой и Могилевом.

Разведчик 5-го партизанского отряда Мачаховский Анатолий Романович, Уроженец деревни Багриново Толочинского района, хорошо знавший местность, постоянно оказывал помощь командиру отряда в добывании разведывательных данных. Он принимал участие в диверсиях на железной дороге, использовался в качестве проводника при выходе диверсионно-разведывательных групп на задания, поддерживал связь с подпольщиками Толочина, работавшими по заданию партизан. За свои заслуги он был награжден орденом Отечественной войны 1-й степени, орденом Славы III степени, тремя медалями "За боевые заслуги".

После войны Анатолий Романович занимался общественной работой по патриотическому воспитанию молодежи на примерах партизанской борьбы бригады "Чекист"

К середине лета 1942 года партизанская бригада "Чекист" превратилась в грозную силу, способную наносить значительный урон захватчикам. Население активно помогало партизанам, пополняло их ряды. Но не хватало оружия, боеприпасов, достаточной информации о замыслах и намерениях противника.

Это была главная проблема, которую командование бригады не могло в полной мере решить собственными силами. Нужна была связь с руководством партизанского движения, его помощь в дальнейшем развертывании партизанской борьбы. Командованием бригады было принято решение направить своих - полномочных представителей через линию фронта. Выбор пал на меня и Любу Кривельскую, 17-летнюю комсомолку из деревни Рыжковичи Шкловского района. Это предложение командования мы с Любой приняли безоговорочно и были горды тем, что именно нам было доверено это задание.

Началась короткая подготовка, о которой знали немногие. Вместе с комбригом Кирпичом, начальником штаба Булановым и начальником разведки Севостьяновым обсудили маршрут. Кратчайшим расстоянием от нас до линии фронта было направление на восток, через Смоленск к Вязьме. Но мы понимали, что это сопряжено с большими трудностями перехода линии фронта и выхода в расположение наших войск, так как именно здесь была самая плотная группировка войск гитлеровцев. Было принято решение идти на Сенно, Витебск, Торопец предполагая, что на этом направлении возможны разрывы на фронте, а также в нашу пользу - лесисто-болотистая местность.

Решение оказалось верным. Согласно проработанной легенде, мы с Любой стали братом и сестрой и шли к родственникам в Городок Витебской области, который был на маршруте намеченного нами движения. Нам были выданы удостоверения личности, заполненные на стандартных бланках, и разрешение на посещение родственников. Одеты мы были по-крестьянски, в сумке - по куску хлеба и сала и небольшая сумма оккупационных денег. Под подкладку моего пиджака Олей Леванович были зашиты три куска белого батиста, на которых было напечатано донесение о боевом и численном составе отрядов, входивших в состав бригады, с указанием фамилий командиров и комиссаров, заявка на необходимое вооружение, боеприпасы, взрывчатые вещества. Севостьянов проинформировал и

проинструктировал

меня

дополнительно.

Железную дорогу и автомагистраль Минск-Москва во второй половине дня перешли открыто, через охраняемые переезды, и наши документы выдержали первое испытание. Окрыленные первым успехом, мы прибавили шагу. Немецкие и полицейские гарнизоны обходили проселочными дорогами, намечая в пути в качестве ориентиров следующие населенные пункты. Ночевали где придется: в лесу, в заброшенных сараях, в оставшихся с прошлого года копнах сена.

Однажды, не сумев обойти деревню стороной, мы вошли в нее, и вдруг навстречу нам из-за поворота вышли два полицейских, с белыми повязками на рукавах. Сворачивать было поздно. Люба мне тихонько сказала: "Ты стреляешь в левого, я в правого". Поравнявшись с нами, полицейские на ходу спросили, куда мы идем, а мы, тоже не останавливаясь, назвали следующую по маршруту деревню.

Чтобы попасть на другой берег Западной Двины, нужно было найти переправу, но все лодки у местных жителей были изъяты и содержались под охраной полиции. В одной из деревень, западнее Старого Села, мы нашли переправу около полицейского участка. Дежурил на переправе перевозчик из числа местных жи телей, но на другую сторону реки он переправлял только с разрешения полиции. Переправляться ночью вплавь Люба боялась, так как плохо плавала. Под вечер мы подошли к реке, я достал пистолет, чтобы перевозчик видел. Сели с Любой в лодку и приказали везти нас на противоположный берег. Проплыв некоторое расстояние, услышали громкий крик дежурного полицейского "Кого повез?" Перевозчик ответил: "Своих". Сойдя на противоположном берегу поблагодарили перевозчика. Он нам посоветовал как безопаснее двигаться дальше. Железные дороги Витебск-Полоцк и Витебск-Невель мы переходили ночью. В расположении партизанской бригады Шмырева, действовавшей в районе Суража, нам дали проводника, который и вывел нас в расположение советских войск.

В деревне Шейно, под Торопцом, располагалась Северо-западная оперативная группа ЦК КП(б) Белоруссии, которая осуществляла руководство партизанским движением республики, поддерживала связь с партизанскими отрядами и бригадами, оказывая им посильную помощь. Эта группа Центрального Комитета, расположенная в прифронтовой зоне, была передовым пунктом Белорусского штаба партизанского движения.

В первый же день после прибытия нас с Любой принял секретарь Центрального Комитета Компартии Белоруссии Эйдинов Г.Б. Мы ему подробно рассказали об обстановке в районе действий бригады, о ее организационной структуре, боевой деятельности, о связях с местным населением и мероприятиях оккупантов на захваченной территории, проводившейся партийно-политической работе. Доложили разведывательные данные по противнику, которыми располагал штаб бригады, в том числе о дислокации немецкой авиации на авиабазе Балбасово, гарнизонах немцев в Орше, Шклове, Толочине, Круглом и других населенных пунктах, о характере перевозок гитлеровцев по железным и автомобильным дорогам. В присутствии Эйдинова и представителя НКВД капитана Косого был распорот мой пиджак и извлечено донесение, напечатанное на белой ткани. Борис Георгиевич Эйдинов и капитан Косой от души смеялись и восхищались нашей выдумкой.

Мы вручили отпечатанную заявку и устно передали просьбу командования бригады об оказании помощи оружием, боеприпасами, взрывчатыми веществами.

Основную работу с нами проводил капитан Косой. Как мы с Любой поняли, он хотел убедиться, не являемся ли мы подставными лицами. В это время по линии немецкого гестапо и абвера уже шла интенсивная подготовка шпионов из числа изменников для заброски их к партизанам и в тылы Советской Армии. Но он очень быстро убедился, что мы - те люди, за которых себя выдаем.

Два дня я писал доклад об обстановке и группировке немцев в зоне действий разведки бригады. Особенно подробно пришлось описать аэродром Балбасово, перевозки немцев на Восточный фронт, и их оперативные резервы, порядок охраны коммуникаций. Для меня это была первая масштабная работа по обобщению разведанных о противнике в обширном районе. Для написания этого Доклада нам предоставили крупномасштабные карты.

Капитан Косой попросил нас с мельчайшими подробностями и временными показателями описать весь маршрут нашего движения с нанесением его на крупномасштабную карту. Мы с Любой поняли, что эти данные необходимы Белорусскому штабу партизанского движения и командованию Советской Армии для их использования в организации разведывательной работы, отправки разведчиков и связных в тыл противника.

Промерив по карте маршрут нашего движения, мы вычислили, что он составил более 300 км, и прошли мы его за 10-12 суток. В среднем мы шли по 30-35 км в сутки. Этот переход по тылам врага стоил нам большого напряжен,, моральных и физических сил.

Дали мы капитану Косому и несколько адресов в Орше, Толочине, Шклове и других населенных пунктах, которые можно было бы использовать в качестве конспиративных квартир с надежными хозяевами.

Разместили нас с Любой в деревенской хате, выдали пайки. После кратковременного отдыха началась подготовка к возвращению в бригаду. Нам поручено, чалось в качестве проводников провести большой отряд подрывников в Могилевскую и Минскую области. Это означало те же 300-350 километров по тылам гитлеровцев. В сформированном отряде насчитывалось около 40 добровольцев. Он состоял из отдельных групп подрывников, закончивших краткосрочное обучение. Каждая группа должна была выйти в расположение определенной партизанской бригады или отряда.

Фронт переходили на участке Невель-Городок в разрыве между боевыми порядками немцев. Движение было намечено по маршруту Шумилине, Сенно, Крупки, а далее каждая группа самостоятельно шла в свой район предназначения. Линию фронта перешли удачно, без потерь, несмотря на то, что противник преследовал нас почти на всем протяжении маршрута. У каждого подрывника было по 25-30 кг тола и принадлежностей для подрыва, продовольствие, оружие и боеприпасы. Груз был очень большой, а противник буквально "сидел на хвосте", не давая нам времени для отдыха. Шли днем и ночью, при остановках занимали круговую оборону, питались только сухарями и концентратами. В населенные пункты почти не заходили. Я посоветовал командиру отряда взять повозку с лошадьми,

поместить на нее груз, облегчить ребят и тем самым увеличить протяженность переходов. Таким образом нам удалось оторваться от противника.

Вместе с нами в бригаду пришла группа подрывников. Кроме того, вместе с нашей партизанкой Зоей Аладьевой также прибыла группа подрывников. Все это было конкретной помощью Белорусского штаба партизанского движения нашей бригаде. В бригаду также была направлена радистка Клавдия Буракова. Для проведения политико-воспитательной работы среди партизан и пропагандистской работы среди местного населения в бригаду прибыл из-за линии фронта Иван Яковлевич Коньков.

С прибытием большой группы подрывников по инициативе начальника штаба бригады Буланова И.Д. было организовано обучение партизан минно-подрывному делу. Одновременно с обучением активизировалась диверсионная деятельность. На железные дороги выходили группы из состава прибывших подрывников и местных партизан, хорошо знавших местность и обстановку.

Подрывникам из группы М.Горбатенкова совместно с разведчиками бригады за период с 5 июня по 12 сентября удалось пустить под откос 17 вражеских эшелонов, взорвать 5 железнодорожных мостов. Впоследствии весь состав этой группы был награжден орденами и медалями, а Горбатенков был награжден орденом Ленина.

Мы постоянно ощущали недостаток взрывчатки. Эту проблему решали за счет невзорвавшихся бомб и снарядов. Вначале, не имея опыта, к месту подрыва несли бомбу или снаряд, которые использовали в качестве мин, а затем сила-ми комиссара 10-го отряда Гришанова Ф.А. наладили изготовление мин из тола, выплавленного из бомб и снарядов.

В ответ на участвовавшие диверсии немцы предприняли ряд мер по охране железных дорог, мостов и складов. По обе стороны железной дороги вырубался лес, устраивались и минировались завалы, дополнительно возводились дзоты на подходах к дорогам, усилился контрразведывательный режим в станционных поселках и деревнях, примыкавших к железным дорогам. От периодических карательных экспедиций с ограниченным привлечением сил немцы перешли к разработке и проведению против партизан крупных операций с привлечением войск, жандармерии, разведывательной и бомбардировочной авиации.

В сентябре-октябре 1942 года против партизан под руководством начальника тылового района группы армий "Центр" генерала Шенкендорфа была разработана и проведена в два этапа карательная операция в районе Орша-Могилев-Борисов. На первом этапе, в сентябре, предусматривалось окружить Рацевский лес и уничтожить партизан бригады "Чекист". На втором этапе, в октябре 1942 года, окружить и уничтожить партизан бригады Жунина в лесах южнее Крупки. Для проведения операции использовались 107-я пехотная дивизия, 286-я охранная дивизия, батальоны "СС", жандармские и полицейские формирования.

В первых числах сентября были получены первые данные о действиях немцев от

разведчиков-подпольщиков из Орши, Толочина, Шклова. В Орше выгружались пехота, танки, артиллерия, и войска направлялись в сторону Рацевского леса. В Толочине была отмечена разгрузка пехотных, артиллерийских и минометных подразделений и выход колонны в сторону Рацево. Из Шклова колонна гитлеровцев выдвигалась в сторону Староселья. За колоннами противника велось наблюдение, а конные разведывательные группы бригады по возможности сопровождали их.

К утру 4 сентября немцы заняли почти все населенные пункты вокруг Рацевского леса: Староселье, Рацево, Смоляны, Дымово, Лаговщину, Зубово, Ореховку, Слободу. Рацевский и Казенный леса, где располагались основные силы бригады, были блокированы со всех сторон. Оставалась узкая полоска, идущая с северной стороны леса к железной и автомобильной дорогам Минск-Москва. Немцы, вероятно, считали, что уходить партизаны в этом направлении не будут.

Отряды заняли круговую оборону по опушкам леса. Западнее Староселья, где были обнаружены немецкие танки, наша партизанская артиллерийская батарея в составе двух орудий заняла огневую позицию. На вероятных направлениях возможного наступления были выставлены сильные заслоны. Немцы, наученные предыдущими боями против нашей бригады, продвигались к лесу очень медленно, последовательно занимая один рубеж за другим. Разведчики вели наблюдение за всеми маневрами немцев, проникая в их тылы через промежутки в боевых порядках. Над лесом периодически появлялся разведывательный самолет, который вел разведку и разбрасывал листовки с призывами бросать оружие и сдаваться.

Анализируя поступающие от разведки данные, в штабе бригады пришли к заключению, что атаку немцев следует ожидать утром 5-го сентября. На со вещании командиров отрядов высказывались различные мнения о действиях сложившейся обстановке. Одни предлагали занять жесткую оборону и не допускать немцев в лес, другие - прорываться в западном направлении, переходить через реку Друть в леса южнее Крупки, и, наконец, командованием бригады было принято решение действовать по третьему варианту, суть которого заключалась в следующем. Прикрывая Рацевский лес небольшими по составу заслонами, которые должны были в течение ночи имитировать активность основные силы бригады двумя колоннами вывести из леса к железной дороге Минск-Москва, тщательно замаскировавшись, в следующую ночь перейти железную и автомобильную дорогу на участке Толочин-Орша и уходить в леса южнее Лепеля. Переход дорог осуществить также в двух местах: правой колонной - западнее Коханово, левой - восточнее Коханово. Встреча обеих колонн планировалась в лесу Усвиж-Бук.

С наступлением темноты отряды двумя колоннами двинулись в направлении Галошево-Коханово. Левую колонну в составе отрядов Иванова, Симдянкина, Шамарина вел командир бригады Кирпич, правую - Никитченко, в составе отрядов Ключникова, Денисова, Ходорнка и Никитченко. Между обеими колоннами шел обоз с ранеными. Связь между колоннами поддерживалась конными разведчиками. Колонны двигались тихо, было запрещено курить, громко разговаривать. В авангарде шли конные разведчики, замыкали колонны группы боевого охранения. Оставленные в лесу заслоны, маневрируя, вели огонь по сосредоточениям немцев. К утру обе колонны бригады без боя вышли в намеченные районы.

Отряды под командованием Кирпича заняли небольшой лесок около деревни Симоново, отряды Никитченко - около деревни Ольховка. Оба района находились в непосредственной близости от Кохановского гарнизона и постов железнодорожной охраны. Это смелое решение позволило сохранить главные силы бригады и боеприпасы, которых становилось все меньше.

Начальник штаба бригады был оставлен в Рацевском лесу для встречи отряда Суворова, находившегося в это время на задании. Позднее Иван Дмитриевич, видевший своими глазами действия немцев, рассказал следующее. Рано утром гитлеровцы начали артиллерийскую подготовку. Снаряды рвались в расположении оставленных партизанами лагерей, значит, немцы имели довольно точные данные о нашем расположении. Затем, построившись в цепи, они с трех сторон перешли в наступление, ведя сильный ружейно-пулеметный огонь. Каратели несколько раз огнем прочесали Рацевский и Казенный леса. По просекам шли бронемашины и легкие танки, ведя беспорядочный огонь. Лагерь отрядов были перевернуты. Основные силы бригады ушли на север и, затаившись, ждали в это время следующей ночи для броска через железную и шоссейную дороги. Самолет-разведчик вел поиск партизан над лесами западнее и южнее Рацевского леса, но найти места их сосредоточения ему не удалось.

С наступлением темноты отряды под командованием Кирпича по предварительно разведанному маршруту двинулись к железной дороге. Я с группой разведчиков вывел колонну к железнодорожному переезду в 16 км восточнее Толочин. Уничтожив охрану немцев и выставив правее и левее колонны сильные заслоны, отряды через железнодорожный переезд двинулись к автомагистрали. Немцы открыли по колонне огонь, но основная масса уже перешла железную дорогу. К утру вышли на северную опушку лесного массива Усвиж-Бук. В небе появился самолет-разведчик, однако он не обнаружил партизан, которые рассредоточились в лесу и замаскировались

Вторая колонна бригады в составе пяти отрядов при попытке перейти железную дорогу восточнее Коханова попала в засаду немцев и, не сумев преодолеть огневой заслон, отошла в перелески. Маневрируя в лесах южнее железной доро-ги и неся большие потери, 25 сентября эти отряды под командованием начальника штаба бригады ушли в лес в район Ухвалы, южнее Крупки, в зону действий 8-й партизанской бригады под командованием Жунина С. Г. 5 октября в район Крупских лесов прилетел самолет, доставив партизанам оружие, боеприпасы и медикаменты. Этим самолетом вылетели в Москву Буланов И.Д. вместе с Ковалевым Н.И. Командование оставшимися отрядами было возложено на капитана Суворова И.Н. С 10 октября немцы начали карательную операцию в районе, куда вышли после Рацевской блокады наши пять отрядов. Оказавшись в окружении, отряды упорно сопротивлялись, неся большие потери. Погибли командиры отрядов Суворов И.Н., Ключников Б.Н., комиссар 20-го отряда Массюров. Только в декабре 1942 года в бригаду, которая в это время находилась в Лепельских лесах, из-под Крупок прибыло два отряда под командованием Маркова П.И. и Якимова С.Н. Отряд Никитченко вошел в состав бригады Жунина.

Карательные операции немцев, проведенные против партизан в районе Рацевского и Ухвальского лесов, тяжело отразились на боеспособности бригады. Если бы пять отрядов

под командованием Никитченко перешли железную и шоссейную дороги и соединились с основными силами бригады, мы бы не понесли таких больших потерь. Не сумев перейти дороги в намеченное время, нужно было попытаться перейти их в последующие дни, тогда отряды не попали бы повторно в блокаду.

Измотанные в предыдущих боях и переходах, не имея запасов продовольствия, отряды ждали прибытия колонны под командованием Никитченко. Костры разводить запрещалось, не разрешалось также выходить в населенные пункты за продовольствием. Отказала радиостанция, прекратилась связь с Центром. В этих непростых условиях командование приняло решение направить связных через линию фронта, с тем чтобы обеспечить бригаду боеприпасами, оружием и восстановить прерванную радиосвязь.

Ко мне подошли Герасим Алексеевич Кирпич, Григорий Николаевич Севастьянов и без лишних объяснений сказали: "Павка, нужно снова сходить за линию фронта, доложить руководству обстановку и постараться доставить в бригаду необходимое оружие и боеприпасы". Я имел уже кое-какой опыт, знал руководство Белорусского штаба партизанского движения, мне был знаком маршрут Движения и возможный характер препятствий, при переходе. В попутчики для выполнения этой важной задачи мне предложили Валю Воробьеву. Валю я знал, она пришла к нам летом 1942 года и выполняла разведывательные задачи. Для нас вновь были подготовлены временные удостоверения на имя Бурнацких Павла и Валентины, брата и сестры, жителей деревни Заборье. Было подготовлено разрешение бургомистра на посещение родственников в Витебске. Короткую легенду мы разработали вместе с Севастьяновым.

Бригада двинулась из Усвиж-Бука в Лепельские леса, а мы с Валею, тепло опрощавшись с Кирпичем, Севастьяновым, Седлецким, - за линию фронта.

Расставание было нелегким. Мы с Валею понимали, какие тяжелые испытания предстоят партизанам бригады, а командование понимало, что ждет нас при переходе фронта. О нашем задании знал ограниченный круг лиц. На этот раз у нас не было никакого письменного донесения для Центра, так как обстановку и наши потребности в оружии и боеприпасах я знал хорошо.

Кирпич и Севастьянов предупредили меня, что через неделю, в качестве наших дублеров, с аналогичной задачей за линию фронта будет направлена вторая пара - Володя Рябинин и Ольга Горбачевич.

По маршруту нашего движения многие деревни были сожжены, разорены между населенными пунктами не было почти никакого движения. Причиной была карательная экспедиция немцев. Двигаться в дневное время по дорогам было опасно, и мы старались передвигаться по тропинкам и перелескам. Отдыхали, как правило в лесу, один из нас спал, другой - бодрствовал. Через Западную Двину переправились на лодке, которую предоставил какой-то крестьянин.

Переход через железную дорогу Витебск-Полоцк оказался сложным и опасным. Вышли мы к ней в полдень. Расположились на опушке леса и стали вести наблюдение. Левее нас

находился немецкий сторожевой пост. Через переезд мы не пошли, выбрав место для перехода в другом месте. В полночь мы пропустили патруль и бесшумно перебежали на другую сторону. Послышался шум приближающегося поезда и вдруг раздался взрыв. Случилось непредвиденное совпадение нашего перехода железной дороги и подрыва вражеского эшелона какими-то местными партизанами. Мы с Валею бросились бежать к лесу, но ельник оказался настолько густым, что невозможно было не только бежать, но и даже идти. Со стороны будки послышался лай собаки, раздалась автоматная очередь. Мы ползли по ельнику от железной дороги. Сильный ливень заглушил треск ломающегося ельника, по которому мы ползли. Благодаря этому нам удалось скрыться. С наступлением сумерек мы вошли в какой-то дом, стоявший на окраине деревни, попросили поесть. Хозяйка нас покормила, принесла кусок сала, каравай хлеба, несколько вареных картофелин. Видно было, что они с пониманием отнеслись к нашему положению.

Железную дорогу Витебск-Полоцк мы перешли южнее станции Лосвидо под видом местных жителей спокойно, не перебегая, не прячась, на виду немецкого поста. Немец, стоявший на посту, видел нас, но никак не отреагировал, вероятно, такие переходы днем разрешались местным жителям. Но когда мы подошли к деревне, то увидели нескольких полицейских, собиравших молодежь для работ в гарнизоне Лосвидо. Я подошел к старшему полицейскому и показал письменное разрешение бургомистра на наш переход. Полицейский что-то подумал и махнул на нас рукой. Как только мы увидели, что полиция вышла из деревни, мы с Валею через поле дошли до леса и быстрым шагом двинулись дальше на восток.

К этому времени у меня на правой ноге сильно воспалилась старая рана. поднялась температура, и я с трудом шел уже два дня. На второй или третий день после перехода железной дороги мы встретили партизан бригады Шмырева, которые нас накормили. Меня они предложили направить в партизанский госпиталь. Мы от этого предложения отказались, поблагодарив за помощь и с их проводником перешли линию фронта.

В направлении Торопца шла грузовая автомашина, груженная каким-то армейским имуществом. Лейтенант разрешил нас подвезти. От боли в ноге и от высокой температуры я погрузился в забытие. Выехали на дорогу-лежневку, которые сооружались на болотистых участках фронта саперами. Разъезжались встречные машины на таких участках с трудом. Вот на таком участке дороги навстречу нам шла классная легковая автомашина "ЗИС-101", на которых ездило высокое начальство. Наш грузовик встал поперек дороги и встречная легковая машина остановилась. Из нее вышел Борис Георгиевич Эйдинов, секретарь ЦК КП(б), ехавший в сторону линии фронта. Он меня сразу узнал. Мы с Валею сошли с машины, и я ему доложил, с какой задачей нас направили. Эйдинов подробно расспрашивал об обстановке во время блокады немцами нашей бригады, о состоянии отрядов и бригады в целом, о причинах отсутствия радиосвязи, настроении партизан, и, главное, о том, в чем в первую очередь нуждается бригада. Я пересказал просьбу командования бригады, особо делая упор на необходимость оружия, боеприпасов и медикаментов. Борис Георгиевич и сопровождавший его товарищ делали записи в блокнотах, просили повторить некоторые цифры.

Я видел, как Эйдинов на каком-то форменном бланке написал записку и в моем присутствии проинструктировал своего водителя, чтобы он доставил меня на станцию Бологое, посадил в

поезд на Москву. Сам Борис Георгиевич сел в грузовую машину и поехал к фронту. Валу он захватил с собой в оперативную группу Белорусского штаба партизанского движения. Прибыв в Москву, я явился в Белорусский штаб партизанского движения, располагавшийся в отдельном здании на улице Фрунзе, доложил о прибытии и указаниях Эйдинова. Меня сразу же отвезли в армейский госпиталь, в тот же день сделали операцию на ноге, и я быстро стал поправляться. Недели через две я вышел из госпиталя, разместился в общежитии на Большом Черкасском переулке и еще несколько дней ходил на перевязку. После госпиталя я еще раз докладывал Эйдинову о бригаде и ее нуждах, встречался и беседовал с другими должностными лицами Белорусского штаба партизанского движения.

В Белорусском штабе партизанского движения меня проинформировали о новом месте расположения бригады, районах боевых действий, о выброске на парашютах оружия и боеприпасов, прибытии новой радистки Валентины Антоновны Полешук.

Внимательное отношение к нуждам бригады секретаря ЦК КП(б) Бориса Георгиевича Эйдинова, его быстрая реакция на просьбы, которые не так просто было выполнить в то время, является примером ответственного отношения к своему делу. С таким же вниманием он относился и к решению проблем, возникавших у других партизанских формирований.

Глава 5. ДЕЙСТВИЯ РАЗВЕДЧИКОВ-ПОДПОЛЬЩИКОВ

Неоценимую услугу в добывании разведывательных данных о немецких войсках и мероприятиях оккупационных властей на занятой территории, об оперативном оборудовании местности, размещении складов и баз, базировании авиации оказывали подпольщики, проживавшие в гарнизонах, на объектах, интересовавших командование бригады. Подпольщики вели разведку в Орше, Шклове, Могилеве, Круглом, Толочине и других населенных пунктах, они следили за перевозками немецких войск по железным дорогам, оборудовали оборонительного рубежа по Днепру и передавали полученные данные партизанам.

По заданию Шкловского райкома партии был оставлен для работы в тылу противника Сергей Шугалей, до войны работавший на шкловской фабрике "Спартак". Ему удалось привлечь для подпольной работы братьев Николая и Валентина Шустиковых, братьев Федора, Дениса и Ивана Гришанковых, Веру Жарину и других товарищей, работавших на железной дороге в Шклове и на станции Лотва в качестве машинистов, кочегаров, обходчиков, слесарей-ремонтников.

Группа поддерживала постоянную связь с Антоном Антоновичем Бело-брагиным - начальником разведки, а позднее командиром 10-го партизанского отряда. Через Белобрагина группа Шугалея передавала в бригаду сведения о перевозках немцев по железной дороге Орша-Могилев, о воинских частях, располагавшихся в Шклове, Могилеве, Лотве, характере оборонительных сооружений по Днепру между Шкловым и Могилевым. Группа минировала железную дорогу между Шкловым и Могилевым и подрывала вражеские эшелоны. На ее счету было более 12 взорванных эшелонов. При содействии партизан 10-го отряда были уничтожены немецко-полицейские гарнизоны на кирпичном заводе в Лотве,

разгромлен артиллерийский дивизион, захвачено в плен несколько немцев, давших ценные показания. Многие из состава этой боевой группы подпольщиков ушли в партизаны, а многие погибли, в том числе руководитель группы Сергей Шугалей и бывшая подпольщица, а потом партизанка-разведчица, Софья Яблочкина.

Через Ивана Степановича Малашкевича, партизана 10-го отряда, поддерживалась связь с подпольщиками Могилева супругами Новиковыми, Алексеем и Раисой Варламовыми, с чехом-кладовщиком немецкого склада Рудольфом. Через этих людей бригада получала данные о гарнизоне немцев в Могилеве, строительных работах по Днепру, а Рудольф через связных Ануфрия Кононова, Веру Жарину, Марию Бекаревич, Марию и Сергея Шугалей передал для партизан более 2-х тонн соли, в которой очень нуждались. Подпольщики Могилева добыли для нашей партизанской газеты шрифт, периодически передавали медикаменты.

В Орше действовала подпольная группа под руководством бывшего заместителя директора белостокского текстильного комбината Семена Степа-новича Благочинного. Нина Фомина, бывшая студентка педагогического института, вела разведку немецких войск в Орше, складов различного назначения, поддерживала связь с отрядом Хадорика, куда направляла бывших советских военнослужащих, попавших в плен, от партизан доставляла мины, листовки, передавала по поручению Благочинного разведывательные сведения, добытые в Орше. Клавдия Медведская, бывшая студентка, хорошо знавшая немецкий язык, вела наблюдение за движением поездов через Оршу, добывала чистые бланки различных документов, которые немцы выдавали местным жителям. Иван Янковский работал машинистом на станции Орша, устанавливал мины на поездах, идущих к линии фронта. Федор Ромашов работал в полиции, помогал советским военнослужащим избегать плена, по возможности обеспечивал их удостоверениями, связывал с Ниной Фоминой, а она направляла их к партизанам. Врач Евдокия Урасткаина, работая в госпитале, передавала партизанам медикаменты и перевязочный материал.

При отправке из Орши очередной группы советских военнопленных к партизанам, Благочинный отдал старшему проездной билет, выписанный на его имя, но провокаторы разоблачили группу, старший был убит, а билет Благочинного изъят.

Благочинный был сразу же арестован. Фомину и Медведскую предупредили об опасности. Фомина успела уйти к партизанам, Медведская была арестована. Благочинного и Медведскую допрашивали, пытали, а потом казнили.

В документе немецкой службы безопасности о Ходорике, Благочинном и Фоминой говорится следующее:

"Политическая служба безопасности"
Отчеты ГФП 1941 - 1943 гг.
Сообщение командира абвер-группы вермахта Вермута в Коханове.
Руководитель партизанской группы, некий Хадорик Максим неоднократно бывал в деревне Голошеве. В лес была направлена разведгруппа на поиски партизан, которая вернулась ни с чем. Была послана вторая группа, которая установила путь Хадорика и встретила с

партизанами. Один из наших агентов выстрелил и убил одного партизана, забрав полевую сумку, в которой был обнаружен месячный проездной билет служащего сельхозкомпании на льнокомбинате Благочинного. Благочинный был тесно связан с Фоминой Ниной. После его ареста Фомина ушла к партизанам. На допросе он признался, что сжег несколько сот килограммов льна, поджег текстильную фабрику, а проездной билет потерял в Галошеве.

Начались поиски Нины Фоминой, в результате которых был убит брат Хадорика, задержан 16-летний Женя Урбанович, который жил с бабушкой в Орше и был завербован Ниной Фоминой. Он вместе с ней уходил к партизанам. При выполнении задания Хадорика и Фоминой достать капсулы детонатора у Савицкого он был арестован.

Немецкий агент Юрий Саулич на допросе, состоявшемся после войны, показал, что Вермут из абвер-группы в Коханове дал ему задание выявить, где находятся Хадорик и Нина Фомина, но это задание он не выполнил, так как не знал, где их искать.

Для Нины Фоминой начался новый этап борьбы с немецкими оккупантами в рядах партизан. Ей поручались ответственные разведывательные и диверсионные задания. В июле 1943 года Нина вместе с Ольгой Демеш подорвали вражеский эшелон около деревни Барань, под Оршей. Следующий эшелон Нина Фомина с Ольгой Горбачевич взорвали на самой станции Орша около блок-поста 1 августа 1943 года. 5 сентября около станции Червень они пустили под откос еще один вражеский эшелон.

В конце ноября 1943 года Нина Фомина и Ольга Горбачевич перерубили кабель, соединявший ставку Гитлера с командованием группы армий "Центр". Кабель был проложен вдоль автострады Минск-Москва на глубине около метра. Девушки и двое мужчин ночью долбили землю около часа, пока нашли кабель и перерубили его.

Все шесть сестер Ховренковых из деревни Ганцевичи, проживая во время оккупации в разных местах, были связаны с партизанами бригады "Чекист" и выполняли разведывательные задания. Мария Ховренкова устроилась на работу в волостную управу деревни Понизовье, вошла в доверие к бургомистру и офицерам гарнизона. Она вела разведку немецких войск вблизи Понизовья, добывала бланки документов, выявляла планы гитлеровцев и через связных передавала эти данные в бригаду. Гестаповцы выследили Марию, жестоко пытали и расстреляли. Надя - сестра Марии, выполнявшая задания партизанской разведки, погибла в 1942 году.

Мария Глушанкова вела наблюдение за авиабазой гитлеровцев в Балбасо-во, оршанским гарнизоном и железнодорожным узлом. По ее данным о сосредоточении авиации на аэродроме Балбасово, переданным по радио в Центр, наша авиация наносила удары по аэродрому. В момент установки магнитной мины на цистерну с горючим в Орше Мария была схвачена, и только по счастливой случайности после жестоких допросов ей удалось сбежать.

Учительница математики Ольга Гуринова, хорошо знавшая немецкий язык, устроилась на работу к немцам в Толочине, информировала партизан о пере-бросках немецких частей через Толочин, гарнизонах противника, располагавшихся в городе. Ольге помогала ее подруга

Дина Финогенова. Обе девушки были арестованы и после пыток в апреле 1944 года расстреляны.

В сентябре 1943 года Иван Гончаров установил на железнодорожной цистерне магнитную мину, которая взорвалась во время движения поезда, при этом сгорело несколько других цистерн с горючим.

Активно вели разведку в местечке Круглое Александра Сергеевна Титова и молодой комсомолец Володя Поляков. Они, соблюдая конспирацию, длительное время информировали командование бригады о работе штаба 286-й охранной дивизии немцев, располагавшемся в Круглом.

Александра Сергеевна периодически добывала у немцев документы и передавала их партизанам. Я отчетливо помню переданную нам немецкую карту крупного масштаба с нанесенными базами партизанских отрядов нашей бригады, маршрутами передвижения партизанских групп из лесов южнее Ше-пелевичи в район боевых действий к Орше, Шклову, Толочину, Круглому, мест переправ партизан через реку Друть. Мы изучили эту карту с командирами отрядов, чтобы принять соответствующие меры предосторожности, а затем самолетом отправили ее в Белорусский штаб партизанского движения.

Титова передавала нам копии приказов начальника круглянского гарнизона, сведения о выходах карателей в районы, контролируемые партизанами нашей бригады. В коротких, но обстоятельных письменных донесениях Александра Сергеевна сообщала о намечаемых мероприятиях войск гарнизона и администрации в отношении местного населения (реквизиция имущества, в том числе теплых вещей и валенок для немецкой армии, сбор зерна, льна и другого сырья). Свои донесения Александра Сергеевна согласно договоренности адресовала "Дедушке", а подписывала их "Бабушка". Она была надежным источником получения разведывательных сведений. Мы оберегали ее как могли, о ее работе с нами знали только Кирпич, Севостьянов, Букш-тынов и я. В целях конспирации мы ни разу с ней не встретились. Однако, несмотря на меры предосторожности, гестаповцам удалось выследить Титову и уличить ее в связях с партизанами. 10 июня 1944 года немцы арестовали Александрю Сергеевну.

Володя Поляков был связующим звеном между подпольщиками и партизанами. Он докладывал о всех мероприятиях, которые проводились в Круглом, особое внимание уделяя работе по разложению власовцев (в Круглом стоял власовский полк донских казаков). По нашему заданию Володя поступил на службу в полицию, и с его помощью была разоружена охрана немецкого склада в районе Круглого, а склад уничтожен. После этого Володя ушел в партизаны и стал разведчиком 1-го отряда.

В книге Севостьянова Г.Н. и Жуковской В.Н. "За линией фронта" отмечено: "В 1943 году в Круглом насчитывалось около 60 подпольщиков, половина из них работала у немцев. В Шклове в 1944 году их было 30, а в Орше - 15 членов подполья. Как вспоминает бывший руководитель разведки 5-го отряда Сафронов, только по его заданию в Толочине, Коханово, Славном и Орше работали более 30 подпольщиков из числа местного населения".

Немцы несли большие потери в личном составе. В Германии ощущалась нехватка людских ресурсов для укомплектования боевых частей и соединений. Для восполнения людских потерь они приступили к формированию вла-совских частей и соединений, различного рода национальных легионов, рот и батальонов, полицейских участков из числа завербованных в лагерях советских военнопленных. Эти формирования использовались гитлеровцами для охраны коммуникаций, борьбы с партизанами и подпольщиками на оккупированной советской территории. По разным мотивам шли в эти формирования люди. Некоторые, абсолютное меньшинство - по идейным убеждениям, другие пошли служить по своей слабости, часть - под угрозой силы, а некоторые искали возможность вырваться из ада немецких лагерей, получить оружие и перейти к партизанам.

В сентябре 1943 года в Толочин прибыл так называемый "Туркестанский легион", сформированный немцами по национальному принципу из узбеков, туркмен и таджиков. Легион нес службу по охране немецких объектов второстепенного значения, занимался строительными работами. Работа по Разложению этого легиона была поручена командиру 5 отряда Симдянки-НУ. разведчику этого отряда узбеку Топиволдыеву и мне. Разведав место расположения легиона, мы стали искать связи с легионерами через местных жи телей. Вблизи станции Толочин мы с Топиволдыевым дважды встречались с одним из легионеров - Каралиевым, который уточнил численный состав легиона, его вооружение, объекты, находящиеся под его охраной, а главное - настроение легионеров. Стало ясно, что многие готовы перейти на сторону партизан.

17 октября 1943 года 17 человек из состава легиона с оружием перешли на сторону партизан. А "Туркестанский легион", как неблагонадежный, немцы расформировали.

Определенная работа по разложению личного состава проводилась нами и в добровольческом казачьем донском полку. Казачий полк дислоцировался в районном центре Круглое при штабе 286-й охранной дивизии немцев и представлял собой в то время внушительную силу. В его состав входило два кавалерийских эскадрона, артиллерийская батарея и подразделения обеспечения.

Через подпольщиков в Круглом мы пытались завязать связи с казаками. Молодой разведчик-подпольщик и наш связной Володя Поляков, живший в Круглом, предложил нам кандидатуру лейтенанта Крымцева. Крымцев под Борисовом попал в окружение, потом был плен, полуголодное существование в лагере для военнопленных. Посоветовавшись с товарищами, Крымцев и его друзья по плену решили вступить в армию Власова и при первой же возможности уйти в партизаны. Мы с Севостьяновым и Кирпичем посоветовались и решили Крымцева разрабатывать. Володя несколько раз намекал Крымцеву о возможности связаться с партизанами, на что он якобы реагировал положительно. Мы написали Крымцеву записку примерно такого содержания: "Вы один раз нарушили присягу воина - сдались в плен немцам, второй раз вы ее нарушили, став на путь измены, предлагаем искупить вину, для чего с группой казаков перейти на сторону партизан и встать на путь борьбы с гитлеровскими оккупантами". При очередной встрече мы предложили Володе передать нашу записку Крымцеву, он дал свое согласие. Обговорили день, час, место встречи с Крымцевым для переговоров в случае его готовности сотрудничать с партизанами. Местом встречи был дом нашей связной Рыльковой в деревне Пасырево.

Мы с Севостьяновым взяли с собой взвод партизан 1-го отряда, расставили посты на вероятных подходах к деревне и стали ждать. Примерно минут на тридцать раньше обусловленного времени, без стука и предупреждения открылась дверь и в нее ввалилась группа здоровых парней в немецкой форме. Мы несколько секунд были в шоковом состоянии, ведь расставленные посты должны были предупредить нас о подходе кого-либо к деревне. И вдруг четкий армейский доклад: "Лейтенант Крымцев с группой бойцов прибыл в Ваше распоряжение". С Крымцевым пришло 11 "казаков". Всех их определили в 1-й отряд под командованием Г.С. Иванова.

Вначале Крымцев был рядовым партизаном, затем его назначили старшим разведгруппы 1-го отряда. Нелегко было командованию принимать решения о быстром служебном продвижении бывшего изменника, но его военные способности, умение ладить с людьми и обстановка этому способствовали. Крымцев

погиб 7 июля 1943 года при проведении операции по разгрому артдивизиона немцев в Лотве.

После перехода к партизанам группы казаков во главе с Крымцевым, Поляков по нашей просьбе устроился работать полицейским. Его направили на охрану склада в районе Круглое, где он начал проводить работу среди полицейских, предлагая им перейти к партизанам. В начале июля 1943 года рота 1-го отряда под командованием Крымцева разоружила охрану склада в тот момент, когда Поляков стоял на посту. Партизаны бесшумно вошли в здание караула, забрали 12 винтовок и боеприпасы, сожгли склад со льном и вернулись в лагерь. Поляков в Круглое больше не возвращался, это было опасно.

Разведчики 20-го отряда, возглавляемые Закревским, через подпольщицу Понизовья Полину Войтову установили связь с власовцами гарнизона Дубровка. В середине сентября 1943 года при содействии Полины 5 власовцев перешли на сторону партизан. Они принесли с собой 4 пулемета, 2 автомата, 2 винтовки, винтовочные патроны и 22 гранаты.

Постепенно мы набирались боевого опыта, постоянно изучали противника и начали понимать, что он нас боится. Немцы неохотно выходили из гарнизонов, утрачивалась наглость, с какой они в 1941-42 годах грабили местных жителей.

Для нас изменилось значение слова "окружение". Это немцы оказались в окружении - с одной стороны, действующими советскими войсками, с другой - партизанами. После войны в семидесятые годы мы с генералом Максимовым были в служебной командировке в Минске и навестили бывшего командира бригады Кирпича. Во время беседы генерал Максимов имел неосторожность спросить у Кирпича: "При каких обстоятельствах Вы попали в окружение?". Кирпич очень эмоционально ответил генералу: "Я никогда не был в окружении, это немцы были у нас в постоянном окружении!". Вот так отреагировал мой бывший командир на вопрос, а Максимов, когда мы вышли из квартиры Кирпича, сказал: "Вот это комбриг!"

Глава 6. РАЗВЕДКА НА ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОМ ЭТАПЕ БОЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БРИГАДЫ

К началу 1944 года Великая Отечественная война вступила в завершающую стадию освобождения нашей Родины от оккупантов. Но советскому народу, воинам Вооруженных Сил предстояло перенести еще немало испытаний. В течение трех лет белорусский народ находился под гнетом фашистского ига. Десятки тысяч человек фашистские наместники угнали на подневольные работы в Германии. Не было ни одной семьи, которая не извела ужасов войны.

Но белорусский народ не склонил головы перед врагом. В течение всей фашистской оккупации в республике не утихало пламя борьбы партизан и подпольщиков. К лету 1944 года на оккупированной части Белоруссии сражалось свыше 140 тысяч партизан.

Партизанская бригада "Чекист" в числе других соединений и отрядов также активно действовала против немецких захватчиков. В ее рядах к этому времени насчитывалось более 2 тыс. партизан. Разведка бригады с течением времени принимала все более организованный и плановый характер, велась как в интересах действовавших фронтов, так и для своих нужд. Для ведения разведки использовались самые различные способы: агентурная деятельность разведчиков-подпольщиков, осведомление местных жителей, наблюдение за деятельностью противника, показания пленных немцев, перебежчиков из числа изменников, информация соседних бригаад и отрядов.

Обширный поток разведывательной информации, круглосуточно поступающей от различных источников в штаб бригады, учитывался, анализировался и обобщался. Выводы по сложившейся обстановке я, как начальник разведки, докладывал командованию бригады. Порядок доклада был установлен следующий. В конце дня Кирпич, Севостьянов, Букштынов, иногда члены Шкловского подпольного райкома партии собирались около штаба, и я в течение 20-30 минут оз-накамливал их с разведанными. Они уточняли отдельные положения и тут же, обычно Кирпич или Севостьянов, давали дополнительные указания по разведке. Иногда доходило до смешного. Порой ночью где-то начиналась стрельба. Меня тут же будили и спрашивали: "Где и кто стреляет?" Хорошо зная противника, его повадки и обстановку в целом, я с ходу давал ответы, и большей частью они были правильными. По указанию командира или начальника штаба бригады разведывательная информация передавалась по радио в Белорусский штаб партизанского движения, штаб Западного фронта, и посылными - в Могилевскую военно-оперативную группу при Могилевском подпольном обкоме партии.

Начиная с 1942 года мы почти полностью давали в Центр график движения поездов немцев по железным дорогам Минск - Москва и Орша - Могилев, сообщали о характере перевозимых грузов. Контролировалось прохождение воинских эшелонов в нескольких точках одной дороги. Мы вели наблюдение за перевозками противника, минировали железные дороги, устраивали диверсии: в Орше - Благодичинный, Фомина, Демеш, Медведская, Янковский; в Толочине - Гончаров Гуринова, Панченко, Абловецкий; в Шклове и Лотве - Шугалей, Жарина, Шус-тиковы, Гришанковы, Ермаченко; в Могилеве - Варламовы и многие другие.

Весной 1943 года разведка бригады информировала Главное командование о переброске

немецких войск под Курск и Белгород, о перевозке туда по железной дороге новых танков "Тигр" и "Пантера", самоходных штурмовых орудий "Фердинанд". Летом, после поражения немцев на Курской дуге, разведка бригады докладывала о потоке немецких эшелонов, идущих на запад с ранеными, об эвакуации из прифронтовой зоны складов и баз, вывозе награбленного имущества, о появлении на железной дороге между Оршей и Борисовым шпалоразрушителей, которые использовались немцами для вывода из строя железнодорожного полотна при отходе войск.

Накануне проведения советскими войсками стратегической операции "Багратион" по освобождению Белоруссии, разведкой бригады была вскрыта группировка войск 4-й немецкой армии, противостоявшей нашему Западному фронту. Разведка докладывала о дислокации и перемещении войск 286-й охранной и 78-й штурмовой дивизии, о расположении частей 230-й пехотной дивизии в районе Горок, о прибытии оперативной группы штаба 27-го армейского корпуса немцев в район Муханова севернее Орши, о других воинских формированиях и тыловых органах гитлеровцев.

За полтора месяца до начала Белорусской операции в штаб Западного фронта на самолете была доставлена из бригады подробная схема инженерных сооружений на оборонительном рубеже немцев по западному берегу Днепра. Схема была выполнена с указанием оборонительных позиций, соединенных между собою ходами сообщений, мест сооруженных дзотов, артиллерийских позиций, пулеметных площадок, подготовленных и оборудованных командных и наблюдательных пунктов, отсечных позиций между полосами обороны. На схеме также были показаны инженерные сооружения гитлеровцев на предместных укреплениях перед Оршей и Могилевым.

Разведка оборонительного рубежа по Днепру велась с 1943 года, т.е. с начала его оборудования, специально сформированными для этого группами: в районе Орши под руководством Закревского, под Шкловом - Малашкевича, под Могилевом - Варламова. Кроме того, сведения поступали от пленных немцев и полицейских, принимавших участие в строительстве сооружений, местных жителей, проживавших в зоне строительных работ. Данные, поступавшие от различных источников, предварительно наносились на крупномасштабную карту, которая была разделена на несколько частей: от Орши до Шклова, от Шклова до Могилева вдоль Днепра. Отдельно велись карты, на которые наносились инженерные сооружения на предместных укреплениях перед Оршей и Могилевым.

В канун Белорусской операции нами были переданы в Белорусский штаб партизанского движения и штаб Западного фронта обобщенные разведывательные сведения по военно-воздушной базе гитлеровцев Балбасово (количество базирующихся самолетов, места расположения складов горючего,

авиационных бомб и боеприпасов, расквартирование летно-технического состава, зенитное прикрытие аэродрома). Данные по аэродрому Балбасово давали разведчики 20-го отряда, в первую очередь, группа под руководством Закревского, и 60-го отряда под руководством Бубликова.

Разведывательные данные бригады накануне наступления советских войск в Белоруссии

были высоко оценены командованием Западного фронта, для их уточнения в бригаду прилетал офицер разведотдела штаба фронта. Командиру, начальнику штаба и мне - начальнику разведки бригады, командующий войсками фронта объявил благодарность и наградил ценными подарками, и от его имени офицер разведотдела вручил нам по пистолету "ТТ", биноклю и офицерской планшетке.

Офицер разведотдела преподнес мне урок по ведению допроса военнопленных. Я и другие наши товарищи, допрашивавшие пленного, обычно сажали его рядом, угощали папиросой и начинали в доброжелательной открытой форме допрашивать. Офицер нашу методику категорически отверг. В это время у нас было два свежих "языка" и он показал нам, как надо это делать.

Во-первых, он поставил немца по стойке "Смирно" и не позволял ему расслабляться, во-вторых, весь разговор вел в повелительном наклонении, в-третьих, требовал только четких ответов, не допуская пространных рассуждений. В принципе, с таким методом допроса можно было кое в чем и не согласиться. Но мы поблагодарили офицера разведотдела за урок.

С образованием военно-оперативной группы при Могилевском подпольном обкоме партии, нас обязали наряду с другими боевыми документами, отрабатывать и представлять туда с посыльными разведывательную сводку за определенный период времени. В сводке обычно указывались: общий характер действий противника в полосе ответственности бригады; места расположения немецких гарнизонов; характер перевозок гитлеровцев по железным дорогам; немецко-полицейские участки в зоне, их численный и боевой состав, характер действий; мероприятия немецкой администрации, проводимые в зоне ответственности; выводы по сложившейся обстановке.

В порядке информации разведывательная сводка направлялась в соседние партизанские формирования: в 8-ю партизанскую бригаду С.Г. Жунина, в партизанский полк "Тринадцать" под командованием С.Г. Гришина, прибывшего в нашу зону в 1943 году, а при наличии самолета - в штаб Западного фронта. Мы, в свою очередь, также получали разведсводки в порядке информации от этих партизанских формирований.

За четыре дня до начала перехода войск Белорусских фронтов в наступление, по решению Верховного Главного Командования Вооруженных Сил по всей оккупированной территории Белоруссии вновь была проведена операция по выводу из строя железных дорог путем массового подрыва под условным наименованием "Весенний концерт". Войска перешли в наступление 23 июня, а партизаны начали свою операцию в ночь с 19 на 20 июня 1944 года.

Наша партизанская бригада была задействована в этой операции в полном составе. 25-й отряд под командованием И.Я. Якушко действовал на железной дороге между Оршей и Могилевым, а все другие отряды - между Славное и Троцилово на железной дороге Минск-Москва. Как и в предыдущей операции "Рельсовая война", разведчики в короткое время организовали разведку, выводили отряды на исходные позиции для подрыва, принимали непосредственное участие в подрыве и обеспечивали организованный отход после операции.

В результате проведенных подрывов железные дороги на участках Орша -Борисов и Орша -

Могилев не функционировали, и немцы не смогли ими воспользоваться при отходе.

23 июня советские войска перешли в наступление, началась операция по освобождению Белоруссии. Замысел операции "Багратион" предусматривал одновременный прорыв обороны врага на шести участках, окружение и уничтожение фланговых группировок фашистских войск в районах Витебска и Бобруйска, разгром оршанской и могилевской группировок. Планировалось сходящимися ударами трех Белорусских фронтов в общем направлении на Минск окружить и уничтожить основные силы группы армий "Центр" и выйти к границам Советского Союза.

Основные силы нашей бригады находились в это время западнее Друти в районе Шепелевичи, Клева, Сомры, в районах сосредоточения после операции на железной дороге, но разведывательные группы уже выдвигались навстречу наступающим войскам.

Мы слышали гул артиллерийской подготовки, удары авиации по оборонительным сооружениям немцев на Днепре. Это советская артиллерия и авиация били по целям, выявленным нашей разведкой. Это с нашей помощью бомбардировочная авиация наносила удары по авиабазе Балбасово и железнодорожным эшелонам, застывшим на разрушенной железной дороге. Чувство гордости за победное шествие охватывало как воинов наступающих фронтов, так и партизан, местные жители со слезами радости встречали советские войска.

Поскольку главные удары 2-го Белорусского фронта наносились от Орши через Борисов на Минск, а 1-го Белорусского фронта через Бобруйск на Минск, в полосе ответственности нашей бригады образовалась наибольшая плотность гитлеровских войск, отходивших на Минск. Мы сотнями захватывали пленных, докладывали в Центр, что через нашу полосу отходят в сторону Минска части 14, 78, 93-й пехотных дивизий, а 12-я пехотная и 67-я штурмовая дивизии отходят под командованием генерала Крафта, которому Гитлер поручал первым проходить по столицам побежденных стран Западной Европы.

31-й отряд под командованием Назарова и 51-й отряд под командованием Кренева первыми вступили в бой с отходящими частями немцев восточнее и северо-западнее Шепелевичей.

В ночь с 28 на 29 июня на дороге Шепелевичи-Сомры на пути отхода 14-й пехотной дивизии немцев партизанами под командованием командира бригады Кирпича Г.А. была организована фронтальная и фланговая засады силами 1, 5, 20 и 31-го отрядов. Это был последний ожесточенный бой нашей бригады с регулярными гитлеровскими частями. Части 14-й дивизии, несколько раз атаковавшие позиции нашей бригады, не сумели пройти по этой дороге, понесли большие потери и вынуждены были, бросая технику, транспорт, лесными дорогами отходить в сторону Минска, где им уже был приготовлен "котел". 61-й отряд в это время вел бой с отходящими частями немцев на дороге Круглое-Ухвала.

Утром 29 июня я с группой разведчиков выехал на дорогу Шепелевичи-Сомры и своими глазами увидел мотоциклистов Советской Армии. Мы со скочили с коней и подошли к ним. Каково же было мое удивление, когда я сразу же узнал своего сослуживца по школе лейтенантов по фамилии Не-пейвода. Непейвода достал из мотоцикла фляжку с водкой, мы

расцеловались, глотнули из фляжки, и каждый двинулся своей дорогой. В расположение бригады заехал командир наступавшего танкового корпуса. Партизаны на руках донесли его до командира бригады. Всеобщее ликование нарастало.

Командир бригады получил указание всем составом бригады идти в Шклов, к Днепру. Отряды построились в походную колонну, и бригада двинулась. На этот раз мы тоже вели разведку, но с той разницей, что мы докладывали командованию о встрече с нашими частями вторых эшелонов наступающего 2-го Белорусского фронта. Перед Шкловом сделали ночевку, как могли привели себя в порядок, почистили оружие и утром вошли в Шклов. Затем по указанию Могилевского обкома партии сосредоточились в совхозе Буйничи, южнее Могилева, а 7 июля вместе с другими партизанскими формированиями, действовавшими на территории Могилевской области, приняли участие в параде партизан в Могилеве. Тепло приветствовали жители героического Могилева, лежавшего в руинах, партизан, вписавших в историю Великой Отечественной войны свою страницу.

На этом закончилась разведывательная деятельность партизанской бригады "Чекист".

Лучшими разведчиками и руководителями разведки, проявившими себя при выполнении боевых задач, были Герой Советского Союза Мамадали Топивол-дыев, Николай Коянов, Николай Золотой, П.А. Барчуков, Василий Хромов, Анатолий Мачаховский, Петр Страздин, Василий Закревский, братья Николай и Карл Захарченко, Бронислав Залевский, Владимир Рябинин, Виктор Чистяков, Николай и Иван Сафроновы, Любовь Кривельская, Нина Платонова, Ольга Демеш, Нина Фомина, Ольга Горбачевич, Нина Ласкевич, Валя Воробьева, сестры Ховренковы (Надежда, Мария, Анна, Матрена, Зинаида, Ефросинья), сестры Сидяровы (Валентина и Акулина), Александра Титова, Владимир Поляков, Николай Федоров, Антон Хайнацкий, Михаил и Григорий Ермаченко, Валентин и Николай Шустиковы, Филипп Барин и многие другие. О подвигах каждого из них можно написать книгу.

Тесные связи разведчиков-партизан с местным населением, их беспредельная преданность Родине, вера в победу над гитлеровскими захватчиками, особый отбор партизан для действий в разведке позволили решать сложные задачи, которые ставились Центром и командованием бригады.

Главы 7, 8, 9

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЕЖДУ РАЗВЕДКОЙ БРИГАДЫ "ЧЕКИСТ" И РАЗВЕДГРУППАМИ ФРОНТОВ ГЛАВНОГО РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА

В результате вероломного нападения гитлеровской Германии на Советский Союз и захвата значительной территории нашей страны существенный урон понесла и советская военная разведка. Главному разведуправлению Генштаба и разведотделам фронтов пришлось, по существу, заново создавать разведывательную сеть в тылу противника. На Западном направлении после короткой подготовки были переброшены в тыл противника

около 560 разведгрупп. Из-за отсутствия надлежащих средств связи, отсутствия опыта многие из них погибли или были захвачены немцами. Но многие сработали и передали Главному Командованию и штабам фронтов ценную разведывательную информацию.

Так, при подготовке Белорусской наступательной операции разведывательные группы 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов своевременно доложили в свои штабы об отсутствии у противника крупных резервов. Это помогло командующим фронтами правильно распределить силы при прорыве обороны противника и успешно провести операцию. Разведывательные группы ГРУ ГШ и фронтов, где это было возможно, базировались на партизанские отряды и бригады, использовали разведданные, добытые партизанской разведкой, и передавали их в свои штабы.

С базы нашей партизанской бригады в 1943-44 годах действовала возглавляемая майором Вацлавским Борисом Николаевичем разведгруппа, которой мы постоянно оказывали помощь в решении разведывательных задач, так как возможности разведки бригады были значительно больше, чем у этой группы. Мы помогали Борису Николаевичу подбирать помощников из числа местных жителей для решения задач разведки в Орше, Толочине, Шкло-ве, на железных дорогах. Оказывали помощь группе Вацлавского в решении продовольственной проблемы, иногда давали питание к радиостанции. Разведчики группы имели возможность периодически отдыхать, находясь под охраной партизан. Мы вместе с Борисом Николаевичем часто выезжали непосредственно к объектам разведки для уточнения каких-либо данных. Помню, что в знак дружеского расположения и оказания группе помощи, Вацлавский подарил мне трофейное кожаное французское седло.

Молодой девушке-разведчице Милорадовой Клавдии Александровне из состава другой разведывательной группы ГРУ ГШ тоже оказывалось постоянное содействие в решении разведывательных задач по Орше и аэродрому Балбасово. Для нее в бригаде изготавливались легализационные документы, давались конспиративные адреса наших подпольщиков.

Клавдия Александровна написала в свое время небольшую книгу "В разведке" о действиях разведчиков своей группы. Она сейчас живет в Москве, активно участвует в общественной работе, выступает с воспоминаниями перед молодежью и перед молодыми офицерами-разведчиками, пишет в газеты статьи о разведчиках, в том числе о своей подруге Зое Космодемьянской, с которой вместе проходила разведывательную подготовку.

ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ

РАБОТА

Партийно-политическая работа в тылу противника организовывалась и проводилась в исключительно сложных условиях. Захватив стратегическую инициативу, враг настойчиво продвигался в глубь советской территории. Немцы оккупировали прибалтийские республики, Белоруссию, Молдавию, часть Украины, а к концу 1941 года подошли вплотную к Москве и Ленинграду. Оказавшиеся на оккупированной территории коммунисты и комсомольцы, как из местных жителей, так и из состава войск Советской Армии, начали устанавливать между собой связи, собирать брошенное оружие, организовываться в партизанские группы и отряды. Там, где имелась возможность, слушали московское радио,

от руки записывали сводки Совинформбюро и доводили их содержание до местного населения, хотя на первом этапе войны вести эти были нерадостными.

С объединением отрядов в бригаду "Чекист" в каждый партизанский отряд были назначены комиссары: комиссар бригады Седлецкий Ф.М., комиссары отрядов П.И. Счеславский, Ф.И. Букштынов, Н.М. Яковенко, Ф.А. Гришанов, Н.Г. Данилов, П.Я. Мякотенко, Н.И. Массюров, В.Ф. Мальчевский, М.Н. Иванов, И.Е. Кунгурцев.

Была оформлена партийная организация бригады, насчитывавшая в своем составе 66 коммунистов. В состав партийного бюро вошли Г.А. Кирпич, Ф.М. Седлецкий, Г.Н. Андреев, И.С. Щербаков; Б.Н. Ключников, М.Н. Барановский, П.А. Красяков, Ф.Т. Сиялко, Ш.Л. Кеслер. Секретарем парткома был избран штурман, старший лейтенант Андреев Георгий Николаевич, его заместителем - И.С. Щербаков. В партизанских отрядах были созданы партийные группы.

Вся партийно-политическая работа была направлена на решение главных задач того времени - организацию партизанской борьбы, вовлечение в нее широких слоев населения, повышение результативности борьбы партизан с немецкими захватчиками, разоблачение гитлеровской пропаганды о строительстве "нового порядка" на оккупированной территории, срыв мероприятий гитлеровского командования по ограблению Белоруссии, угону молодежи в Германию на работы.

Комиссары отрядов, коммунисты, комсомольцы проводили собрания и беседы во взводах, ротах, отрядах, в деревнях, во время которых разъясняли реальное положение на фронтах Великой Отечественной войны, распространяли среди местного населения листовки, сводки Совинформбюро, воззвания, решения партии, правительства, местных подпольных партийных органов.

На разведку возлагались задачи по добыванию бумаги, типографской краски, распространению в городах и населенных пунктах газет, листовок, сводок, обращений к местному населению.

Комиссары и коммунисты в наших нелегких условиях являлись образцами для подражания, первыми шли в бой, возглавляли боевые группы при выполнении наиболее сложных задач, выходили на диверсии, воодушевляя партизан личным примером. Многие из них погибли. В бою с карателями в Рацево погиб первый комиссар бригады Седлецкий Ф.М., комиссар 1-го отряда Счеславский П.И. погиб при штурме немецкого гарнизона в Галошеве, погибли в боях во время блокады комиссары Массюзов Н.И. и Кунгурцев И.Е.

С особой теплотой вспоминают наши партизаны первого комиссара бригады Седлецкого Федора Михайловича. Он как будто рожден был для работы с людьми - для каждого находил ободряющие слова, вместе с рядовыми партизанами спал у костра, вместе с ними ел из партизанского котелка и вместе с партизанами шел в бой. Его похоронили в родном Староселье, на могиле установлен бюст. При встречах партизан нашей бригады обязательной традицией является возложение венков на могилу Седлецкого.

Федор Михайлович неоднократно предлагал мне стать его помощником по комсомолу (была у нас такая должность), учил меня разведке. Между нами не раз возникал примерно такой разговор. Седлецкий говорит: "Куда ты, Павка, всегда лезешь, ты же не знаешь, как должен действовать разведчик. Не нужно выскакивать на лошади на поле. Сперва надо остановиться, понаблюдать, а потом уже ехать дальше. Останешься ты без головы". А сам смеется одними глазами. Я ему отвечаю примерно так на его нравоучение: "Почему же Вы идете в бой в цепи партизан? Разве это комиссарское дело!" Весной 1943 года по согласованию с командиром бригады Седлецкий Ф.М. сдал свою должность Федору Ивановичу Букштыно-ву, а сам сформировал новый партизанский отряд и стал его командиром. После гибели Седлецкого 60-му отряду было присвоено его имя.

В июле 1943 года для создания Шкловского подпольного райкома партии в бригаду прибыли представители Могилевского подпольного обкома партии Марк Иванович Куднн и Иван Павлович Крисповец. На партийном собрании был выбран состав райкома, в него вошли: Г.А. Кирпич, И.С. Щербаков, Ф.Т. Сиялко, Ф.И. Букштынов, Ш.Л. Кеслер. Секретарем Шкловского подпольного РК КП(б) избрали Ф.И. Букштынова.

С созданием подпольного райкома партии партийно-политическая работа активизировалась. В городах, населенных пунктах, железнодорожных станциях создавались новые партийные организации, которые проводили работу среди местного населения, информировали его о положении на фронте, вселяли уверенность в победу.

Через разведчиков и подпольщиков удалось достать в Лепеле и Могилеве шрифты, бумагу, типографскую краску, сами изготовили примитивный наборный станок. С помощью бывшего наборщика Петра Кольченко начала выходить газета шкловского подпольного РК КП(б) "За Родину". Первый номер газеты вышел в количестве 300 экземпляров. Редактором газеты выбрали Щербакова Ивана Самсоновича, до войны работавшего инструктором Богушевс-кого райкома партии и знакомого с редакторской работой.

В партизанские отряды и к населению пошла газета, в которой рассказывалось о боевой деятельности партизан, об успехах Советской Армии на фронтах, о зверствах оккупантов, чинимых по отношению к мирному населению, о партийной жизни района.

Наборщик, печатник и издатель в одном лице Петр Кальченко был мастер-золотые руки, он изготовлял для нас и немецкие печати, которыми мы пользовались при отработке легализационных документов.

В это же время был избран Шкловский подпольный райком комсомола, в который вошли: М.А. Иванов - секретарь райкома, Ш.Л. Кеслер (от парторганизации), Н.Ф. Захарченко, П.А. Голицын, В.Ф. Чебышев, С.П. Обухов, В.П. Алехнович.

Главным вопросом заседаний комсомольского райкома был вопрос: "Как нам лучше бить немецких оккупантов, как уберечь молодежь от угона в Германию". В населенных пунктах также создавались подпольные комсомольские ячейки.

Когда на наших посадочных площадках стали садиться самолеты, у нас появились газеты

для передачи в отряды и местным жителям.

Ряды партийной организации со временем росли. В партию принимались лучшие командиры и рядовые партизаны, проявившие себя в боях, в том числе Г.Н. Севостьянов, И.Д. Буланов, командиры отрядов Г.С. Иванов, А.А. Белобрагин, С.Н.Якимов, начальник штаба отряда И.И. Жомейко, командир роты Н.К. Анапасенко, разведчики М.Топиволдыев, А.Р. Мачаховский, Н.Ф. Захарченко, врач Т.Я. Кривицкая и другие.

В конце марта 1943 года на партийном собрании в Стайске Г.Н. Севостьянов, И.Д. Буланов, Г.С. Иванов и я были приняты кандидатами в партию. Связывая судьбу с партией большевиков, мы присягали на еще большую активизацию борьбы с немецкими захватчиками и становились в первые ряды тех, кто был предан делу полного освобождения Родины. Меня рекомендовали в партию командир бригады Г. А. Кирпич, комиссар бригады Ф.И. Букштынов, член партбюро бригады И.С. Щербаков.

Букштынов Федор Иванович родился в 1903 году в деревне Слобода То-лочинского района Витебской области. Слобода примыкала непосредственно к Рацевскому лесу, где зарождалась наша партизанская бригада. С 1921 года Букштынов Ф.И. - на комсомольской работе. С 1927 года работал в Москве в управлении Московско-Белорусской железной дороги, а перед началом войны - в Совнаркоме СССР. В сентябре 1941 года вступил в ополчение, участвовал в обороне Москвы. 15 июня 1942 г. вместе с братом Павлом Ивановичем начал партизанить. В период создания бригады Букштынов Ф.И. был выбран секретарем парторганизации 5-го отряда, затем назначен комиссаром этого же отряда, а с осени 1942 года - комиссаром бригады. В июле 1943 года Федор Иванович избирается секретарем Шкловского подпольного райкома. Он принимал непосредственное участие в диверсиях на железной дороге, боевых операциях 5 отряда и бригады. 1 мая 1943 г. около деревни Бовсевици был ранен.

Федор Иванович пользовался большим авторитетом среди командиров и рядовых партизан бригады. Большой опыт партийной работы позволял ему хорошо разбираться в людях, быть чутким и внимательным к ним. Люди шли к нему со своими проблемами и тревогами. Многие Федор Иванович делал для укрепления дисциплины в отрядах и бригаде в целом. Непримири́м был к нарушителям порядка, проявлениям мародерства.

В послевоенный период Букштынов Ф.И. продолжительное время работал секретарем партбюро Совета Министров РСФСР, но по-прежнему оказывал содействие и помощь бывшим партизанам бригады. Умер Федор Иванович в марте 1973 года.

Партийная организация бригады по сравнению с 1942 годом увеличилась в два раза. К лету 1944 года в ней насчитывалось 123 коммуниста.

На партийных собраниях ставились, в основном, вопросы о боевой деятельности партизан, примерах коммунистов в бою, политической работе среди населения, срыве мероприятий немецкой администрации, вовлечении в ряды партизан новых бойцов.

Для советских людей слово "партизан" стало синонимом патриота, мужественного борца за

свободу и независимость своей Родины, готового на все лишения, на смерть ради победы над ненавистными захватчиками.

Лучших результатов партийно-политическая работа достигала, когда она проводилась целенаправленно, с учетом складывавшейся обстановки. Если в 1942 году население призывали к порче и уничтожению промышленного оборудования, уничтожению урожая, то к 1944 году обстановка изменилась. Советская Армия стояла на пороге Белоруссии, и важно было сохранить материальные ресурсы для восстановления народного хозяйства. В одном из обращений Шкловского подпольного райкома партии от 30 ноября 1943 года говорилось: "Мужчины и женщины! Могущие носить оружие, поднимайтесь на священную борьбу против озверевшего фашизма, не упустите ни единого дня.

Готовьте в лесах скрытые землянки для семей, заготавливайте продукты, прячьте имущество...

Не допускайте, чтобы фашистские палачи уничтожали вас и ваши семьи. Мстите гитлеровским людоедам за кровь и слезы, за причиненные муки нашему народу.

Проклятие, смерть немецким разбойникам.

Шкловский подпольный райком КП(б).

Прочитав, передай другому".

Копия этого обращения лежит передо мной, напоминая многотрудную работу наших политических и партийных органов.

СПАСЕНИЕ

ЛЕТЧИКОВ

Разведчики, действовавшие в полосе ответственности бригады, были проинструктированы о спасении наших летчиков в случаях, если наши самолеты будут сбиты огнем зенитной артиллерии немцев или потерпят катастрофу по иным причинам.

Первым летчиком, попавшим к нам в бригаду, был штурман, старшин лейтенант Андреев Георгий Николаевич, самолет-бомбардировщик которого сбили весной 1942 года. Андреев пробыл у нас несколько месяцев, был избран первым секретарем парторганизации бригады. Осенью 1942 года Андреев с группой партизан нашей бригады был направлен за линию фронта в расположение советских войск.

В сентябре 1943 года связная бригады из деревни Троица Ольга Жигуно-ва стала свидетельницей воздушного боя между советским бомбардировщиком и немецким истребителем. Оля видела, как оба самолета, объятые пламенем, начали падать. Из бомбардировщика выпрыгнули 4 человека и на парашютах спустились на землю. Немедленный поиск летчиков результатов не дал. На другой день утром Оля нашла след летчиков, встретила с ними в лесу и привела их в бригаду. Вскоре самолетами,

совершившими посадку на нашей площадке, все четверо были отправлены на Большую землю.

В конце июня 1944 года, во время проведения нашими войсками Белорусской наступательной операции, я с группой разведчиков находился в районе западнее Шепелевичей и наблюдал следующее. Два советских истребителя летели с запада на восток. Один из истребителей потерял скорость, начал падать и, ударившись о землю, разбился. Из-под обломков самолета разведчики вытащили летчика и доставили его в расположение бригады. Летчиком оказался офицер Волков Анатолий Ананьевич. Партизанскими врачами Волкову была оказана медицинская помощь, но состояние его оставалось тяжелым. Несколько дней он лечился в нашем госпитале, а в начале июля 1944 года, после соединения нашей бригады с войсками Советской Армии, Волков был направлен в распоряжение командования советских войск.

И вот, во время сбора партизан бригады "Чекист" в Шклове в 1984 году, мы встретились с Анатолием Ананьевичем, узнали друг друга, он с благодарностью вспоминал свое спасение после катастрофы. После этого случая Волков продолжал еще служить в рядах Советской Армии, затем уволился в запас, живет в Виннице и ежегодно поздравительными открытками дает о себе знать.

Весной 1944 года самолет ПО-2, летевший к нам в бригаду, был обстрелян немцами над Днепром. Летчик получил ранение, но дотянул до нашей посадочной площадки, где при посадке самолет ткнулся винтом в землю и замер. Из самолета вытащили окровавленного летчика в бессознательном состоянии, перевезли его в партизанский госпиталь, а самолет замаскировали на опушке леса. Через неделю летчика отправили на самолете на Большую землю долечиваться. Прилетевшие летчики-механики установили новый винт на самолет, и он перелетел в расположение своей части.

Через три года, уже в послевоенное время, мы случайно встретились с этим человеком в Москве, он уже был в звании капитана, продолжал служить в армии и летать (фамилию его, к сожалению, я не запомнил).

Были и другие случаи, когда наши партизаны оказывали помощь нашим сбитым летчикам. Но непременно мы стремились их направлять на Большую землю для продолжения службы, так как в летчиках в то время всегда испытывалась нужда.

Главы 10, 11, 12, 13

МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ БОЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БРИГАДЫ

Казалось бы, какое отношение имеет разведка к материально-техническому обеспечению? В партизанских условиях - самое непосредственное. В период организации партизанских отрядов, т.е. в начальный период борьбы с оккупантами, мы испытывали недостаток оружия и боеприпасов, поэтому одной из задач разведки был поиск брошенных нашими отходящими

войсками оружия и боеприпасов, доставка их в лес. Помню, что к осени 1942 года после блокадных боев с карателями, у нас в бригаде оставалось по 5 патронов на винтовку и по диску к автоматам ППШ и ППД. Эти цифры мы указывали в нашей заявке о помощи, когда отправлялись с Валеи Воробьевой за линию фронта. Разведчики искали оружие и боеприпасы сами, а главное, через местных жителей, многие из которых припрятавали это оружие или видели его где-то брошенным. Точно такое же положение было со взрывчаткой - взрывчатку, бомбы, снаряды искали все и доставляли их в отряды.

С весны 1943 года к нам на посадочную площадку в 3 км западнее деревни Заозерье стали прилетать самолеты, главным грузом которых было оружие и боеприпасы, а у нас они забирали раненых. Но в лесу садились только самолеты ПО-2 и Р-5, грузоподъемность которых была очень невелика. На эту же площадку оружие и боеприпасы, ВВ и принадлежности для взрывания сбрасывались в грузовой парашютно-десантной таре. Посадка самолетов и прием грузов для нас всегда были праздниками. Груз собирали дежурные подразделения по площадке, доставляли в штаб бригады, а там он распределялся по отрядам. Занимались распределением полученного груза обычно или сам командир бригады Кирпич Г.А., или Севостьянов Г.Н., или Буланов И.Д.

Несколько раз на наши сигналы было проведено беспарашютное сбрасывание боеприпасов в ящиках. Но оно себя не оправдало, так как часть патронов деформировалась, и они стали непригодны к применению. А проверяли их так. Выделялась команда партизан, которые вскрывали все патронные ящики и цинковые упаковки и каждый патрон затвором загоняли в патронник и выбрасывали его. Если патрон не шел - значит он деформирован. Из ткани грузовых мешков шились куртки или кителя, а из парашютов - белье. Кителя получались тяжелыми, негнушимися, особенно после дождя, а вот белье из парашютов получалось прекрасное, главным его достоинством было то, что вши в нем не заводились. Использовали парашютную ткань и как перевязочный материал после ее дезинфекции.

Вспоминаю в связи с приемом наших самолетов и комичные случаи. Часто просился дежурить по площадке приема самолетов комиссар 5-го отряда Савченко, носивший большую бороду. Он после выгрузки самолета подходил к летчику и выпрашивал у него пистолет. Разговор проходил примерно такой: "Подари мне, деду, пистолет, а мы из него уьем фашиста". Летчик: "Пистолет - это личное оружие, он записан у меня в удостоверении". Савченко: "Я тебе дам расписку о его получении, ты доложишь, что отдал партизанскому комиссару". Таким способом Савченко собрал примерно 5-6 пистолетов, что стало известно комбригу. Он его вызвал, отругал и приказал никогда не появляться на площадке, не позорить партизан.

Немецкое оружие и боеприпасы добывались в бою, особенно большими были трофеи при разгроме гарнизонов.

Для ремонта оружия на телегах была оборудована подвижная ремонтная оружейная мастерская, возглавляемая мастером-"золотые руки" Леонидом Николаевым. В мастерской не только ремонтировали оружие, а по чертежам комиссара 1-го отряда П.И. Счеславского изготавливали новые автоматы типа ППШ. Всего оружейники отремонтировали 1580 винтовок, 170 пулеметов, 4 пушки, 6 минометов, 3 ПТР, изготовили 122 новых автомата.

Автомат № 2 был отправлен на Большую землю и вручен в качестве подарка начальнику Центрального штаба партизанского движения П.К. По-номаренко. Он экспонируется в музее Минска.

Насущной проблемой было обеспечение партизан продовольствием. Разведчики докладывали, в каких пунктах сосредотачивается зерно для отправки в Германию. Тут же направлялась вооруженная группа, и это зерно реквизировалось, а там, где оно уже охранялось, брали с боем. Продовольствие захватывали и при разгроме гарнизонов. Конечно же, одним из основных источников заготовок продовольствия было местное население. Разделение зоны ответственности бригады на районы действий отрядов позволяло более или менее планомерно проводить заготовки продовольствия. Главным продуктом питания была картошка, иногда мясо, в основном конина. В отличие от крымских, карельских партизан мы никогда не получали с Большой земли продовольствие.

Начиная с 1943 года колхозникам вручался официальный документ примерно такого содержания: "Гражданин такой-то в счет государственной поставки сдал партизанам _____ кг зерна, _____ кг картофеля. Подпись должностного лица партизан, скрепленная печатью". Печать была изготовлена П.Кальченко с гербом СССР и надписью по кругу "Партизанская бригада "Чекист".

Поток раненых после проводившихся боев требовал организации медицинского обеспечения. В числе первых партизан были врачи Анна Ивановна Кокина, проживавшая до ухода в партизаны в деревне Бошарово, и Татьяна Яковлевна Кривицкая из деревни Воронцевичи. На плечи этих молодых женщин легла вся забота о раненых. Позднее из Орши пришли два высококлассных хирурга: Викентий Михайлович Волчек и Константин Петрович Чехов, а вслед за ними еще группа врачей, человек 6-7. Этими силами лечили раненых в бригадном госпитале и в отрядах.

На разведку возлагалась задача по добыванию медикаментов, перевязочного материала, медицинских инструментов. Добывали все это через связных и подпольщиков в Орше, Могилеве, Круглом, Толочине. Большую помощь в обеспечении медикаментами оказывала Е.М. Вольховская, кото рая доставала их в аптеках Могилева. При угрозе блокад раненых размещали в деревнях с согласия хозяев дома, иногда их удавалось даже разместить в больницах крупных населенных пунктов, а при прибытии самолетов раненых отправляли в армейские госпитали.

Врач Татьяна Яковлевна Кривицкая еще до прихода в партизаны подняла на ноги раненого бойца Красной Армии Потапова Ивана Сергеевича, который сразу же пошел в бригаду, а с осени 1942 года вел наше партизанское делопроизводство(приказы,указания, протоколы собраний и другие необходимые документы). У Ивана Сергеевича был очень емкий трофейный ранец, покрытый шкурой с шерстью, в котором он носил документы и берег их пуще своего глаза. Ранец был непромокаем и обеспечивал сохранность документов при переходах.

Если говорить об образе жизни и быте, то коротко можно сказать - они были походно-боевыми. Каждый из нас всегда имел при себе оружие, боеприпасы, одну-две гранаты

(обычно "Ф-1"), вещевого мешок или ранец с туалетными принадлежностями и бельем; у некоторых была плащ-палатка или немецкий плащ. Все это составляло довольно приличный вес, и когда обстановка позволяла кое-что снять с себя (во время сна, перед баней и т.д.), то сразу чувствовалось облегчение. Большая часть времени проходила в походах и боевых действиях, а у нас - разведчиков - в непрерывном движении. Отдыхали и базировались в лесу. У отрядов нашей бригады было по два района: район боевых действий между реками Днепр и Друть, и район базирования тылов отрядов и бригады - в лесах западнее Друти. Эти районы были расположены друг от друга на расстоянии 50-70 км.

Когда отряды находились в районе расположения тылов, то пища готовилась в котлах каждого отряда, а в зоне боевых действий питались как придется - каждый из своего вещевого мешка и котелка или фляги. До 1942 года у отрядов был только один район - район боевых действий - и базировались все отряды на Рацевский и Казенный леса, незначительные по занимаемой площади. Жизнь заставляла иногда уходить в леса западнее Друти. Леса и болота осложняли применение противником техники и в тоже время создавали возможность размещения партизанских тылов, госпиталя. Бригадный госпиталь размещался в лесах юго-западнее деревни Заозерье, там же размещались тылы отрядов, посадочная площадка для приема груза и самолетов. Но это не означает, что там не было противника. Противник был и находил нас везде. Гарнизоны немцев размещались в 7-8 км от районов базирования (в Шепелевичах, Бельничках, Ухвале, Корытнице).

Одевались мы кто во что горазд. Больше половины партизан было одето в немецкую трофейную одежду. Каждый стремился приспособить ее к боевой и походной жизни (ремень для пистолета и мешочки для боеприпасов и гранат на нем, рюкзак для нехитрых пожитков: белья, бритвы, продовольствия). Труднее было в зимнее время. Добывали у немцев шинели, местные жители помогали ватниками, пиджаками, кожухами.

Мне повезло с зимней одеждой. Будучи в Москве осенью 1942 года, я получил хорошую теплую куртку с воротником, теплый, спортивного типа, костюм. Такую же примерно экипировку получил и Володя Рябинин, находившийся в это время в Москве. На Смоленской площади был какой-то партизанский склад, на котором нам выдали эту одежду.

В лесу бригада размещалась поотрядно. Отрядный лагерь оборудовался летом шалашами, зимой, если позволяла обстановка, рыли землянки и устанавливали самодельные печки-буржуйки из бочек, железа, камня и другого подсобного материала. Особое внимание обращалось на маскировку с воздуха, потому что немцы периодически вели воздушную разведку, а по результатам проверки бомбили и расстреливали партизанские лагеря.

Под штаб бригады обычно оборудовалось 2-3 землянки или шалаша. В одной из них размещались комбриг Кирпич Г.А., комиссар Букштынов Ф.И., радистка Валя Полещук, редактор газеты Щербаков И.С. В другой землянке - начальник штаба Севостьянов Г.Н., его заместитель Буланов И.Д., я и заведующий делопроизводством Потапов И.С, в третьей - начальник медпункта Коница А.И., кухарка штаба Черня, ординарец комбрига Саша Бочков. Свою землянку, как правило, мы выкапывали и оборудовали сами, опыт у нас был большой. Для обшивки изнутри использовали осину, расколотую пополам. Белой стороной ставили ее внутрь землянки, горбылем к земле, и в землянке становилось чистенько и уютно. Летом для

шалаша делали каркас из жердей, обдирали еловую кору и облицовывали ею каркас. Белой стороной внутрь шалаша, серой шершавой - наружу. В шалаше тоже получались беленькие стены, а снаружи кора была хорошей маскировкой от воздушного, да и наземного наблюдения.

Если обстановка была относительно спокойной, то пищу для руководства бригады готовила кухарка. В ее же обязанности входило готовить угощения для гостей, если таковые появлялись в штабе. Все мы принимали пищу за одним столом, это как-то роднило нас, спланивало. Но все вместе мы собирались редко, у каждого были свои дела и обязанности за пределами штаба. Чаще других в штабе находились командир и комиссар бригады.

Интересна была судьба нашей кухарки Черни. Она жила с семьей в Шкло-ве. Немцы перевели ее вместе с семьей в еврейское гетто, а однажды большую группу евреев, в том числе и Черню, повели на расстрел. Около леса несколько человек бросились бежать из колонны, охрана открыла по ним огонь. Черне удалось убежать и добраться до нас, а все ее родные погибли.

Все мы были очень внимательны к Черне, она дарила нам свою ласку, заботилась о нас, всегда старалась получше нас накормить. После войны ей вернули ее домик в Шклове, и однажды, будучи в Шклове, я заходил навестить ее. Много было в тот день и слез, и радости у этой одинокой женщины с трагичной судьбой.

СВЯЗЬ

Связь в бригаде организовывалась и осуществлялась в зависимости от обстановки и возможностей. При расположении бригады в полном составе в одном лесном массиве связь между штабом бригады и отрядами поддерживалась пешими или конными посыльными. Посыльные от отрядов располагались вблизи штаба в готовности выполнить распоряжение командования. Штаб бригады обычно располагался в центре отрядов. Около него чаще всего размещался 1-й партизанский отряд Иванова, который нес охрану штаба.

При выходе отрядов на боевое задание в полном составе, они выделяли конных связных, которые находились около штаба и ориентировочно знали район, куда уходили отряды. Письменные, а чаще устные донесения о выполнении боевого задания отряд отправлял в штаб бригады через конных связных, либо донесение доставлял в штаб один из командиров рот, взводов.

Связь между штабом нашей бригады и штабом военно-оперативной группы Могилевского подпольного обкома партии, располагавшегося в Кличевских лесах, удаленных от нас на 60-80 км, а также штабами бригады Жунина С.Г. и полком Гришина С.Г. также была организована при помощи конных связных. Наши связные находились при их штабах, а их связные при нашем. Такая организация связи, примитивная на первый взгляд, позволяла обмениваться разведывательной и оперативной информацией, координировать боевые действия, обмениваться опытом политической работы среди населения, хотя и редко, но проводить совместные операции ("Рельсовая война в 1943-44 годах, одновременный разгром немецких гарнизонов в Кличевском, Шкловском, Бельническом, Круглянском районах в

1943 и 1944 годах). Для связи с Белорусским штабом партизанского движения штаб бригады в 1942 году шесть раз направлял своих представителей через фронт: Голицына, Кривельскую; Голицына, Воробьеву; Рябинина, Горбацевич; Кунгурцева с группой; Седлецкого с группой; Игнатенко с группой. Посланцы бригады информировали БШПД об обстановке в районе действия бригады, о состоянии и боеспособности отрядов, о нуждах бригады. Белорусский штаб партизанского движения всегда оказывал бригаде посильную помощь.

Исключительно важную роль в разведывательной и боевой деятельности бригады сыграла радиосвязь. В июне 1942 года Зоя Аладьева привела в бригаду из-за линии фронта радистку Клавдию Буракову с радиостанцией, а в декабре 1942 года БШПД прислал радистку Валентину Антоновну Полищук с радиостанцией. Получив радиосвязь, командование бригады имело возможность поддерживать постоянную связь с руководством БШПД, получать конкретные указания по ведению разведки и боевых действий, информировать Центр, а впоследствии штаб Западного фронта об обстановке в полосе ответственности бригады, и в первую очередь о группировках противника, нацеливать советскую авиацию на аэродром Балбасово, железнодорожный узел Орша, железнодорожные эшелоны, остановленные диверсиями на перегонах. Радиосвязь позволила осуществлять непосредственное взаимодействие бригады с войсками фронта, как это было в "рельсовой войне" в 1943 и 1944 годах.

Необходимо отдать должное радистке Вале Полещук, которая самоотверженно, порой в исключительно трудных условиях устанавливала и поддерживала связь на радиостанции "Север" до лета 1944 года, т.е. до соединения бригады с наступающими войсками Советской Армии. На память приходят такие неординарные случаи. В один из осенних дней 1943 года было получено сообщение, что к нам вылетит самолет и выбросит над площадкой груз. Немцы предприняли вылазку и к вечеру намеченного дня выброски груза должны были, по нашим расчетам, подойти к площадке. Редкий случай, когда из руководства бригадой в штабе остался я один. Подготовил телеграмму в Центр с просьбой об отмене вылета ввиду опасности захвата площадки немцами, а сеанса связи нет. Но Валя все же сумела выйти на связь на частотах дежурного приема и передала сообщение. В другом случае, когда кончилось питание к радиостанции (батареи БАС-60, БАС-80), Валя собирает старые батареи, соединяет их больше десятка вместе и передает радиограммы. Немцы подходят к лагерю, нужно дать об этом телеграмму в Центр, и Валя хладнокровно под свистом пуль проводит сеанс связи.

Радиостанция "Север" сыграла исключительную роль для организации связи с партизанами и разведывательными группами, выбрасываемыми в то время, в тыл противника. Небольшие габариты радиостанции, вес около 5 кг, относительная влагозащищенность, удобное батарейное питание (сухие батареи БАС-60 и БАС-80), относительная простота настройки, большая дальность действия - до 600 км, позволили тысячам действующих точек в тылу противника, в том числе и нашей бригаде, держать связь с БШПД и штабом Западного фронта. Ежедневно Валя передавала в центр 2-3 радиограммы, прежде всего разведывательного характера.

Позже, в конце 60-х годов, мне удалось познакомиться с конструктором радиостанции

"Север" Михалиным Борисом Андреевичем. Тогда этот скромный, несколько застенчивый человек работал в одном из научно-исследовательских институтов над новой, более совершенной быстродействующей станцией. Многие, в том числе и его коллеги по работе, даже не знали, какой огромный вклад внес Борис Андреевич в нашу победу над гитлеровскими захватчиками. Михалину Б.А. и его товарищам-разработчикам потребовалось в тяжелое военное время всего несколько месяцев, чтобы разработать эту радиостанцию, которая тут же была запущена в производство и прямо из цеха пошла на оснащение партизан, разведгрупп фронтов и ГРУ, выбрасываемых в тыл противника. Сейчас, говорят, сохранилось всего 2-3 экземпляра радиостанции "Се-вер", которые берегут как музейные экспонаты.

И, наконец, связь бригады с Центром и штабом Западного фронта со сре-Дины 1943 года осуществлялась с использованием самолетов, приземлявшихся на нашу партизанскую площадку. Самолетами мы отправляли донесения, раз-ведывательные сводки, карты с нанесенной группировкой противника, схемы, в том числе схему оборонительного рубежа немцев по Днепру, трофейные до кументы и другую информацию. Кроме оружия и боеприпасов, на самолетах нам стали доставлять газеты, которые зачитывались в отрядах до дыр.

Бывший начальник штаба авиационного полка, которым командовала В.С Гризодубова, Александр Михайлович Верхозин в своей книге "Самолеты летят к партизанам" пишет: "Весной 1943 года установилось почти регулярное воздушное сообщение между партизанскими районами и Большой землей. Ору. жие, боеприпасы, медикаменты, продовольствие и одежду - все, что могла, не жалела Родина для народных мстителей. Партизаны вели бои в тылу врага, разрушали коммуникации немецко-фашистских войск, срывали его замыслы, передавали командованию Советской Армии ценные сведения о противнике".

Прием грузов с воздуха, всегда был дня нас неординарным событием. Партизанский отряд на площадке приземления как-то по-особому, по-военному подтягивался, все действовали четко, одновременно по команде зажигали сигнальные костры, также быстро их тушили. Каждый партизан с восторгом приветствовал летчиков, стремился обменяться с ними хотя бы парой слов, просто подойти и потрогать самолет - посланник Родины, привезший ценный груз с Большой земли и еще раз продемонстрировавший величие Советской Армии. Мы аккуратно и быстро усаживали в самолеты раненых, просили их и летчиков передать привет всем советским людям, воевавшим и работавшим по ту сторону фронта.

Значение почтовой связи, которую выполняли самолеты, трудно переоценить. С каким трепетом ждали партизаны писем от родных и близких, которые находились по ту сторону огненной границы - фронта. Партизаны отправляли с самолетами письма, в которых сообщали о себе, боевой жизни. Многие разыскивали своих родственников, а родственники - своих родных в партизанских отрядах.

Подводя итог диверсионно-разведывательной деятельности партизанской бригады "Чекист", можно сказать следующее.

Разведке бригады, благодаря целеустремленности и упорству, в какой-то мере удалось систематически информировать Белорусский штаб партизанского движения и штаб Западного фронта о группировках противника перед фронтом, резервах, базировании авиации, тыловых объектах в обширном районе Орши, Могилева, Бельничей, Крупок, занимавшем в стратегических планах Советских Вооруженных Сил и гитлеровской армии важное значение. Наши разведывательные данные, вероятно, учитывались при принятии решений командованием.

Информация разведки бригады о перевозках гитлеровских войск по железным дорогам Минск-Москва и Ленинград-Киев, о характере перевозимых грузов и боевой техники способствовала в определенной степени раскрытию замыслов противника на этом важном стратегическом направлении.

Пожалуй, важнейшей заслугой нашей разведки является подробное вскрытие инженерных сооружений немцев на оборонительном рубеже по Днепру между Оршей и Могилевом и своевременная передача этих данных в штаб Западного фронта перед началом Белорусской наступательной операции летом 1944 года.

Главным объектом боевой деятельности диверсионно-разведывательных групп бригады был железнодорожный транспорт - основной вид транспорта гитлеровцев. Именно на железнодорожных коммуникациях на участках Орша - Борисов и Орша - Могилев диверсионно-разведывательные группы добились наиболее высоких результатов. Всего ими было пущено под откос 265 эшелонов противника.

За время боевых действий бригадой было уничтожено около 11000 гитлеровцев, большей частью в результате диверсий, осуществленных на железных дорогах.

В результате массированного удара по железным дорогам, нанесенного в ночь на 20 июня 1944 года, абсолютно парализованной оказалась железная дорога Орша - Могилев. На ее перегонах остались "замороженными" более девяти эшелонов, доставшихся советским войскам".

Успешное проведение мероприятий по организации и ведению разведки в решающей степени зависело от тесной связи партизан с местным населением. Благодаря добровольным помощникам разведки в деревнях, подпольщикам в населенных пунктах, командование бригады имело возможность постоянно получать разведывательные данные, представляющие интерес для фронта и для самой бригады. Почти каждый местный житель стремился в силу своих возможностей оказать разведке помощь.

Командование бригады - Кирпич Г.А., Седлецкий Ф.М., Букштынов Ф.И., Севостьянов Г.Н., Буланов И.А. оказывали постоянную помощь разведке в ее укомплектовании лучшими людьми, оснащении оружием, боеприпасами, минно-подрывным снаряжением, приборами наблюдения и др. Разведчики, в свою очередь, стремились соответствовать предъявляемым к ним требованиям.

РАСФОРМИРОВАНИЕ

БРИГАДЫ

После участия в параде партизанских сил в Могилеве 7 июля 1944 года бригада в полном составе возвратилась в совхоз "Буйничы" на Днестре.

Партизаны отдыхали. Погода стояла теплая, солнечная. Люди купались, стирали белье и обмундирование, загорали, пели песни, веселились как могли. Белорусское руководство прислало к нам поэтов, композиторов, артистов, подвижную киноустановку с набором кинофильмов - все это было задействовано в интересах партизан, которые так долго ждали этих дней, дней без боев.

Но война продолжалась, требовала людских ресурсов для пополнения воинских формирований, действовавших на фронте. Белорусская земля лежала в развалинах, необходимо было восстанавливать народное хозяйство.

К нам прибыли представители Могилевского обкома и облисполкома ЦК КП(б) во главе с секретарем ЦК Авхимовичем Н.Е.

Командование бригады представило прибывшей комиссии командный и политсостав бригады и партизанских отрядов. Комиссия коротко с каждым беседовала и ориентировочно определяла, на какой должности и в каком качестве можно было использовать того или иного человека для восстановления народного хозяйства.

Затем прибыли воинские начальники и также беседовали с кадровыми офицерами, оставшимися после отбора комиссии ЦК и обкома.

По указанию ЦК КП(б) командный состав бригады, командиры, комиссары и начальники штабов отрядов были направлены в Гомель, а затем в Минск для написания отчетов о боевой деятельности отрядов и бригады в целом.

Отобранные для восстановления народного хозяйства партизаны отправились в распоряжение центральных и областных кадровых органов, а остальные в запасный полк Советской Армии.

Момент расставания был и радостным, и тяжелым. Сколоченный, спаянный в боях единый организм партизанской бригады расходился в разных направлениях. Были крепкие рукопожатия, улыбки, слезы, но все делали то, что было предписано руководством, военным командованием.

Написание отчетов потребовало определенного напряжения и заняло продолжительное время, с конца июля по август. Кроме описания боевых действий командирам было предложено написать представления к наградам на отличившихся партизан.

Скажем прямо, наградами партизан не баловали; когда воевали, о наградах не думали, а стало это видно, когда соединились с частями Советской Армии. За все время войны нам было предложено написать представление к наградам лишь осенью 1943 года и после соединения с армией - осенью 1944 года.

Сюрпризом и полной неожиданностью для нас было решение руководства страны о выплате денежного содержания за все время боевых действий в партизанах. Рядовые партизаны получили деньги из расчета по 200 рублей за месяц, а командиры и начальники по должностям согласно штатного расписания (такие штатные расписания были разработаны БШПД). Полученное денежное удержание было в то время хорошим подспорьем при переходе на новый мирный образ жизни.

После написания отчетов командному составу были предоставлены краткосрочные отпуска на 15-20 дней, во время которых командиры съездили на Родину, встретились с семьями, сориентировались в новых условиях.

Большая часть командного и политического состава была оставлена в Белоруссии для восстановления народного хозяйства. Г.А. Кирпич был направлен на работу в аппарат ЦК КП(б), Г.Н. Севостьянов - в Совет Министров БССР, Ф.И. Букштынов, А.Ф. Симдянкин - в Могилевский облисполком, И.С. Щербаков - секретарем Шкловского райкома, Г.С. Иванов, Г.А. Назаров, С.Н. Якимов, С.А. Кренин, И.Я. Якушко, А.А. Белобрагин, А.И. Кокина, Т.Я. Кривицкая, В.М. Волчек и многие другие - на различные предприятия, в партийные и советские органы.

После войны, обычно в круглые даты, посвященные годовщинам освобождения Белоруссии, партизаны бригады по приглашению Шкловского райкома партии и райисполкома собирались в Шклове, вспоминали о минувших боях, рассказывали друг другу о послевоенной жизни. Многие приезжали со своими детьми и внуками. В программу встреч обязательно включалась поездка к Рацевскому и Казенному лесу, около которого в память о действиях бригады установлены мраморный памятный знак и партизанская землянка. Каждый раз предусматривается поездка и возложение венков у могилы первого комиссара бригады Ф.М. Седлецкого, возложение венков к памятнику освободителям Шклова, который сооружен на красивом месте на круче над Днепром. К чести местных органов власти, памятный знак, партизанская землянка, могила и бюст комиссара Ф.М. Седлецкого содержатся в хорошем состоянии. Ухаживают местные жители и за другими захоронениями наших партизан в Шклове, Уланове, Староселье, Рацеве, Толочине, Воронцевичах.

В 1982 году в память о 40-й годовщине образования бригады был отчеканен нагрудный знак "Партизанская бригада "Чекист". Памятный знак, землянка и нагрудный знак бригады были выполнены по инициативе командира 5-го партизанского отряда Александра Федоровича Симдянкина и других местных партизан.

В 1981 году издательством "Беларусь" издана книга "За линией фронта" о боевой деятельности партизанской бригады "Чекист". Авторы книги - бывший начальник штаба бригады Г.Н. Севостьянов и бывшая связная бригады В.И. Жуковская, а предисловие к книге написал бывший начальник разведки бригады П.А. Голицын.

Материалы о боевой деятельности бригады отражаются в районных изданиях книги "Память" Шкловского, Оршанского, Толочинского, Бельничского и Круглянского районов. О командирах, рядовых партизанах бригады и подпольщиках, поддерживавших связи с

разведкой бригады, часто появляются статьи в газетах Белорусской республики. В Шкловском, Головчинском, Толочинском краеведческих музеях нашей бригаде посвящены экспозиции. Большую работу по сбору материалов о людях бригады и их подвигах проделали Иван Викторович Куликов из Шклова, Анатолий Романович Мачаховский из Толочина, Василий Дмитриевич Гузов из Головчина, Иван Максимович Прусский из Воронцевич.

УЧЕБА

ОФИЦЕРОВ-РАЗВЕДЧИКОВ

Подавляющее большинство слушателей составляли прибывшие с различных фронтов офицеры-разведчики или боевые офицеры, которые в дальнейшем должны были быть назначены на разведывательные должности. У нас на курсах я оказался единственным партизаном.

Учебный процесс был интенсивным, требовал много времени, особенно для меня. Главными вопросами для нас являлись организация и ведение разведки в полку, дивизии в

ходе ведения боевых действий, изучение способов добывания разведывательных данных, их анализа, обработки, доклада командиру; разработка разведывательных документов: рабочей и отчетной карт начальника разведки штаба полка и дивизии, разведывательных донесений, сводок, справок и др. Интересно и живо проходили занятия по изучению иностранных армий под руководством капитана Медведева. После короткого вводного курса по общим принципам боевого применения немецких подразделений и частей Медведев ежедневно тренировал нас на запоминание основных контрольных цифр: основное вооружение отделения, взвода, роты, батальона, полка, дивизии немцев, их численный и боевой состав, нормативы по ширине и глубине обороны, удалению траншей одной от другой, созданию опорных пунктов, размещению резервов, построению боевых порядков в наступлении и др. По рисункам и альбомам мы изучали форму одежды и знаки различий всех категорий военнослужащих гитлеровских войск - от рядового до генерала.

По тактической и разведывательной подготовке решали задачи на картах, отработывали письменные разведывательные документы.

В конце курса обучения каждый слушатель разрабатывал реферат по теме, предложенной на курсах, или взятой в инициативном порядке. Я, например, писал реферат на тему "Организация и ведение разведки в партизанском соединении", в котором была дана историческая справка действий партизан в 1812 году, во время Гражданской войны 1917-22 годов и главным образом - в период Великой Отечественной войны 1941-45 годов. Реферат был написан на основе разведывательной деятельности партизанской бригады "Чекист • Первый экземпляр этого реферата, написанный от руки карандашом, сохранился и сейчас лежит передо мной.

Учеба на разведкурсах дала мне многое, я почувствовал уверенность в своих силах и готовность работать в войсках на разведывательных должностях. С благодарностью вспоминаю помощь, оказанную мне офицерами-фронтовиками Георгием Николаевичем Бакалдиным и Алексеем Ивановичем Ивановым. Позднее я всегда вспоминал учебу на этих

курсах как хорошую, необходимую школу разведки.

По настроению офицеров-слушателей, поведению, выражению их лиц было видно, что они отдыхали от грохота фронта. Необычная мирная тишина, ни стрельбы пулеметов и автоматов, ни свиста пуль, ни уханья мин, ни разрывов снарядов, только легкие звуковые сигналы московских автомашин и перезвон проходивших мимо трамваев. В свободное от занятия время, в будни и по воскресеньям, офицеры могли сходить в кино, театр, послушать музыку, зайти в ресторан. Всем давались лимитные ресторанные книжки, по которым можно было поесть и даже выпить со скидкой. К иногородним приезжали на свидание жены, дети, родственники, а офицерам-москвичам разрешалось иногда ночевать дома. Как же было не благодарить судьбу за предоставленную возможность отдохнуть от войны, крови, страданий. А ведь война продолжалась, шли кровопролитные бои на подступах к Берлину и в Берлине. Но каждый знал и чувствовал, что скоро наступит конец. 2 мая 1945 года был взят Берлин, а 8 мая подписан акт о безоговорочной капитуляции Германии. 9 мая был объявлен днем Победы - великим праздником всего советского народа. Москва в этот день кипела, все ликовали, кричали "ура", стоило где-то появиться человеку в военной форме, его тут же поднимали на руки. И радость, и слезы по погибшим - все смешалось вместе.

Началась подготовка к параду Победы, на котором предусматривалось, в числе прочего, прохождение сводного батальона (коробки) офицеров-разведчиков. Составляли списки участников. Тренировки нашей колонны проводились на площади Восстания под руководством начальника Высшей разведшколы генерал-лейтенанта М.А. Кочеткова. Всем нам пошили и выдали брюки и гимнастерки из английской шерстяной ткани цвета светлого хаки. Не знаю, по чьему приказу, но мы выходили на парад с обнаженными клинками и в шпорах.

Помню, что в нашем сводном батальоне оказались офицеры-разведчики югославской армии.

24 июня 1945 года у нас было торжественное, приподнятое настроение. Сводный батальон офицеров-разведчиков в числе других прошел торжественным маршем по Красной площади. Летний теплый ливень, случившийся во время парада, не омрачил нашего хорошего праздничного настроения. Вечером 24 июня гремел салют в честь Победы и победителей, Москву осветила праздничная иллюминация, толпы людей вышли на Улицы и площади праздничного города.

Вскоре на курсы прибыла комиссия Главного управления кадров Министерства обороны. С нами были проведены короткие беседы на предмет, где бы мы желали служить после окончания войны и на какой должности. Мы знали, что с нашим желанием не особенно будут считаться, но формально все это было соблюдено. Большая часть офицеров заявила о желании служить в западных военных округах. Мне хотелось побывать на Дальнем Востоке, об этом я и заявил комиссии. Полковник, беседовавший со мной, хитро улыбнулся и сказал: "Вашу просьбу постараемся удовлетворить".

РАЗВЕДКА В ДИВИЗИИ В СОСТАВЕ ВОЙСК 1-ГО ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФРОНТА И ПРИМОРСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА

В Приморский военный округ, штаб которого размещался в Ворошилове-Уссурийском, я прибыл в июле 1945 года. После короткой беседы в штабе меня назначили помощником начальника разведки 105-й стрелковой дивизии, штаб которой дислоцировался в Галенках. 105-я стрелковая дивизия являлась настоящей дальневосточной дивизией, не принимавшей участия в боях против немцев. Командовал дивизией генерал-майор Себер, среднего роста, крепкого сложения, 40 с лишним лет. Дивизия имела старую организационную структуру, отличавшуюся от структур фронтовых дивизий. Разведка была представлена дивизионной разведывательной ротой в составе трех взводов и подразделений обеспечения, в стрелковых полках были взводы конной и пешей разведки, в артиллерийском полку - батарея разведки, в инженерно-саперном батальоне - взвод инженерной разведки, в роте химзащиты - взвод химической разведки.

Разведывательные подразделения были полностью укомплектованы офицерами, сержантами и рядовыми разведчиками и находились в боеготовом состоянии. Моим непосредственным начальником был начальник разведки дивизии капитан Никитин Федор Егорович, все время служивший на Дальнем Востоке, хорошо знавший обстановку и особенности службы в этом отдаленном крае. Капитан Никитин не имел никакой разведывательной подготовки, но опыт службы в разведке, организации боевой подготовки разведывательных подразделений имел хороший. Читал все, что попадало в руки, касавшееся разведки. Был всегда подтянут, исполнительен до скрупулезности. Мне он сразу понравился, и отношения у нас сложились самые деловые и товарищеские.

Командир разведывательной роты капитан Амочкин, очень энергичный, подтянутый, спортивного сложения, про таких говорят "офицер-живчик", много работал лично по обучению роты разведывательным приемам. Знакомясь с разведротой, я сделал открытие - командиром одного из разведывательных взводов оказался мой родственник, сын двоюродной сестры Федя Корнилов, в звании лейтенанта, хотя по возрасту он был старше меня на 5 лет.

Во время представления командиру дивизии генералу Себеру между нами состоялась довольно продолжительная беседа. Он, главным образом, интересовался, как велись боевые действия войск против немцев. Я извинился перед ним и доложил: "Я же воевал в партизанах и не знаю всей организации боя на фронте". Но он все равно выслушал меня о действиях партизан, о моей оценке немецких войск.

Поскольку в дивизии офицеров-фронтовиков были единицы, то за меня взялся политотдел и редакция дивизионной газеты, чтобы я выступал перед личным составом подразделений через газету. Я добросовестно выполнял эту работу.

Все видели, что потоки эшелонов с войсками идут с запада на восток, в том числе и в Приморье, понимали, что обстановка складывается предвоенная и что скоро что-то должно произойти - война против японцев, боевые действия пробив самой сильной японской Квантунской армии, развернутой в Маньчжурии вдоль границ с Советским Союзом.

Мы, офицеры-разведчики, проводили занятия с разведподразделениями и подразделениями стрелковых войск по организационной структуре, вооружению и тактике действий японских войск. Изучали японские войска на Хунь-чуньском операционном направлении, а более полно и подробно - войска и укрепления Дунсинженьского и Хуньчуньского укрепленных районов. Материалов для подготовки к занятиям в дивизии было достаточно. За долгие годы противостояния с Квантунской армией наша разведка добыла довольно полные разведывательные сведения о японских войсках в Маньчжурии. В 1945 году Главным разведуправлением были изданы справочники со схемами укрепленных районов с подробным описанием огневых средств в каждом УРе предполагаемых районов развертывания полевых войск на случай войны.

К моменту проведения Маньчжурской операции нашим войскам противостояла сильная группировка японских войск. Вдоль границы с СССР и МНР у японцев имелись 17 укрепленных районов общей протяженностью в 1 тысячу км, в которых насчитывалось около 8 тысяч долговременных огневых сооружений. Кван-тунская армия насчитывала тридцать одну пехотную дивизию, девять пехотных бригад, одну бригаду спецназначения (смертников) и две танковые бригады. Общая численность противника составляла 1320 тыс. человек, у него имелось 6260 орудий и минометов, 1155 танков, 1900 самолетов и 25 кораблей.

Замысел главного командования советских войск предусматривал разгром Квантунской армии путем одновременного нанесения двух основных (с территории МНР и советского Приморья) и ряда вспомогательных ударов по сходящимся к центру Маньчжурии направлениям, расчленения и уничтожения вражеских сил по частям.

Наша 105-я стрелковая дивизия в составе войск 1-го Дальневосточного фронта вводилась в прорыв на направлении Дунин-Ванцин, т.е. в левофланговой группировке войск фронта. Но об этом мы узнали только накануне начала войны, когда дивизия была поднята по тревоге и вышла к участку прорыва восточнее маньчжурского города Дунин.

Командование дивизии, возможно, знало о сроках начала боевых действий, так как по прибытии в штаб дивизии в Галенки, начальник штаба приказал командиру разведроты развернуть для меня на сопке около штаба дивизии палатку для жилья: резона устраиваться где-то на квартире мне не было, а общежитием дивизия не располагала. Офицеры жили по частным квартирам, кто где мог устроиться. У меня в лагерьной палатке стояла кровать, солдатская тумбочка, самодельный столик из пустых ящиков, табуретка с ведром воды, света никакого не было. Простейший рукомойник висел на столбике на улице. Все Мое личное имущество помещалось в деревянном чемоданчике, сделанном земляком-умельцем Степаном Бельковым во время моего заезда в родной Черноисточинск. Спартанская обстановка меня вполне устраивала, настроение было хорошее, желания работать - хоть отбавляй. Родственник - командир разведвзвода Федя Корнилов пригласил меня в гости. Он снимал угол с кроватью в деревенской избе, так устраивались и другие офицеры дивизии. Устроил для меня праздничный ужин, за которым мы вспомнили родину, родственников, поделились мнениями о предстоящей войне. Рассказал Федя об обстановке в разведроты, поделился мнением об офицерах роты, о своих планах на будущее. Он как и я, закончил

краткосрочные офицерские курсы, получил лейтенантское звание и назначение в разведроту. Встреча с Фейей для меня была приятной, все-таки как-никак родственник, дополнительная поддержка, а главное - он подробно проинформировал меня об особенностях службы на Дальнем Востоке, а особенностей хватало.

Ориентировочно 8 августа к исходу дня дивизия сосредоточилась в 15-18 км от государственной границы восточнее Дунина. 9 августа начались боевые действия мощным огнем артиллерии и ударами авиации по огневым точкам укрепленных районов и войскам японцев в глубине Маньчжурии. Мы слышали гром от разрывов снарядов. Во всех частях дивизии были проведены короткие митинги по случаю начала войны, на одном из них, в штабе дивизии, выступал и я. Во второй половине 9 августа наша дивизия была введена в прорыв, проделанный артиллерией, авиацией, передовыми отрядами прямо напротив Дунина. День был солнечным, видимость идеальная. Гряда высоких сопков, господствовавшая над нашей территорией, с оборудованными на ней дотами, дзотами, казематами горела. Чуть слышно где-то вдалеке раздавались пулеметные очереди. Все остальное было подавлено нашей артиллерией и авиацией. Колонны войск дивизии шли прямо через пограничный город Дупин. Население попряталось, редко были видны китайцы, перебежавшие через двory своих построек.

Мне было приказано возглавить разведывательный отряд дивизии в составе разведывательной, пулеметной роты и батареи самоходно-артиллерийских установок САУ-76 с задачей: вести разведку в полосе движения дивизии в направлении Дунин-Ванцин, устанавливать силы, состав и принадлежность отступающих японских войск, рубежи оказываемого сопротивления и какими силами они заняты, направления отхода японцев. Двигаться надо было впереди дивизии на удалении 10-15 км от ее главных сил. Роты были посажены на грузовые автомашины. В батарее САУ-76 - 4 самоходных 76-мм орудия. Связь с начальником разведки дивизии - по радио и посыльными. Разведывательные взводы конной разведки вели разведку впереди и на флангах своих двигавшихся полков.

Начальник разведки капитан Никитин Ф.Е. постоянно находился в штабе дивизии вместе с переводчиком японского языка Джумой Атабаевым.

По маршруту ведения разведки попадались только разрозненные, неуправляемые мелкие группы отходящих японцев, которые сразу же сдавались в плен. Мы приказывали бросать оружие и идти вдоль дороги навстречу дивизии, что они охотно исполняли, а в дивизии их собирали и направляли на сборные пункты военнопленных. В плен попадали в основном японцы из состава расчетов разгромленных укрепленных районов и подразделений боевого обеспечения. Это настораживало. Мы задавали себе вопрос "А где же регулярные полевые войска Квантунской армии?" Беспокоило такое положение и командование дивизии. Мы двигались в какой-то пустоте, постоянно в напряжении, в ожидании фланговой контратаки или худшего - контрудара крупными силами.

Я во время привалов приезжал в штаб дивизии и докладывал полученные разведывательные данные начальнику разведки и командованию.

В один из дней я увидел обгонявшего нашу колонну на "дожде" своего товарища по

разведкурсам капитана Бакалдина, поприветствовал его, он остановился. Бакалдин служил в разведотделе штаба 17 АК. Он проинформировал меня о том, что основные, главные силы японцев на нашем направлении следует ожидать на рубеже Муданьцзян-Ванцин. В последующем эти данные подтвердились.

Мы продолжали движение на Ванцин, количество отступавших японцев увеличивалось, но организованного сопротивления дивизия не встречала. Кое-где, особенно в ночное время, слышались отдельные выстрелы и пулеметные очереди или нашего охранения, или натывшихся на него японцев.

В разведывательном отделении дивизии обнаружилось, что переводчик старший лейтенант Атабаев оказался недостаточно подготовленным по японскому языку, и нам с большим трудом удавалось допрашивать пленных японцев, которых становилось все больше. Ему было трудно читать и переводить японские документы. Атабаев до назначения переводчиком в дивизию закончил в Хабаровске краткосрочные курсы переводчиков японского языка. За короткий срок он, конечно, не мог хорошо освоить японский, поэтому у него возникали трудности с переводом, но он кое-как справлялся. Атабаев набирался опыта на практике. А как человек, Джума был добросовестным, очень порядочным товарищем. Года через полтора я встретил Атабаева уже в роли переводчика, работавшего в лагере военнопленных японцев и спросил у него: "Каковы успехи в языке"? Он ответил: "Вот бы теперь мне допросить тех пленных". Только теперь он стал настоящим, квалифицированным переводчиком.

Другой проблемой, которую испытывали войска и мы в нашей разведывательной деятельности, было отсутствие точных крупномасштабных карт. Наши карты были составлены в 1905 году, в период русско-японской войны. Перед Маньчжурской операцией их просто переиздали со старыми данными без внесения изменений за продолжительный промежуток прошедшего времени. Особенно грешили неточностями данные по населенным пунктам, их названиям, дорожной сети. Поэтому в большинстве случаев мы ориентировались по ландшафту местности. Вот где пригодился мой партизанский опыт в ориентировании на местности, в работе с картой. Странное ощущение, знакомое только, наверное, военным людям. Когда в какой-то момент не знаешь или сомневаешься, где ты находишься, тебя охватывает волнение и продолжается оно до тех пор, пока не восстановишь ориентировку. У военного человека чувство необходимости сориентироваться сохраняется на всю жизнь. Находясь даже вне службы, на отдыхе, в путешествии, он постоянно стремится узнать, где он находится по отношению к тому или иному населенному пункту, т.е. ориентируется.

15 августа наш разведывательный отряд и дивизия вошли в город Ванцин, пройдя от границы более 150 км.

Из информации штаба корпуса и от некоторых офицеров мы узнали, что японцы подготовили и провели контрудар в районе г. Муданьцзян, который пришелся по войскам 5 А, нашим соседям справа. Наши войска отразили этот удар японцев, но им пришлось вести ожесточенные бои.

Наша дивизия сосредоточилась в районе Ванцин, ее штаб разместился в самом городе, а мне

с разведывательным отрядом, только уже без батареи САУ-76, было приказано выдвинуться в район 15 км южнее г. Ванцин, т.е. развернуться на юг в сторону Кореи.

В новую задачу разведывательного отряда входило: вести разведку южнее г. Ванцин, выявлять расположение японских войск, небольшие группы японцев обезоруживать, захватывать в плен и направлять в Ванцин, о крупных группировках докладывать немедленно в штаб дивизии. Разведывательный отряд расположился в одной из китайских деревень, в живописной долине, по которой протекала быстрая горная река с водой кристальной чистоты. С командирами рот я провел рекогносцировку. Определили вероятные направления возможного нападения на наш отряд японцев со стороны гор и долины, наметили места для оборудования пулеметных площадок, позиций обороны подразделений на случай нападения японцев, места для секретов и постов охраны в ночное и дневное время. С высот окружающих гор наша деревня просматривалась как на ладони - игрушечные китайские фанзы, огороды с аккуратно обработанными грядками, загоны для скота. Вдоль долины шла проселочная дорога, по которой могла проехать автомашина, а в южном направлении от нас просматривались уже не сопки, а горы.

Местное население наш приход приветствовало и стало оказывать нам всяческое содействие в обустройстве. Из Ванцина мы захватили с собой проводника по имени Цой, он поддерживал контакт с местными китайцами и информировал нас обо всем происходившем в округе (в горах, соседних населенных пунктах); китайцы со страхом, но все бежали к нам докладывать, если обнаруживали где-либо японцев или узнавали что-либо о них, т.е. у нас появились добровольцы-разведчики из числа местных жителей.

За время длительной оккупации Маньчжурии японцы стали ненавистны китайцам. Они жестоко эксплуатировали китайцев, относились к ним как к людям второго сорта, вели себя в Китае как господа. Мне в Ванцине пришлось наблюдать такую картину. При разгрузке мешков с рисом пленными японцами китайцы из Народно-революционной армии встали в две шеренги с палками. Между ними трусцой пробегали японцы с мешками на спине. Как только кто-либо из японцев замедлял темп бега или ронял мешок, на него тут же сыпались удары палок. Мы были потрясены этой восточной жестокостью. Но это говорило и о том, как китайцы ненавидели японцев, как они хотели избавиться от них свою землю.

Ежедневно мы направляли один-два, а иногда и три разведывательных дозора из состава разведроты в составе 5-6 человек во главе с офицером, с оружием и биноклями, для разведки в горы. Встретив японцев, наши дозоры указывали им, куда идти сдаваться в плен (в сторону деревни, где мы располагались). Японцы в большинстве случаев выполняли это требование. Перед деревней их встречали наши разведчики, указывали место для складирования оружия, при необходимости направляли на школьный двор. Собрав группу человек 80-100 пленных японцев, мы направляли их в Ванцин под охраной двух-трех разведчиков.

Но часто встречались группы японцев, которые не хотели сдаваться в плен, пытались скрыться, а иногда и открывали огонь. Не мог усидеть в деревне энергичный командир роты капитан Амочкин, и я его отпускал с дозором. Частенько с дозорами уходил и я сам. Дня за 3-4 мы изучили окружающую местность и неплохо на ней ориентировались. Беспокоили нас ночи. Часто японцы, не зная, что в деревне есть русские, натыкались на нашу охрану. С той и

другой стороны открывалась стрельба, однако обычно японцы убегали и на этом инциденты исчерпывались. Но явного, подготовленного японцами нападения на наш маленький гарнизон не было.

Однажды днем разведчики обнаружили движение большой группы кавалерии в направлении нашей деревни. Мы изготовились к бою, пулеметчики заняли свои позиции, но встретив наше охранение, офицер-кавалерист помахал белым флажком и остановил своих конников. По нашей команде японцы спешили, положили оружие и сдались в плен. Это был неполный кавалерийский эскадрон - человек 60-70 во главе с майором. Эскадрон был построен на площадке около школы, и наши разведчики обыскали каждого японца. У двух японцев в карманах обнаружили по одной несданной гранате. Мы показали эти гранаты майору. Он поочередно подошел к каждому из них и несколько раз ударил по лицу. У того и другого брызнула кровь, но никто из них даже не посмел поднять руку и вытереть ее. Нас всех это поразило. Рукоприкладство в японской армии не возбранялось.

Из доставшихся нам лошадей эскадрона мы примерно 20 с седлами и полной сбруей оставили себе и содержали в разведроте. Подвижность наших разведывательных дозоров увеличилась. Мы стали посылать группы в разведку на лошадях.

Майор-японец сообщил нам ценные данные. Он сказал, что в горах, примерно в 10-15 км от нас на юго-восток, находится полк десантников-смертников из группы специального назначения. Он случайно встретил одного из офицеров этого полка, который сообщил, что полк находится в полной боевой готовности и не собирается сдаваться. О японском полке специального назначения я лично доложил командованию дивизии и начальнику разведки капитану Никитину. Переводчик Атабаев допросил майора-японца, он снова подтвердил эти данные.

Я получил задачу найти японский полк и доложить о его местонахождении, а также все, что удастся установить о нем. Донесение о полке японцев пошло и в штаб корпуса.

Посылка дозоров в два предполагавшихся района расположения японского полка закончилась безрезультатно.

Однажды, с командиром разведвзвода Федей Корниловым и тремя разведчиками, я сам отправился на поиск этого загадочного японского полка на лошадях. Ехали между гор по узкой долине, тропинка петляла то по одному, то по другому берегу небольшой горной речушки. День выдался солнечный, теплый, настроение было хорошее, знали, что скоро и здесь, на Востоке, одержим победу. Вдруг на противоположной стороне речки мы заметили в кустах японских солдат. Я остановил коня, помахал носовым платком, и мы все вместе тронулись вброд к японцам, они наши сигналы видели. Доехали до середины брода, как на другой стороне реки раздался взрыв. Мы соскочили с лошадей и бросились к японцам. Двое из них подняли руки вверх, а третий лежал раненый, весь в крови. Он подорвался гранатой и через минуту скончался. Хотел ли он бросить из укрытия эту гранату в нас, или хотел подорвать себя, не желая сдаваться, или же просто все произошло случайно, определить было трудно. Осколки просвистели над нашими головами, но к счастью никого из нас не задела, так как мы оказались значительно ниже места взрыва. Попытались допросить

японских пленных с помощью жестов и набора нескольких известных нам слов, однако ничего от них не добились. Отобрали у них винтовки, дали в руки записку и направили в сторону нашей деревни. Поехали дальше, но происшедшее нас насторожило, мы поняли, что нужно быть более осмотрительными. Долина сужалась, повернула на восток и стала переходить почти в ущелье. Вдруг с небольшой высоты, покрытой кустами, послышались окрик и звук лязгнувшего затвора, две японские винтовки с примкнутыми штыками смотрели в нашу сторону на уровне голов. Мы остановились, я достал носовой платок, помахал им, через некоторое время японец что-то крикнул, мы продолжали стоять. Тут из-за кустов выскочил третий японец, он дал нам понять, чтобы мы стояли на месте. Стоим, я по-прежнему держу в руке носовой платок. Минут через 5 прибежал еще один офицер, жестами приказал нам спешиться. Мы подчинились, и японец подал команду, чтобы солдаты убрали направленные на нас винтовки, и пригласил сесть на траву. Мы с Федей потихоньку перекинулись парой слов о том, что, наверное, нашли то, что искали. Минут через 10 пришел офицер в чине майора и спросил нас на ломаном русском языке: "Что вы хотите?" Мы ему ответили, что являемся представителями командования Советской Армии и прибыли к ним, чтобы уточнить, когда часть будет разоружаться и сдаваться в плен". Наверное, тональность нашего разговора не понравилась майору, он сильно помрачнел и пригласил нас к командиру. Мы с Федей пошли за ним, оставив около часовых трех разведчиков во главе с сержантом. Шли мы минут 10 и вышли к месту, где ущелье расширялось и образовывало что-то вроде котлована в горах. По краям котлована на хорошо замаскированных естественных террасах были растянуты палатки, вокруг которых располагались солдаты. Увидев нас, солдаты вскакивали с мест, пялили на нас глаза в каком-то замешательстве. Они отдавали честь майору, который за всю дорогу не промолвил больше ни слова. Ну, думаю себе, попали мы с Федей как кур в ощиц, в самое пекло самураев. Обменялись с ним молча взглядами и поняли состояние друг друга. Вышли на небольшую лужайку, на которой была натянута большая конусообразная армейская палатка. Перед палаткой часовой с винтовкой. Майор-японец вошел в палатку, а мы остановились снаружи. Чуть позже тот же майор пригласил нас войти. В дальней от двери части палатки стояла лежанка, на которой сидел в военной форме подполковник-японец, командир части. Этот самурай в нашу сторону посмотрел только один раз, когда мы вошли, больше он ни разу не удостоил нас взглядом.

Тот же вопрос, что задавал нам майор: "Кто вы и чего хотите", у нас тот же недипломатический ответ: "Мы представители советского командования, прибыли к вам, чтобы узнать, когда часть будет разоружаться и когда сдастся в плен советским войскам".

Подполковник нам ответил, что он не имеет приказа от своего командования на этот счет. Разговор на этом закончился. Мы в сопровождении майора вышли из палатки, он себя вел уже спокойнее, проще, представился нам как начальник штаба этой части, пригласил пообедать. Мы с Федей были голодны и согласились, зашли к нему в палатку и, пока нам несли какой-то обед, он рассказал, что знает о сдаче в плен японских частей, и добавил, что как только часть получит приказ, она также разоружится и сдастся в плен. Еда нам в горло не лезла, мы немного перекусили и пошли к своим разведчикам, которые оказались на месте. Попрощавшись с майором, мы поехали к себе в "столицу" -нашу базовую деревеньку. Кавалерийский офицер-японец примерно правильно сообщил нам и расстояние до полка, и его местонахождение.

Я немедленно выехал в штаб дивизии в Ванцин, где доложил командованию о выполнении задачи. Командир поблагодарил, остался доволен нашей разведкой.

На другой день, это было примерно 20 или 22 августа, к нам заехал подполковник из штаба японской армии в сопровождении другого японского офицера, и мы вновь поехали в найденный нами полк. С командиром полка я уже не встречался, с начальником штаба - майором и представителем армии - подполковником согласовали сроки сдачи этого полка и его разоружения.

Полк сдавался по-батальонно в течение двух дней. Батальон японцев подходил к условленному месту с полным вооружением и снаряжением, мы ему показывали место для складирования оружия и имущества и отправляли на площадку к школе, а оттуда в Ванцин на сборный пункт военнопленных.

На другой день к установленному времени следующий батальон не появился. Мы заволновались. Видим: скачут два японских всадника. Они известили нас, что в 5 км от этого места командир полка сделал себе "хара-кири" (вспорол себе живот), поэтому подразделения придут на 1 час позже установленного времени. Так и было. Остатки полка были разоружены, пленные направлены в Ванцин. Пленным японским офицерам оставлялось холодное оружие - шашки, которое, как говорили, они побросали в лагерях.

Поток пленных в нашу деревню увеличивался, мы действовали по-прежнему очень корректно, аккуратно переправляя их в Ванцин.

Необходимость в проводнике - китайце Цою - отпала, мы по его просьбе разрешили ему поехать домой в Ванцин. Перед дорогой выбрали Цою хорошего трофейного коня и повозку. Нагрузили ее рисом, гаолян и чумизой, погрузили ему мешок бумажных денег и с благодарностью, тепло попрощавшись, отпустили. Он нам здорово помог, с его помощью успешно решались вопросы разведки, связанные с привлечением местных жителей. Позднее, будучи в Ванцине, в штабе дивизии, я однажды заехал домой к Цою. Что тут было! Он поднял на ноги всю семью, соседей, приготовили угощение, главным в котором были пельмени, вкусные, специфические, отличающиеся от наших. Цой сказал, что заработанного у нас хватит его семье на 2-3 года, что он готов и впредь оказывать содействие нашей армии в разгроме японцев.

РАЗВЕДКА В ДИВИЗИИ В СОСТАВЕ ВОЙСК 1-ГО ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФРОНТА И ПРИМОРСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА. ОКОНЧАНИЕ

Деревня, где стоял наш разведотряд, была типичной для Китая того времени. Поразительная нищета. Фанзы (жилища) строились тесными, темными, без электричества. В очень больших семьях все члены семьи спали на общих нарах под какими-то лохмотьями. Под нарами в полу проходил дымоход, обогревавший их в холодное время. Отхожие места были тут же рядом, около дома. Китайцы семьями, в полном составе, трудились от рассвета до заката. Поля и огороды были ухоженными. Обрабатывались они вручную, без средств механизации.

Воду для полива высоко в горы поднимали женщины и дети на коромыслах. Доходы от продажи сельхозпродукции были мизерными. Одевались крестьяне очень скромно. В деревне царила страшная антисанитария, тысячи мух не давали спокойно поесть, сваливались в тарелку, везде блохи, которые набрасывались на нас с остервенением. Наши профилактические меры против мух и блох (помывка стен и полов с бензином, карболкой, натягивание марли на окна) не давали желаемых результатов.

Главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке маршал А.М. Василевский 17 августа 1945 года передал командующему войсками японской Квантунской армии следующую радиограмму:

"Штаб японской Квантунской армии обратился по радио к штабу советских войск на Дальнем Востоке с предложением прекратить военные действия, причем ничего не сказано о капитуляции японских вооруженных сил в Маньчжурии. В то же время японские войска перешли в наступление на ряде участков советско-японского фронта.

Предлагаю командующему войсками Квантунской армии с 12.00 20 августа прекратить всякие боевые действия против советских войск на всем фронте, сложить оружие и сдаться в плен.

Как только японские войска начнут сдавать оружие, советские войска прекратят боевые действия.

17 августа 1945 года 6.00 (по дальневосточному времени)".

Приняв это предложение командования советских войск, японцы, по указанию своего командования, 19-20 августа прекратили вооруженное сопротивление. Поток японцев для сдачи в плен увеличился и к расположению нашего разведывательного отряда. Офицеры разведывательной и пулеметной рот поспешно принимали оружие, бегло, уже не обыскивая, а внешне осматривая сдавшихся в плен японцев, собирали их в колонны и под охраной двух-трех солдат направляли в Ванцин. Среди военнопленных иногда попадались женщины-японки (врачи, сестры, жены офицеров).

Около нашей деревни росли горы оружия и разного военного имущества, о котором мы докладывали командованию дивизии. Потом это оружие и снаряжение было передано Народно-освободительной армии Китая.

В ходе 15-дневных боев противник был полностью разбит, потеряв убитыми 83 тысячи человек и пленными около 600 тыс. солдат и офицеров. Империалистическая Япония была разгромлена, и 2 сентября 1945 года был подписан акт о ее безоговорочной капитуляции.

Небольшой вклад в победу над японцами в Маньчжурии внесла и наша 105-я стрелковая дивизия, в том числе ее разведка.

Общая оценка Маньчжурской операции, ее результатов и значения дана нашими военными специалистами. Значение ее огромно, но мне бы хотелось с позиций офицера-разведчика

тактического звена поделиться некоторыми своими наблюдениями о японской и немецкой армии.

По сравнению с немецкой (гитлеровской) армией, японские войска, лучшая их часть - Квантунская армия - были значительно слабее вооружены и оснащены боевой техникой. И все-таки, имея многотысячную армию с самолетами, танками, артиллерией, укрепленными районами, начиненными большим количеством оружия, японцы не сумели ни на одном участке фронта остановить наши войска и организовать сопротивление. Моральный дух японской армии в связи с поражениями на фронтах быстро упал. Японский солдат того времени по своему внешнему виду, выучке и стойкости в бою также уступал немецкому. Суточный продовольственный рацион японского солдата был настолько скуден как по количеству, так и по качеству, что его явно не хватало для поддержания нормального физического состояния организма. Японские солдаты и офицеры, попадая в плен, в нарушение присяги давали на допросах полные данные о своей армии, ее вооружении, оснащении, дислокации или расположении воинских частей и подразделений. Жестокое обращение японцев с местным населением, культивировавшееся десятилетиями в оккупации, сразу же лишило их его поддержки. Практически все китайцы стремились оказать содействие нашей Советской Армии в разгроме японцев и тем самым избавиться от ненавистного ига.

После подписания акта о капитуляции Японии в сентябре 1945 года начался вывод наших войск с территории Маньчжурии. Районы, занятые нашими войсками, стали заполняться частями Народно-освободительной армии Китая, но в ряде мест их занимали части Гоминьдана.

Однажды по заданию командования дивизии мне пришлось побывать в штабе полка Народно-освободительной армии. Работники штаба были одеты по-разному, некоторые в форме, близкой к военной, а большинство в смешанной или полностью в гражданской одежде. Над столами работников висели таблички, написанные на китайском языке, с указанием его должности, например: командир полка, нач. штаба полка и т.д. Встречали они наших офицеров как-то сухо, без эмоций и громких приветствий.

Наша дивизия переходила границу западнее Барабаша, в котором размещался Штаб одного из укрепленных районов. При подходе к границе какие-то смешанные команды из пограничников, войск НКВД и других непонятных подразделений изымали у переходящих через границу войск трофейное имущество (лагерные палатки, автомашины, повозки, рулоны различных тканей, тюки с постельными принадлежностями, мебель, продовольствие и прочее). Около пункта перехода границы лежали горы этого имущества. Уже позже, продолжая службу в Приморье, мы между собой поругивали наших тыловиков за то, что они продолжительное время кормили нас трофейной чумизой и гаолянком.

Дивизия наша по несколько дней стояла в Барабаше, Посьете, прямо на берегу моря, а затем расположилась в долине Лянчихе, с одноименной станцией в 25 км севернее Владивостока, где началась подготовка к парад.

В это время многим офицерам дивизии были вручены правительственные награды за

успешные боевые действия в Маньчжурии. Я тоже был удостоен ордена "Красной Звезды". Событие, приятное для конца войны после второй победы.

В октябре в числе других войск наша 105-я стрелковая дивизия приняла участие в параде, проходившем в ознаменование победы над Японией во Владивостоке. Для нас - молодых офицеров - это мероприятие представляло интерес, воодушевляло нас, подчеркивая то, что мы служим Родине, Вооруженные Силы которой разгромили войска империалистической Японии, много лет угрожавшей спокойствию нашего Дальнего Востока.

Для дивизии определили местом дислокации г. Сучан (ныне Партизанск), шахтерский город Приморья. В бытовом плане по тем временам это было хорошее место. Офицеры снимали частные квартиры и привозили семьи, государственного жилого фонда для офицерского состава в городе не было.

Из состава дивизии была сформирована оперативная группа, которая была переброшена на восточные склоны горного хребта Сихотэ - Алинь, в деревню Вангоу, расположенную в горах в 40 км западнее бухты Валентина. В составе группы: помощник начальника оперативного отделения дивизии капитан Петров, дивизионный инженер в звании капитана (фамилии не помню), шифровальщик младший лейтенант Бруснинов Коля и я от разведывательного отделения дивизии. Для обеспечения деятельности группы нам выделили 5 солдат, в том числе двух водителей: грузовой машины ЗИЛ-5 и американской "Додж 3/4". Никакой дороги через хребет до Вангоу не было. Двигались мы по проселочным дорожкам, горным тропинкам, по распадкам, руслам ручьев. Несколько раз нас выручила на горных подъемах лебедка с тросом, установленная на "Додже". Впервые в это осеннее время, самое благоприятное для Приморья, мы воочию убедились в красоте уссурийской тайги. Ее многоцветье, чистые горные ручьи с форелью, крики изюбрей, изобилие кедровых орехов и ягод поразили наше воображение. С трудом мы добрались до Вангоу, развернули радиостанцию и установили связь с дивизией.

В нашу задачу входила рекогносцировка места для возможного развертывания дивизии западнее бухты Валентина. Мне была поставлена задача поддерживать связь с пограничниками и докладывать об обстановке. Что-то, видимо, беспокоило командование, ведь бухту Валентина от японского острова Хоккайдо, занятого американцами, разделяло только Японское море. Я периодически заезжал к пограничникам, они информировали меня об обстановке на море, а там было полное спокойствие. Поселились мы по деревенским избам. Я поселился у одинокой 50-летней женщины Марии Ивановны, которая жила с 14-летней дочкой Тасей. Разместили они меня в горнице, где я спал на деревянной кровати, застланной домотканными льняными простынями. В избе была идеальная чистота. Тася еженедельно мыла полы с речным песком, а раз в месяц таким же образом мыла стены и потолки. Писатель Рыбаков заблуждался, обвиняя в своих "Детях Арбата" сибирских крестьян в грязном содержании изб. В городах бы поддерживать такую чистоту, как в сибирских селах. Мне и раньше приходилось бывать в алтайских селах, и ничего похожего на то, о чем писал Рыбаков - о грязи и лени сибиряков, не было и в помине. Местные жители Вангоу и других соседних сел относились к нашим солдатам очень хорошо, как могли помогали нам. В декабре 1945 года нашу дивизию расформировали, и мы с начальником Никитиным Ф.Е. были назначены на такие же должности в 9-ю пулеметно-артиллерийскую

дивизию (ПАД) со штабом дивизии в Гродеково (ныне Пограничный). Гродеково - это последний по железной дороге пункт Приморья на границе с Китаем, пересекавшей Маньчжурию. Дивизия в тот момент заканчивала свое формирование на базе бывшего укрепленного района (УР).

В задачу разведки входило следить за состоянием, деятельностью и мероприятиями китайских войск в приграничной зоне. Для решения этой задачи в полосе ответственности дивизии вдоль границы было развернуто 8-10 наблюдательных постов (6-7 батальонных и 2-3 дивизионных), оснащенных приборами наблюдения (биноклями, стереотрубами, перископами). Кроме того, штаб дивизии постоянно обменивался разведывательной информацией с пограничниками и специальными разведывательными органами штаба округа.

После изучения обстановки на границе вместе с пограничниками мы поочередно с капитаном Никитиным выезжали на границу для выбора мест для наблюдательных постов, чтобы обеспечить наилучший просмотр местности на китайской стороне на возможно большую глубину. После утверждения схемы наблюдения командиром дивизии и утверждения расчетов на каждый наблюдательный пост силами подразделений батальонов и разведывательной роты дивизии было проведено их оборудование. На каждом НП имелись крупномасштабные топографические карты, были вычерчены схемы ориентиров, заведены журналы для записей результатов наблюдения, установлены приборы наблюдения и устроены укрытия для отдыха и принятия пищи личным составом. Со всеми НП имелась телефонная связь. Началась постоянная разведывательная служба на оборудованных постах.

Особенностью обстановки на китайской стороне в то время было то, что к нашей границе выходили то подразделения Народно-освободительной армии, то части Гомиьндана. Между ними иногда завязывались бои непосредственно в приграничной зоне. Все это фиксировалось нашими наблюдательными постами. В штабе дивизии ежедневно обрабатывались результаты наблюдения, которые докладывались в разведотдел корпуса. Мы убедились, что хорошо налаженная система наблюдения в приграничной зоне, в сочетании с информацией пограничников и специальных разведподразделений округа, давали командованию дивизии объективную картину обстановки на китайской стороне. Но это требовало от нас ежедневного аналитического труда. За разведывательным отделением нашей дивизии было закреплено две лошади. Я часто выезжал на границу для проверки несения службы разведчиками-наблюдателями, по пути всегда заезжал к пограничникам побеседовать. Иногда брал с собой переводчика нашего отделения старшего лейтенанта Попова.

Другим направлением деятельности нашего разведывательного отделения была периодическая (по графику) проверка исправности приборов наблюдения на командно-наблюдательных пунктах командиров пулеметно-артиллерийских подразделений. Эту работу мы проводили совместно с офицерами арттехслужбы дивизионного инженера. Иногда приборы нужно было отправлять на профилактический ремонт, а перед укрепленными огневыми точками (дотами, дзотами) дополнительно производить расчистку местности от кустарника, мешавшего наблюдению и ведению огня.

Наше разведывательное отделение в полном составе занималось планированием и контролем за ходом боевой подготовки в разведывательных подразделениях дивизии. Мы сами проводили занятия по разведывательной подготовке непосредственно во взводах и разведывательной роте дивизии. Особое внимание при проведении занятий с разведчиками уделялось их подготовке к несению службы на наблюдательных постах на границе.

В состав поста обычно назначалось 4-5 человек во главе с сержантом, смена их осуществлялась, как правило, через 7-10 дней. Все они заступали на службу в полной боевой экипировке. Нас не тревожило, что кто-то может дезертировать или похитить оружие. Разведчики были самым надежным контингентом наших войск. Ежегодно в ходе весеннего и осеннего комплектования мы вместе с начальником разведки и командирами разведподразделений отбирали каждого человека. И это себя оправдывало.

Командиром разведроты при формировании дивизии был назначен офицер-разведчик, фронтовик, награжденный двумя орденами "Красного Знамени", старший лейтенант Боровой Иван Петрович. Он готовил разведчиков, опираясь на свой фронтовой опыт.

Большой задачей, ответственность за выполнение которой постоянно лежала на нашем небольшом по численности разведывательном отделении, являлась задача по разведывательной подготовке войск. Мы разрабатывали лекции, проводили практические занятия на местности, групповые упражнения на картах по организации и ведению разведки, а также занятия по иностранным армиям.

Начальник штаба дивизии подполковник Стенько, начальник разведки 5-й армии полковник Родионов всегда высоко оценивали практическую деятельность разведывательного отделения нашей дивизии. У нас в отделении, возглавляемом Федором Егоровичем Никитиным, царил товарищеская обстановка с высокой степенью взаимозаменяемости. Мы с уважением относились к начальнику разведки, как наиболее опытному по службе и старшему по званию и возрасту. Он также отвечал нам тем же. С искренней радостью мы встретили известие о присвоении ему звания "майор". Для сведения, штатная категория начальника разведки дивизии в то время была "подполковник".

1946 год запомнился нам, военным людям, тем, что впервые после войны были разрешены плановые отпуска офицерам и сверхсрочнослужащим. Началось соединение семей, разъединенных войной. Много было свадеб. Несмотря на трудности, все радовались наступившей мирной жизни. Еще проходя службу в Сучане, мы "женили" командира разведроты капитана Амочкина, командира разведвзвода старшего лейтенанта Корнилова. С молодой женой после свадьбы приехал к нам в Гродеково старший лейтенант Боровой. Постепенно жены, дети и невесты стали приезжать к нам на Дальний Восток.

В связи с демобилизацией, разрешением отпусков военным поездом, шедшим с востока на запад, переполнились до предела. На каждое место в вагоне в большинстве случаев было по два пассажира. Пассажирские поезда из Владивостока до Москвы шли 12 суток. Ехали в тесноте, но народ как-то мирился с трудностями, люди помогали друг другу, мирное время обретало свой жизненный ритм. Каждый, казалось, хотел сделать приятное сослуживцу,

соседу по квартире, просто знакомому. Это то, чего не хватает нам сегодня, в том числе офицерам.

Глава 15

УЧЕБА В АКАДЕМИИ. ПРОБА СИЛ НА РАБОТЕ В ГЕНЕРАЛЬНОМ ШТАБЕ

После завершения боевых действий в Европе и Азии советские люди приступили к решению новых задач - в короткие сроки ликвидировать последствия войны, восстановить народное хозяйство. Для этого требовались не только материальные средства, но и люди. В соответствии с законом, принятым на XII сессии Верховного Совета СССР 23 июня 1945 года, началась демобилизация личного состава армии и флота. Но правительства США и Англии сразу же после окончания войны встали на путь срыва решений Потсдамской конференции и создания агрессивных военных блоков, направленных против СССР. В сложной послевоенной международной обстановке Советский Союз вынужден был принять меры к тому, чтобы укрепить Вооруженные Силы, которые смогли бы дать отпор любому агрессору.

В нашем Приморском военном округе также шло расформирование соединений и частей, реорганизация оставшихся войск. 105-я стрелковая дивизия, в которой мы служили с Никитиным, была расформирована осенью 1945 года, а 9-я пулеметно-артиллерийская дивизия, куда мы приехали служить, формировалась вновь на базе бывшего укрепленного района.

По линии кадровых органов была создана комиссия, которая разбиралась с офицерским составом. С каждым офицером, независимо от занимаемой должности, беседовали и определяли, увольнять его в запас или оставлять служить в армии. Говорили, что даже был перечень специальностей, по которому в первую очередь увольняли офицеров для их последующего использования в народном хозяйстве, что якобы были указания и другого рода, по которым таких, как я, имевших среднее образование и опыт войны, но не имевших гражданской специальности, должны были оставлять в Вооруженных Силах, имея в виду и возраст, и перспективу в службе. Наверное, кадровики руководствовались этими положениями в определении дальнейшей судьбы офицерского состава. Нас с капитаном Никитиным оставили служить в армии. А раз оставили служить, то необходимо было иметь специальное военное образование. При получении дивизией уже первой разрядки по отбору кандидатов в военные академии, я попал в список. Летом 1947 года, сдав предварительные пробные экзамены в объеме академической программы и набрав проходной балл, я был рекомендован экзаменационной комиссией к сдаче экзаменов в Москве для поступления в Военную академию им. М.В. Фрунзе. К экзаменам готовился добросовестно, нужно было восстанавливать утраченные за время войны знания за среднюю школу и готовиться по военным дисциплинам: тактике, вооружению и принципам его боевого применения.

Необходимость обучения в военной академии была важна тем, что на основе обобщения опыта войны менялась организационная структура войск. В армию стали поступать новые

образцы стрелкового автоматического оружия, более совершенные танки, орудия, минометы, ракеты, в том числе зенитные управляемые. Удельный вес бронетанковых войск и авиации повысился по сравнению с 1945 годом более чем в три раза. Происходила замена поршневой авиации реактивной. Формировались новые вертолетные подразделения. В управление войсками, разведывательными частями широко внедрялись новыерадио-и радиотехнические средства. Все это необходимо было изучать, осмысливать и готовить себя для работы в войсках в новых условиях, обогащать свой боевой опыт фундаментальными теоретическими знаниями. Большинство офицеров стремилось попасть именно в академию М.В. Фрунзе, дававшую фундаментальные знания по общевоинским дисциплинам. В академию принимались офицеры не старше 32 лет, имевшие законченное среднее общее и военное образование, со стажем работы не менее трех лет в должности не ниже командира роты.

Все мы держали конкурсные вступительные экзамены по тактике, боевой технике, военной топографии, русскому языку и литературе, истории СССР, географии и иностранному языку. Кроме того, в округе при отборе кандидатов офицеры сдавали экзамен по математике и физике.

Экзамены в академию я сдал с высоким проходным баллом и был зачислен слушателем на разведывательный факультет.

Большинство слушателей нашего набора были старшими офицерами, а также участниками войны. Нас, офицеров-участников войны, не успевших еще как следует пожить и поработать в условиях мирного времени, академия поразила порядком, чистотой в аудиториях для лекций, учебных классах, методических кабинетах. Хорошо было налажено обслуживание слушателей в библиотеках, лабораториях, методических кабинетах, поликлинике, столовой и буфетах.

В планировании и организации учебного процесса прослеживались четкость, военная дисциплина, тактичность и уважительное отношение профессорско-преподавательского состава к слушателям, хотя все мы были значительно моложе своих преподавателей и в более низких воинских званиях. После войны и непродолжительной послевоенной службы академия стала знаменательным поворотом в моей судьбе. Все в академии было направлено на обеспечение учебного процесса. На нашем разведывательном первом курсе учились замечательные офицеры-разведчики, занимавшие уже солидные должности по службе. Начальниками разведки дивизии были подполковники Трошин Ю.В., Кушнарев А.У., Маньков В.И., вместе с нами учились Герои Советского Союза Безукладников В.Н., Олипир А.П., Лоза Д.Ф., разведчик-артиллерист Паненко К.А.; авиаторы, инженеры и офицеры других военных специальностей. Самыми младшими по званию на курсе были: летчик ст.лейтенант Зорин и танкист, мой друг - лейтенант Фролов. Только один офицер нашего курса не был участником войны. Иногда случалось такое: при построении начальник курса делал ему замечание: "Вы, почему без орденских планок?". Офицер краснел и тихо отвечал: "Я пока не заслужил никакой награды". Но начальник курса генерал Дягилев был человеком забывчивым, и этот вопрос повторялся неоднократно. Мы все с сочувствием относились к этому офицеру.

С первых же дней началась интенсивная учеба. Читались лекции, проводились групповые

упражнения на картах и местности, изучались новая техника и вооружение, принципы их боевого применения.

Основные задачи по подготовке слушателей академии были определены в приказе Министра Вооруженных Сил СССР И.Сталина от 11 июля 1946 года, согласно которому нас должны были готовить как общевойсковых офицеров с высшим военным образованием, в совершенстве знавших организацию и ведение боя полком и дивизией, боевые и технические возможности специальных родов войск. Кроме того, мы были обязаны знать основы организации и ведение боя стрелковым корпусом, понимать сущность армейской операции, глубоко изучить основные операции Великой Отечественной войны и этапы развития военного искусства, тактику, организацию и новую технику армий ведущих капиталистических государств.

В программу разведывательного факультета для дополнительного изучения включили вопросы основ организации и ведения разведки в бою в звене -полк, дивизия, корпус, а также ознакомления с организацией разведки в армии.

Лекции читались высококвалифицированными генералами и офицерами, занятия в группах вели закрепленные преподаватели тактики и разведывательной подготовки.

С большим интересом мы слушали лекции по тактике генерал-майора А.А. Яманова, по тактике действий инженерных войск генерал-полковника К.С. Назарова, по истории военного искусства профессора полковника Д.А. Разина, генерал-лейтенанта Н.Г. Корсуна, по разведывательной подготовке генерал-лейтенанта Онянова и других преподавателей. Доходчиво и интересно проводил занятия по тактике Ю.М. Шталь. Слушатели любили его манеру изложения материала, умение заинтересовать при решении тактических задач.

С благодарностью вспоминаю руководителя нашей группы на первом курсе полковника М.М. Шмелева. Кроме знаний по разведывательной подготовке, он научил нас, как правильно и рационально расположить все нужное на рабочем столе - карту, курвиметр, циркуль, командирскую линейку, карандаш, ручки, резинки и пр. Оказывается, и такие простые вещи имеют значение для военного человека. Ничто постороннее не должно отвлекать от решения конкретной задачи.

При решении разведывательных задач всегда много споров вызывали поиск рационального использования разведывательных сил и средств и правильная постановка задачи. Мы внимательно прислушивались к тем, кто практически на фронте решал подобные вопросы - В.В. Трошину, А.У. Кушнареvu, В.И. Манькову, СИ. Прокопцу. Они рассказывали нам, каким образом выполнялись труднейшие задания по разведке на фронте, приводя в качестве довода конкретные ситуации и примеры из боевой жизни.

Особо отмечу практическую направленность занятий на местности по военной топографии. Все мы, разбившись на пары, по заданию преподавателей в течение нескольких дней осуществляли полуинструментальную съемку указанного участка местности и составляли топографическую карту заданного района. Это был кропотливый, но очень важный труд. Всем нам пришлось испытать на себе, как составляется карта, как наносятся на нее данные

рельефа местности и отдельные объекты, и только после этого становилось понятным, как ее нужно читать. Эти занятия вспоминались на всем протяжении дальнейшей службы, как только приходилось брать карту в руки.

Большинство из нас только в академии получили первые свои знания по боевому применению артиллерии, средств ПВО, авиации, бронетанковых и механизированных войск, по тактике действий инженерных войск, а главное - по принципам использования в бою разведывательных подразделений и техники. В то время уже начали появляться более совершенные, по сравнению с военным периодом, средства радио- и радиотехнической разведки. Многие офицеры нашего разведывательного курса после окончания академии пошли служить в подразделения и части радио- и радиотехнической разведки, ПВО (Гончар, Лашов, Гальчиков, Акимов и др.).

Учебный день был предельно насыщен. Большая часть материала была грифованной, поэтому мы весь день проводили в академии, возвращаясь домой поздно вечером.

Прямо противоположно четкому учебному процессу во всех академиях, особенно в нашей, шли дела с обеспечением слушателей жильем. С нашего курса общежитие было предоставлено всего 3-4 слушателям. Остальные офицеры снимали частные углы, комнаты у москвичей. Мы с Гришей Фроловым за время учебы сменили две квартиры. Особенно в тяжелом положении оказывались семейные офицеры, так как москвичи сдавали жилплощадь семейным с большой неохотой. Питались мы все дни, кроме воскресенья, в академической столовой.

Попав в Москву, мы, конечно, стремились культурно проводить свободное воскресное время. Вместе с партизанским начальником штаба Г.Н. Севостьяновым, который в то время учился в дипломатической школе, мы прослушали все оперы из репертуара Большого театра, посмотрели все постановки театра оперетты, неоднократно посещали Малый театр, музеи, выставки. А с товарищами по академии я часто ходил на футбол. В то время команда ЦСКА задавала тон в футболе, и все мы были ее болельщиками.

Вручением дипломов в торжественной обстановке, фотографированием на память закончилась учеба в академии, запомнившись на всю жизнь. Офицеры получили назначения и разъехались в войска. Пяти выпускникам академии с нашего курса в последующем были присвоены генеральские воинские звания: Иванову, Маленцову, Соловьеву, Голицыну, а Карасеву было присвоено звание "генерал-лейтенант".

Комиссией Главного разведуправления Генерального штаба с нашего курса было отобрано несколько человек для продолжения учебы в течение года на Высших академических курсах. В этой группе оказался и я.

Годичная программа курсов предусматривала, главным образом, специальную разведывательную подготовку, углубленное изучение иностранного языка. Много проводилось практических занятий на местности, в городе, на картах. Совершенствовались навыки по ориентированию, нанесению выявленных объектов "противника" на карту, определению их координат, составлению кратких разведывательных донесений для передач

по радио и по почте. Обучили нас и фотографированию.

На одном из практических занятий по десантированию груза в тыл "противника" присутствовали офицеры ГРУ ГШ полковник Банов Иван Николаевич и майор Мыльников Григорий Сергеевич. Они коротко побеседовали со мной и предложили работать после окончания курсов в ГРУ ГШ в их коллективе. Я дал согласие. В декабре 1951 года я был назначен офицером специального направления Главного разведуправления Генерального штаба. Назначение в Генеральный штаб в звании майора было для меня неожиданным, но лестным. В войсках в это время формировались специальные подразделения, предназначавшиеся для ведения разведки в тылу противника на случай войны. Для руководства этими подразделениями в ГРУ ГШ создавалось специальное направление, которое укомплектовывалось офицерами, имеющими практический опыт действий в тылу противника. В специальном направлении работали такие офицеры, как Герой Советского Союза полковник Банов Иван Николаевич, действовавший во время войны в тылу немцев под руководством прославленного разведчика Линькова, а затем сам возглавивший разведывательный отряд, выросший до бригады. И .Н. Банов написал книгу "Данные достоверны" о действиях разведки в тылу гитлеровских оккупантов. Работал с нами Мыльников Григорий Сергеевич, имевший огромный опыт диверсионной деятельности в тылу врага, лично пустивший под откос несколько вражеских эшелонов. Он действовал в соединении Федорова, а в конце войны - в Чехословакии. Иван Федорович Демский выбрасывался в тыл противника в район Минска для ведения разведки и срыва переброски войск гитлеровцев. Побажеев Федор Федорович и Румянцев Евгений Иванович имели также некоторый опыт работы в тылу немецких войск. Возглавлял наше направление полковник Степанов, служивший во время войны начальником разведки армии. Были у нас в направлении другие нужные офицеры-специалисты, в том числе офицеры по инженерной, парашютно-десантной службе, по радиосвязи и др. Радиосвязью у нас занимался Георгий Андреевич Строилов, который впоследствии в звании генерал-полковника занимал высокий пост в Министерстве обороны.

Офицеры нашего направления занимались, во-первых, разработкой и уточнением штатов специальных разведывательных подразделений. Во-вторых, разработкой программ боевой подготовки этих подразделений, где главный упор делался на их обучение действиям в разведке в тылу противника. В-третьих, организацией боевой подготовки спецподразделений, разработкой для них учебных пособий. В-четвертых, определением требований на разработку нового вооружения и техники, контролем за их реализацией.

Мы часто выезжали в военные округа и группы войск для проверки готовности подразделений спецназначения для практических действий в тылу противника. Проверяли теоретические положения на практике в ходе учений и занятий. Организовывали в округах сборы по воздушно-десантной подготовке для наших спецподразделений.

Во всем Главном разведуправлении и в наших отделах, в том числе, проводилась большая работа по обобщению опыта войны. Офицеры войсковой, радио- и радиотехнической, агентурной разведки изучали архивные материалы действовавших фронтов, служб Главного разведуправления, делали обобщения, проводились совещания с обменом мнениями по вопросам улучшения разведки, писались статьи, выходили с предложениями к руководству

Министерства обороны. Выпускался в те годы "Сборник материалов по войсковой разведке", который пользовался в войсках большой популярностью. Войсковые разведчики Главного управления, округов, армии и дивизии обменивались опытом ведения разведки в годы Великой Отечественной войны в различных условиях боевой обстановки (в наступлении, обороне, при встречном бое, преследовании противника, днем, ночью, в горах, лесу, Заполярье, пустыне, на морском побережье и др.). Авторами статей были генералы: Рогов, Онянов, Рябев, Сурин, Чекмазов, Анкудинов, Алешин, офицеры: Гвозд, Патрикеев, Степанов, Банов, Волков, Мыльников, Троцин, Рямянцев, Побажеев, Червонцев, Малащенко, Бондаренко, Шмырев, Модебадае, Строилов, Рогаткин, в том числе будущий первый секретарь союза писателей СССР Карпов. Заместитель начальника Генерального штаба генерал армии М.В. Захаров всячески поощрял деятельность авторского коллектива "Сборника материалов по войсковой разведке" и помогал в его издании. Офицеры-разведчики старшего поколения, работавшие в то время в войсках, вспоминают этот сборник как своего помощника в работе с разведывательными частями и подразделениями. Сборник выпускался большим тиражом и доводился до дивизии, а иногда и До полка; посылали его и в военные академии.

Офицеры ГРУ ГШ оказывали содействие в образовании и становлении кафедр разведки и иностранных армий в ряде военных академий, снабжении их необходимыми материалами для обеспечения учебного процесса.

Поскольку вопрос боевого применения подразделений спецназначения был новым, руководство ГРУ ГШ запросило военные округа о мнении командования по этому поводу. Вспоминается предложение генерала армии Кошевого, в годы Великой Отечественной войны командира корпуса. Генерал Кошевой, опираясь на опыт войны, обоснованно предлагал и оргструктуру, и принципы боевого применения этих подразделений. Были присланы довольно интересные предложения с обоснованиями и из других военных округов. Все они обобщались и учитывались при разработке штатов и рекомендаций.

Генерал Рогов приказал мне разработать задачу по боевому применению подразделений спецназначения в армейской наступательной операции на картах. Я задание выполнил, посоветовавшись предварительно со своими товарищами. Рогову моя работа понравилась, и он взял меня с собой в академию им. М.В. Фрунзе на наши разведывательные курсы, где задачи решали офицеры-преподаватели. Решали ее и офицеры нашего управления.

Работниками Главного разведуправления конца 40-х - начала 50-х годов были солидные люди. В руководстве - генералы, старшими офицерами и офицерами были в большинстве полковники, реже подполковники, участники Великой Отечественной войны, многократно награжденные правительственными наградами, а мы, малочисленные майоры, мелькавшие между ними, были тут вроде бы и ни к чему. Относились старшие товарищи к нам, молодым, очень хорошо, помогали, подсказывали, опекали. Но я чувствовал, что следовало бы еще послужить на самостоятельной работе в войсках. При первом удобном случае я обратился к тогдашнему своему начальнику генералу Шерстневу с просьбой направить меня в войска. Он мою просьбу удовлетворил, и я поехал служить в Группу советских войск в Германии на должность старшего офицера разведуправления по спецработе.

В Группе советских войск в Германии военная разведка, как и в других пограничных военных округах, была представлена всеми ее видами, кроме космической. Перед войсками ГСВГ была развернута основная группировка вероятного противника - войска НАТО. Войска НАТО - многотысячные вооруженные силы, насчитывавшие десятки механизированных и танковых дивизий, тысячи современных самолетов и вертолетов, мощные средства доставки ядерного и высокоточного оружия, оружие радиоэлектронной борьбы, современные средства разведки и войск ПВО. В Северо-Восточной Атлантике в постоянной готовности к самостоятельному проведению операций на море и поддержке боевых действий сухопутных войск находились ударные силы военно-морского флота НАТО.

На разведку ГСВГ возлагались ответственные задачи слежения за противостоящей группировкой войск НАТО, при этом каждый офицер в разведывательном управлении делал строго определенное дело.

Я отвечал за состояние боевой готовности подразделений специального назначения для ведения разведки и проведения спецмероприятий в тылу противника в случае развязывания войны, за их боевую, главным образом разведывательную, подготовку, моральное состояние.

В мою задачу входило готовить предложения начальнику разведки по планированию боевого использования подразделений спецназначения (где сосредоточить их основные усилия, какие объекты противника взять под контроль разведгруппами в случае развязывания боевых действий). В зависимости от изменяющейся обстановки, эти предложения корректировались.

Мы помогали начальникам разведки армии в определении места и роли разведывательных подразделений спецназначения в особый период в полосе ответственности армии.

На разведуправление, а значит на меня, возлагалась задача по контролю за готовностью каждой разведывательной группы к выброске в тыл противника, обеспеченностью ее вооружением, боеприпасами, специальными средствами разведки и боевой техники, наличием готовых (уложенных для прыжка) парашютов групп первой очереди, общего состояния парашютно-десантного имущества, правильностью его хранения и сбережения, наличия I готовности к использованию специальных средств связи (корреспондентских и центровых радиостанций, документов СУВ), экипировки разведчиков для действий в тылу противника, наличием топографических карт, приборов для ориентирования и снятия координат выявленных объектов (цели), наличием средств переброски (самолетов, вертолетов, автомашин).

Контроль осуществлялся по графику, утвержденному начальником штаба округа и подписанному начальником разведки. К проверке привлекались так же офицеры-специалисты: связисты, артиллеристы, а для проверки хранения и эксплуатации парашютно-

десантного имущества привлекались специалисты из московского штаба ВДВ.

Много внимания уделялось нами разведывательной подготовке подразделений спецназначения. Мы ежегодно собирали их на сборы в район запасных аэродромов Вербиг или Альтенграбов и в течение 1,5-2 месяцев занимались их воздушно-десантной и тактико-специальной подготовкой. Для обеспечения этих занятий нам выделялась военно-транспортная авиация (обычно звено или эскадрилья, звено вертолетов, службы аэродромного обеспечения и др.). Разведчики и офицеры подразделений совершали одиночные и групповые прыжки с парашютом из самолетов и вертолетов днем и ночью, на подготовленные площадки и на кустарник или лес, с оружием, снаряжением, корреспондентскими радиостанциями. Во второй половине сбора обычно проводились комплексные тактико-специальные учения или занятия с практическим десантированием, совершением переходов после десантирования в районы разведки, обозначенные макетами техники и вооружения вероятного противника. Отрабатывались различные способы ведения разведки, в первую очередь ядерных средств нападения, пунктов управления и других военных объектов противника. Тренировались разведчики и командиры групп в составлении коротких донесений для передачи по радио, а радисты в установлении связи с Центром и передачи радиogramм. Помогали в организации и проведении сборов офицеры разведотделов армии майор Трушкин, подполковник Колодко, а из политуправления ГСВГ - майор Заморенный.

Отличными методистами и командирами подразделений спецназначения были Герой Советского Союза майор Иванов, майор Панкратов, капитаны Воинов, Сахаров, Кирсанов, Борисов.

Перед проведением маневров с войсками, в которых, как правило, участвовали спецподразделения, с ними дополнительно проводились тренировочные занятия.

С помощью макетов средств ядерного нападения, изготавливаемых в натуральную величину, плакатов, схем, альбомов, рисунков, в подразделениях спецназначения изучались вооруженные силы вероятного противника, их организационная структура, вооружение и техника, их разведпризнаки.

Большое место занимали в подготовке разведчиков физическая закалка, изучение приемов борьбы самбо, способы захвата и обезоруживания пленных. Проводились занятия на выживание при больших физических нагрузках, подготовка площадок, подача сигнала для приема грузов, выбрасываемых с самолетов.

В разведуправлении ГСВГ и нашем первом отделе обстановка была деловой, мы, офицеры, помогали друг другу в работе, стремились быть взаимозаменяемыми. С теплотой и сердечностью вспоминается мастер своего дела, офицер-разведчик от бога Николай Ефимович Клименко, прослуживший потом 10 лет в должности начальника разведки округа и получивший генеральское звание. Он неоднократно направлялся в зарубежные командировки, в том числе в ФРГ, Республику Афганистан. Иван Лукич Кобец - войсковой разведчик, посвятивший в конце службы много лет преподавательской деятельности в военной академии им. М.В. Фрунзе. Работал с нами в информационном отделе Александр

Владимирович Кнырков, впоследствии ему было присвоено звание генерала, и он работал на должности военного атташе в ФРГ. Был нашим сослуживцем Михаил Пантелеймонович Дедович, который тоже был удостоен генеральского звания при работе начальником разведки округа. Много было и других офицеров, с которыми мы вместе трудились на поприще разведки в ГСВГ.

Шло время, в Европе менялась военно-политическая обстановка. Наступали невеселые годы "холодной войны", требовавшие усиления разведки. Возникла необходимость создания подразделения специального назначения непосредственно в руках начальника разведки ГСВГ. Созданию таких органов было посвящено много трудов. Подбирали места дислокации, создавали современную учебную базу, занимались отбором из числа молодого пополнения разведчиков в эти подразделения. Наряду с разведывательной подготовкой и другими дисциплинами, с разведчиками на протяжении трехлетней службы изучались иностранные языки европейских стран НАТО. В подразделениях появились переводчики - преподаватели иностранных языков. Один из таких преподавателей, хорошо владеющих иностранным языком и методикой его преподавания, был Дмитрий Кондратьевич Олейник, впоследствии работавший в ГРУ ГШ. Предметнее с разведчиками и офицерами спецподразделений изучались вероятные объекты разведки в случае развязывания войны. Изучались оружие и техника, поступавшие на вооружение этих подразделений, повышались требования к состоянию боевой готовности. Так называемые группы первой очереди постоянно содержались укомплектованными, для них хранились на складах вооружение, боевая техника, экипировка, средства связи, т.е. группы в любой момент были готовы для выполнения задач в тылу противника.

Подразделения спецназначения расположились в живописной местности ГДР, на берегу озера. В отличие от других войск, расквартированы они были свободно, в просторных казармах, имелись оборудованные учебные поля и классы, хорошая столовая, офицеры с семьями имели неплохие квартиры, т.е. были созданы относительно неплохие условия для освоения учебной программы. Командовал этими подразделениями подполковник Калмыков Николай Николаевич. Ранее под его началом состоял разведывательный батальон танковой дивизии. Особенности боевого применения, подготовки разведчиков специального назначения Калмыков знал слабо, поэтому лично с ним приходилось много работать, чтобы он усвоил свое новое положение и направление в службе. Кое-что он понял, но так и не стал настоящим спецназовцем. Костяком этих новых подразделений стали офицеры, которые служили в прежних подразделениях спецназначения. Они были повышены в должностях и званиях и сделали новые подразделения, прямо скажем, образцовыми. Комиссии, приезжавшие из штаба ГСВГ и Генерального штаба, оценивали подготовку спецподразделений, как правило, на "отлично". Лучшими офицерами были Устюжанин, Борисов, Сахаров, Морозов, Докарев, Журавель, Воинов, Фадеев и другие. Большая часть этих офицеров дослужилась до больших воинских званий и должностей в специальной разведке, они позднее работали в штабах военных округов и групп войск.

Командиром учебного подразделения по подготовке сержантов был старший лейтенант Малиновский. После специального отбора солдат в это Учебное подразделение и интенсивной подготовки, все курсанты с успехом выполняли нормативные упражнения.

вынуждено установить на границах с Западным Берлином порядок, преграждающий путь для подрывной деятельности против ГДР. Между Западным и Восточным Берлином была сооружена бетонная стена длиной 106 км, а для сообщения между обеими частями города определены пропускные пункты для транспорта и пешеходов. Контрольно-пропускные пункты контролировались со стороны ГДР - полицией ГДР, со стороны Западного Берлина - военными служащими США, Англии, Франции.

Сооружение стены, отделяющей Западный Берлин от Восточного, и меры, направленные против злоупотреблений транзитным сообщением между Западным Берлином и ФРГ, обострили до крайности обстановку в Европе и, главным образом, в Берлине. Накал страстей вокруг проблемы Западного Берлина создал обстановку критическую, похожую на предвоенный период. Для укрепления командования войсками ГСВГ в Вюнсдорф прибыл Маршал Советского Союза Конев, хотя официально никто не отстранял от командования Главнокомандующего генерала армии Якубовского И.И. В этот период у ГСВГ было два Главкома.

Войска 20 гвардейской армии были приведены в повышенную степень боевой готовности. В Берлин была выдвинута оперативная группа штаба армии во главе с первым заместителем командующего армией генерал-майором Чурсиным Н.А.

Американские танки с полным боекомплектом вышли к границе с Восточным Берлином. В ответ на этот выход американских танков танковый полк 20 гвардейской армии под командованием полковника Сергеева тоже вышел к границе с Западным Берлином. На контрольно-пропускном пункте на улице Фридрихштрассе американские и советские танки стеной стояли друг против друга, чуть ли не уткнувшись пушечными стволами.

Что представлял собою западноберлинский гарнизон? Американские войска представляла пехотная бригада в составе трех батальонов, танковой роты, батареи 155-мм гаубиц, отряда армейской авиации, батальона охраны, роты связи, противотанковых подразделений. Кроме того, американцы в Западном Берлине располагали многочисленными складами с оружием, боеприпасами, обмундированием, продовольствием, запасными частями. Постоянно функционировал аэродром Темпельхоф, который ежедневно принимал множество самолетов союзников и ФРГ. Для обслуживания всего этого имелись военные подразделения с инженерами, техниками, различного рода специалистами.

У англичан в Западном Берлине было три армейских батальона, танковая рота, полк связи, полк военной полиции, подразделения обеспечения и обслуживания. У французов - полки (мотопехотный и танковый), а также подразделения обеспечения и обслуживания. Общая численность личного состава войск США, Англии, Франции насчитывала около 12 тысяч человек.

Западноберлинская полиция насчитывала в своем составе 22 тысячи человек, хорошо вооруженных и сведенных в подразделения армейского типа. Запасы оружия и боеприпасов позволяли увеличить численный состав полиции до 70 тысяч человек.

Воинские подразделения периодически менялись, используя автострады, проходящие по

территории ГДР, и транспортную авиацию, которая использовала три воздушных коридора, выделенные союзным армиям по Потсдамскому соглашению.

Вот в такой сложной военно-политической обстановке в Европе и остром положении в Западном Берлине организовывалась и велась разведка в армии

Прибыв в Эберсвальде, где размещался штаб армии, представившись командованию - командующему армией генерал-лейтенанту Котову Виктору Филипповичу, первому зам. командующего генерал-майору Чурсину Николаю Алексеевичу, начальнику штаба генерал-майору Абросимову Льву Николаевичу и члену Военного совета генерал-майору Семенову Ивану Петровичу, я приступил к исполнению своих обязанностей. Я сменил на должности начальника разведки армии седовласого полковника Сахарова, который был уже в солидном возрасте и продолжительное время занимал этот пост. Был момент, когда меня взяла какая-то оторопь, в голове крутилась мысль: не рано ли мне на такую ответственную должность?

Познакомившись с офицерами разведотдела армии и разведподразделений дивизий, я поехал изучать Западный Берлин и натовские войска, размещавшиеся в Берлине. Обстановка вокруг Западного Берлина накалялась, потребовалось проведение дополнительных мер по организации разведки. За несколько дней до сооружения стены я несколько раз подряд с переводчиком ездил в Западный Берлин для изучения на месте положения войск Западного Берлина. Вечером, в Кархорсте, где размещалась наша советская комендатура по Берлину, я обрабатывал полученные данные, поздно вечером ехал в Эберсвальде для доклада командованию и снова возвращался в Берлин. Комендантом Берлина (советской зоны) был мой однокурсник по академии генерал-майор Соловьев Андрей Александрович. Он выделил мне комнату с сейфом в комендатуре, где я подытоживал работу дня.

Затем силами разведотдела (А.С. Семикозов, В.А. Бондаренко, П.Т. Серков, И.М. Кобзев, Ю.А. Копыленко)мы на крупномасштабной карте Западного Берлина нанесли группировку натовских войск до роты включительно, основные военные объекты, представлявшие интерес (три аэродрома, размещение западноберлинской полиции, склады оружия и боеприпасов, пункты формирования полицейских подразделений при осложнении обстановки, основные промышленные предприятия, сквозные уличные проходы через город, места возможных завалов и заграждений). На этой же карте разместили основные справочные материалы по Западному Берлину (характеристика населения, промышленные предприятия, количество и качество продукции, выпускаемой на этих предприятиях и др.). Наша подробная карта по Западному Берлину нашла в тот период времени широкое применение. Она использовалась командованием ГСВГ, армии и дивизий, разведывательными подразделениями для подготовки офицерского состава войск армии. Направляли мы такую карту и в Главное разведуправление Генерального штаба.

По указанию командования армии в разведотделе был разработан подробный план разведки западноберлинского гарнизона. План утвердил командующий армией, я его докладывал Главкому ГСВГ генералу армии Якубовскому и начальнику штаба генерал-полковнику Арико.

Согласно этому плану, вокруг Западного Берлина была развернута сеть наблюдательных

постов, оснащенных оптическими приборами. С каждым постом поддерживалась или телефонная, или радиосвязь. Один из наблюдательных постов развернули на Бранденбургских воротах. В период обострения обстановки посты круглосуточно вели наблюдение и докладывали его результаты.

Ведение разведки подразделениями армейской радиотехнической разведки, посты которых развернулись вокруг Западного Берлина, оказалось результативным. Места для развертывания постов радиотехнической разведки выбирались как в черте самого города, так и на высотах вокруг внешнего обвода Западного Берлина.

Силами офицеров разведывательного отдела армии и разведывательных отделений дивизий было организовано патрулирование на радиофицированных легковых автомашинах в Западном Берлине. Офицеры вели визуальное наблюдение за деятельностью войск западноберлинского гарнизона, полицейских формирований, режимом работы аэродромов, главным образом аэродрома Темпельхов, который действовал круглосуточно. Поток транспортной авиации с территории ФРГ и из Западного Берлина шел по всем трем воздушным коридорам, с использованием навигационных систем, в том числе и развернутых их элементов в Западном Берлине. В зависимости от складывающейся обстановки количество наших патрульно-разведывательных машин, направляемых в Западный Берлин, увеличивалось или уменьшалось.

Периодически организовывались поездки офицеров - командиров частей и подразделений войск 20 гв. армии на автобусах в Западный Берлин с целью ознакомления с обстановкой на месте.

Офицеры разведывательного отряда армии поддерживали тесный контакт с офицерами контрольно-пропускных пунктов Нова-Весь и Марпенборн, через которые проходили натовские войска в Западный Берлин и возвращались из Западного Берлина в ФРГ. Часто офицеры разведотдела сами присутствовали на КПП при прохождении войск через эти пункты.

Переводчики разведотдела армии и дивизий привлекались для перевода и изучения западноберлинской прессы, в том числе газет "Берлинер Морген", "Берлинер Штимме", "Тагесшпитель", "Телеграф" и прослушивания радиопередач западноберлинских радиостанций "ИАС" и "Свободный Берлин".

Поток разведывательных данных от указанных выше источников поступал круглосуточно в разведывательный отдел армии, где он учитывался, анализировался, изучался, обобщался и в виде разведывательных донесений и сводок докладывался в штаб ГСВГ, а иногда прямо в Генеральный штаб. В конце августа в Берлин прибыла группа офицеров из Главного разведуп-равления ГШ во главе с генералом А.В. Романовским для того, чтобы на месте изучать складывающуюся обстановку в Берлине и докладывать ее прямо в Москву, оказывать, при необходимости, помощь разведотделу нашей армии и разведорганам группы войск по организации разведки. Основным источником, поставлявшим информацию группе ГРУ ГШ, был наш разведывательный отдел.

Командованию армии - командующему, начальнику штаба, члену Военного совета - я обычно ежедневно докладывал обстановку по Берлину устно при личном общении, если они были в Берлине, или по телефону в Эберсвальде. Почти ежедневно, утром, часов в 6-7, в Берлин звонил Главнокомандующий ГСВГ генерал армии И.И. Якубовский, интересовался обстановкой в Берлине, я к этому времени готовил для него короткий устный доклад. Так продолжалось на протяжении более года. Я никуда не мог уехать из Берлина и был лишен отпуска.

Ежедневно по телефону после доклада Якубовскому я повторял свой доклад начальнику разведки ГСВГ генерал-майору К.Н. Ткаченко, получал от него дополнительные указания по организации разведки и представления разведывательной информации. Ткаченко иногда высказывал недовольство по поводу того, что раньше, чем ему, я докладывал обстановку Главному и командарму, но что же я мог делать, если они звонили мне в Берлин раньше, чем Ткаченко. Значительно позднее, когда я служил начальником разведки Прибалтийского военного округа, а Ткаченко работал в ГРУ ГШ, он также иногда делал мне внушения по телефону по поводу более ранних моих докладов вышестоящим начальникам.

Большую помощь в учете и обработке поступающих разведывательных данных оказывал мне старший офицер разведотдела по информации подполковник Семикозов Андрей Степанович.

Для более оперативного реагирования на обстановку, сложившуюся к августу 1961 года, в Берлине была создана оперативная группа штаба 20 гв. армии. В ее состав были включены почти все офицеры нашего малочисленного разведотдела, офицеры оперативного отдела, отдела связи, штаба артиллерии, представители инженерной, химической служб. Возглавил группу первый Заместитель командующего армией генерал-майор Н.А. Чурсин. Расположилась группа в Карлсхорте, в трехэтажном здании. К нам были подведены телефонные линии для связи со штабом армии, штабами всех дивизий и некоторых отдельных армейских частей. По существу это был дублирующий орган управления войсками армии. Весь состав оперативной группы был на казарменном положении. В этом доме мы работали, питались и спали. Группа эта просуществовала два года.

Нехватку офицеров в разведотделе мы восполняли за счет прикомандирования офицеров из состава разведывательных отделений дивизий. Для них это было хорошей стажировкой в практической разведывательной работе.

Главнокомандующий и начальник штаба ГСВГ иногда вызывали меня в Вюнсдорф для личного доклада обстановки в Берлине. Доклады проходили в спокойной обстановке. Якубовский и Арико всегда положительно реагировали на наши просьбы и тут же отдавали распоряжения об их удовлетворении (о выделении дополнительных радиофицированных легковых автомашин для поездок в Западный Берлин, о дополнительных средствах связи с разведорганами, приборах наблюдения и др.).

Всю осень 1961 года, зиму и весну 1962 года обстановка в Берлине оставалась напряженной. Весной 1962 года танки полка Сергеева были отведены с границы в глубину города, американцы также отвели свои танки от границы. Начался период противостояния в Берлине

с наличием заграждений в виде стены и проволочных заборов по внешнему обводу Западного Берлина. Некоторые офицеры нашей армии и других частей, принимавших участие в берлинском конфликте, были награждены правительственными наградами. Мне был вручен орден Красной Звезды, наши офицеры-разведчики также были награждены.

Другим важным участком работы нашего разведотдела армии была организация боевой, разведывательной подготовки разведывательных рот полков, разведывательных батальонов мотострелковых и танковых дивизий. В зимнем периоде обучения боевая подготовка с ними организовывалась в постоянных местах дислокации, а летом они выводились в лагерь при учебном центре Либерозе на 1,5-2 месяца. Учебный центр Либерозе был оборудован соответствующими учебными полями и трассами для выполнения специальных стрельб из бронетранспортеров, танков, мотоциклов, в том числе для стрельб и вождения плавающих танков и бронетранспортеров на плаву.

Разведывательные части и подразделения выходили в учебный центр в полном составе с учебными и учебно-боевыми танками, бронетранспортерами, мотоциклами, запасом горючего, боеприпасами, радиостанциями, учебными макетами, мишенями и другим имуществом, необходимым для боевой подготовки. Подразделения располагались лагерем в палатках. В лагере оборудовались все элементы согласно уставу (линейки, грибки, пищеблок, склады, парки для боевой техники и др.) и организовывались караульная и внутренняя служба.

Учебный центр располагался в живописной местности с лесными массивами, полями, озерами, что способствовало отработке тактических задач по разведке. Учебные места для стрельб на суше и на плаву были оборудованы электрифицированными вышками с пультами управления, позволявшими создавать различные варианты мишенной обстановки.

Составлялся общий учебный план и жесткий график пользования учебными полями, стрельбищами и учебными местами на полигонах и стрельбищах. Особое внимание обращалось на соблюдение мер безопасности на стрельбищах и при выполнении упражнений на плаву на плавающих танках и бронетранспортерах.

С разведподразделениями отрабатывались практически специальные упражнения по вождению и стрельбам на суше и на плаву, тактические занятия по разведывательной тематике: действия подразделения в отдельном разведывательном дозоре, разведывательном отряде, разведывательной группе в тылу противника и, конечно же, действия в разведке с форсированием водной преграды. Разведывательная техника, состоявшая на вооружении развед-подразделений, подразделений того времени была неплохой, позволяла решать разведывательные задачи в маневренных формах боя, имела хорошее вооружение - пушки, пулеметы, гранатометы, была оснащена оптическими приборами наблюдения.

Под руководством начальников разведки дивизий и с нашей помощью проводились комплексные разведывательные учения по организации и ведению разведки в дивизии, обычно в ходе наступления. Оборонительная тематика в те времена, как правило, не фигурировала в подготовке войск, в том числе и в разведывательной подготовке.

В конце лагерного учебного сбора проводилось комплексное армейское разведывательное учение по организации и ведению разведки в армии в наступательной операции. Такое крупномасштабное учение требовало тщательной подготовки. Трудно было в условиях густонаселенной Германии выбрать участок местности по ширине и глубине армейской операции, поэтому допускались условности, разведчики действовали в более узкой полосе и сокращенной глубине. Обычно подбирали участок 20 на 30-40 км. С разрешения командующего армией привлекали мотострелковые подразделения для обозначения противника и его объектов. Выставляли на местности макеты средств ядерного нападения натовских войск ("Онест Джон", "Капрал", "Хок", радиолокационные и радиостанции и др.). В каждой дивизии имелись такие макеты, изготовленные в натуральную величину, и их использовали на учениях, маневрах, для подготовки офицеров. Начальник войск связи обеспечивал нам создание сетей управления разведкой и подразделениями, обозначавшими противника. На комплексное разведывательное учение привлекались все силы и средства разведки армии, в том числе артиллерийской, инженерной, радиационной и химической, для которых создавалась также соответствующая имитационная обстановка и готовились различного рода вводные.

Начальником разведки воздушной армии ГСВГ был в то время полковник Голованов Александр Иванович. Он, обычно по предварительной договоренности, выделял нам на комплексное учение эскадрилью самолетов-разведчиков из состава полка тактической воздушной разведки.

Комплексное разведывательное учение продолжалось 3-4 суток и позволяло в условиях, приближенных к боевой действительности, проверять возможности войсковой, радио- и радиотехнической, специальной, артиллерийской, инженерной, радиационной и химической разведки, возможности приема разведанных с борта самолета-разведчика, а также выяснять точность определения координат различными видами разведки. В ходе учения опробывалось управление разведкой с использованием различных средств связи.

Большую помощь в организации и проведении занятий и учений и материальном обеспечении этих мероприятий оказывал нам зам. командующего армией по боевой подготовке генерал-майор Иношвили Пантелеймон Шоич. А моей правой рукой на этих мероприятиях всегда был старший офицер разведотдела по войсковой разведке подполковник Бондаренко Василий Александрович. Помогали в проведении занятий и учений начальники разведки дивизий Клименко, Махов, Гасанов и др.

Иногда к нам в лагерь приезжал командующий армией генерал-лейтенант Котов Виктор Филиппович. По характеру Котов был спокойным, уравновешенным, до педантичности справедливым и честным человеком, так что его приезд мы воспринимали спокойно, без нервозности, он нам доверял во всех вопросах, мы ему платили ревностной службой, решением задач, которые он ставил перед разведкой.

Прошло много времени с тех пор, когда так называемый берлинский кризис 1961-62 годов оказался в центре внимания мировой общественности, глав государств и правительств, прессы, радио и телевидения. Мы признательны тем людям, кто сумел предотвратить его

расширение и прийти к мирному решению надвигавшегося конфликта между двумя коалициями государств. Разведка 20 гв. армии не занимала какого-то важного места в его разрешении, но в силу своего служебного долга делала все необходимое для представления данных командованию разных уровней, которые, вероятно, учитывались при принятии решений.

На мой взгляд, наши разведывательные органы мотострелковых и танковых дивизий, органы разведки, непосредственно подчиненные армии, сумели решить стоявшие перед нами задачи по разведке натовских войск западно-берлинского гарнизона и политических мероприятий, проводившихся в Западном Берлине. Разведка организовывалась и велась в нестандартных условиях большого города, связанного с ФРГ автомобильными и воздушными коммуникациями.

Четкое планирование, рациональное использование имевшихся сил и средств разведки в распоряжении командования армии, организация взаимодействия между различными разведывательными силами, скрупулезный учет и анализ поступавших разведсведений, организованная связь позволили своевременно информировать командование о событиях, происходивших в Западном Берлине и намерениях командования НАТО по использованию берлинской ситуации в своих интересах.

Однако практическое ведение разведки в специфических условиях большого города выявило ряд слабых мест в разведке армии: недостаточная оснащенность радиоэлектронной аппаратурой подразделений радио- и радиотехнической разведки, неприспособленность их к развертыванию в городских условиях с большими радиоэлектронными помехами.

Отсутствие малогабаритных радиостанций УКВ диапазона затрудняло поддержание устойчивой связи с экипажами легковых автомашин, направляемых в Западный Берлин для разведки. На машинах устанавливались громоздкие войсковые радиостанции, с использованием которых через ретрансляторы поддерживалась связь с офицерами. Ретранслятор установили на последнем многоэтажном здании улицы Унтер-дер-Линден около Бранденбургских ворот.

В повседневной боевой подготовке, в том числе и перед началом берлинских событий, в разведывательных частях и подразделениях дивизий и армии очень мало уделялось внимания отработке вопросов ведения разведки в условиях крупного города, это было большим нашим упущением.

Численного состава офицеров разведывательного отдела (5 чел.) явно было недостаточно для проведения многоплановой работы по организации и ведению разведки в острой ситуации, каковой являлась обстановка в Берлине.

С разрешения командования армии мы усиливали разведотдел за счет офицеров (главным образом переводчиков) разведывательных отделений дивизий. Отдел в тот период содержался в составе 8-10 офицеров вместо пяти по штату.

Разведывательный отдел нашей армии был в то время одним из надежнейших источников

разведывательной информации по Западному Берлину. ГРУ ГШ, разведуправление штаба ГСВГ постоянно требовали доклады по меняющейся обстановке. Соседние армии, пограничники, разведка ГДР присылали к нам своих представителей за получением обстановки, офицеры разведотдела вынуждены были длительное время работать с большими перегрузками, что иногда сказывалось на качестве обрабатываемых разведывательных документов.

Не в полную меру удовлетворялись наши заявки и просьбы по оснащению аппаратурой радио- и радиотехнической разведки, которую можно было бы использовать в условиях различных радиоэлектронных помех большого города.

Главы 18, 19

ВСТРЕЧА С МАРШАЛОМ СОВЕТСКОГО СОЮЗА Г.К. ЖУКОВЫМ

Не могу не упомянуть о встрече и беседе с Маршалом Советского Союза Георгием Константиновичем Жуковым, вынесшим на своих плечах большой груз Великой Отечественной войны и прославившим Советские Вооруженные Силы на весь мир.

Получив в начале лета 1962 года долгожданный отпуск, я с женой Галиной Федоровной и трехлетней дочкой Катей без путевок, дикарями поехали в Гагры. Ежедневно, покупавшись и позагорав на пляже часов до 11, до наступления жары, мы шли на облюбованную скамеечку в тени. Однажды идем к скамейке, а она занята мужчиной и женщиной и такой же девочкой, как наша Катя. Я решил выжить со скамейки сидящих. Подошел и некрасиво сел рядом с мужчиной, задел его, рядом со мной села жена. Мужчина повернулся ко мне, на его лице было написано явное неудовольствие моим соседством. Я повернулся к нему и узнал Жукова. Мы слышали, что он тоже отдыхает в Гаграх. Моя жена, узнав его, тихонько толкнула меня локтем. Я отодвинулся от соседа и спросил его: "Вы маршал Жуков?" Он нахмурился и говорит: "Я маршал Жуков, а ты кто?" Я поднялся со скамейки, извинился перед ним и представился: "Я начальник разведки 20-й гвардейской армии ГСВГ, знаю Вас только по портретам, поэтому так неловко получилось". Его брови расправились, лицо стало спокойным, и начался разговор. Жуков расспрашивал об армейских делах, о берлинском конфликте, о командовании ГСВГ и армии, о настроении в армейской среде. Я добросовестно отвечал на все его вопросы. Рассказал ему и о том, как на семинарах по марксистско-ленинской подготовке мы его ругали за отрыв армии от народа, за стремление захватить власть. Жуков откровенно смеялся. Я понял, что после снятия его с поста Министра обороны и вывода из состава Политбюро у него не часто случались такие беседы. Жуков, в свою очередь, коротко рассказал о подписании Акта о капитуляции Германии, об обстановке того времени. Прямо, без оглядки давал нелестные характеристики генералам, занимающим высокие посты. Особенно нелестно он отзывался о Гречко, а о Якубовском говорил примерно так: "Если бы этому Ивану иметь столько ума, как его рост, то был бы от него какой-нибудь толк". Моя жена и жена Жукова отошли с детьми в сторонку, а мы продолжали душевный разговор. Он поинтересовался, что нового появилось в разведке, каковы перспективы ее развития, кто возглавляет разведку в ГСВГ и др. Я охотно отвечал на все его вопросы.

Г.К. Жукову было в то время 66 лет, выглядел он усталым, возможно, болел, был бледен, но разговаривал живо, без труда. Одет он был в белую безрукавную рубашку, светлые брюки, на ногах открытые босоножки. Его жена выглядела очень молодой женщиной, одевалась красиво, по-летнему. Девочка Маша выглядела очень симпатичной, подвижной.

В конце беседы я поблагодарил его за беседу, еще раз извинился за свой некрасивый поступок. В завершение я на клочке бумаги написал для него наш адрес в Гаграх, где мы снимали комнату и просил, что если он сочтет удобным и нужным, заходить к нам в гости. Этим я его растрогал, он заморгал глазами, положил свою руку на мою и сказал: "Ну, полковник, ты меня уважил, желаю тебе хорошей службы".

Вот такая получилась интересная встреча с нашим великим полководцем Георгием Константиновичем Жуковым, запомнившаяся на всю жизнь. Простота его общения, прямота разговора, свобода высказывания мнения по тому или иному вопросу послужили для меня хорошим жизненным уроком.

СНОВА РАБОТА В ГЕНЕРАЛЬНОМ ШТАБЕ

Берлин в 1961-1962 годах был в центре всеобщего внимания. В Берлин приезжали разные правительственные, военные делегации, в том числе и по линии нашей разведывательной службы. В силу складывавшейся обстановки на острие событий оказалась разведка нашей 20 гвардейской армии. Мне, как начальнику разведки, успешно справившемуся с задачами, было много предложений по дальнейшему прохождению службы: в разведотдел штаба Сухопутных войск, на кафедру разведки в академию им. М.В. Фрунзе, на должность заместителя начальника разведки приграничного военного округа. Приехал в это время в Берлин начальник направления ГРУ ГШ, ведавшего частями спецназначения, полковник Патрахальцев Николай Кириллович, предложивший пойти к нему заместителем. Я дал согласие и был назначен на эту должность. Начальником управления, куда входили мы, оказался тот самый генерал-лейтенант М.А. Кочетков, который принимал меня в Москве в 1944 году после моего выхода из тыла противника. Тогда я ему представлялся в звании старшего лейтенанта, а теперь - полковника. Думаю, что он меня узнал, но ни он, ни я не подали вида, что когда-то встречались.

Части спецназначения реорганизовывались и приобретали новое качественное состояние, поэтому как специалиста с практическим опытом борьбы в тылу противника и опытом послевоенной службы меня и пригласил Патрахальцев.

Реорганизация наших частей спецназначения была ответом на создание мощных специальных войск в американской, английской, французской и других армиях блока НАТО. Мы в этом вопросе отставали от вероятных противников.

Началом создания диверсионно-разведывательных войск в армии США послужили сформированные шесть батальонов "Рейнджеры" для ведения диверсионно-разведывательных действий в тылу противника.

В 1950 году в штаты пехотных дивизий были включены диверсионно-разведывательные роты "Рейнджере". Шесть таких рот использовались американцами во время войны в Корее. В 1952 году на базе этих рот в американской армии начали создаваться войска специального назначения.

Командование НАТО считает, что проведением специальных операций (то есть комплексным использованием разведывательных, разведывательно-диверсионных и диверсионно-штурмовых формирований на ТВД, в отдельных странах и регионах) можно нанести значительный ущерб потенциальному или действующему противнику, в короткие сроки обеспечить подрыв его политического, экономического, военного и морального потенциалов, вести борьбу с национально-освободительным и демократическим движением.

Главными особенностями частей спецназначения являются их постоянная боевая готовность к боевому использованию по осуществлению внезапных и стремительных действий уже в мирное время (когда задействование обычных вооруженных сил считается политически нецелесообразным или преждевременным), а также специфические способы и тактика их действий. Части специального назначения уже в мирное время сориентированы и специально готовятся к действиям на конкретных театрах военных действий и даже на некоторых конкретных объектах.

На части специального назначения натовских армий возлагаются следующие основные задачи.

В мирное время: организация антиправительственных выступлений, повстанческих движений с целью дестабилизации обстановки в данной стране и свержения ее правительства, захват или уничтожение видных политических, государственных и военных деятелей; проведение диверсий и актов саботажа; сбор разведанных политического, экономического и военного характера; накопление и размещение в определенных районах (будущих партизанских базах) оружия и материальных средств для обеспечения операций в военное время; захват заложников или освобождение своих граждан; подавление прогрессивных или национально-освободительных движений и др.

В военное время: сбор разведывательных сведений; вывод из строя или захват важных военных и промышленных объектов в тылу противника с применением как обычного, так и ядерного, химического оружия; нарушение коммуникаций, системы управления и тылового обеспечения; наведение на объекты противника своей авиации, корректирование ударов по ним ракетами и огнем артиллерии; деморализация войск противника и населения; похищение ядерного оружия, образцов техники и вооружения, секретных документов; организация побега из плена своих военнослужащих и гражданского персонала.

Эти общие задачи в зависимости от применяемых сил и обстановки конкретизируются.

Силы специальных операций США (сухопутных войск, ВВС и ВМС) насчитывают 30800 человек, из них: регулярные силы - 17600 чел., организованный резерв - 13200 чел.

Сухопутные войска США включают: 8 групп специального назначения по 1500 чел. в

каждой (из них 4 регулярные), в группе - 54 отряда по 12-14 чел, во главе с капитаном; 4 группы психологической войны (из них одна регулярная); 3 батальона "Рейнджере"; отряд "Дельта"; батальон армейской авиации.

Всего в специальных войсках сухопутных войск США насчитывается 22400 чел.; из них в регулярных частях 9100 чел., в организованном резерве - 13300.

Для действий на европейском театре предназначена 10 группа спецназначения, которая до 1968 года в полном составе дислоцировалась в Бад-Тельц (ФРГ). В настоящее время в Бад-Тельц находятся ее штаб, штабной отряд, батальоны спецназначения, рота обслуживания, а также вооружение и снаряжение на весь состав группы.

На вооружении группы спецназначения состоят автоматические винтовки, пистолеты, гранатометы, средства для взрывания, зажигательные боеприпасы, Различного рода мины, в том числе малогабаритные ядерные мины типа М 129 и М 159 мощностью 0,02 и 0,051 кг, масса до 27 кг), химические боеприпасы, аппаратура РЭБ, радио- и радиотехнической разведки, малогабаритные радиостанции для групп, забрасываемых в тыл противника.

В английской армии имеется три полка специального назначения (21,22, 23) по 700 чел. в каждом. Из трех полков может быть сформировано 72-144 диверсионно-разведывательных групп по 8-16 чел. каждая.

В армии ФРГ в составе трех армейских корпусов имеется по роте глубинной разведки (100, 200, 300). Из трех рот может быть сформировано 60 диверсионно-разведывательных групп по 5 человек в каждой.

Части спецназначения имеются и в других армиях, входящих в блок НАТО.

Общее количество формирований, которыми реально располагали к 1992 году только страны, входящие в блок НАТО, для действий на континентальных, океанских (морских) ТВД составляло 2567-2877; разведывательно-диверсионных отрядов численностью 12-14 чел. - 940-1080; отдельных разведывательных групп численностью 5-10 чел. - до 544, диверсионно-штурмовых отрядов численностью свыше 50 чел. - 150-170, диверсионно-разведывательных отрядов боевых пловцов численностью 4-10 чел. - 743.

На содержание личного состава, техники, вооружения, оснащения частей спецназначения тратятся огромные средства, постоянно разрабатывается и совершенствуется для них специальная техника и вооружение. На них командование НАТО всегда возлагало и возлагает сейчас большие надежды, в ряде случаев на практике они уже оправдали затраченные расходы.

В статье подполковника С.Пашаева "Серые советники Ландсбергиса", напечатанной в газете "Красная Звезда" за 5.03.91 г., говорится; "Стратегией защиты здания парламента Литвы на случай штурма советскими войсками" руководил американец литовского происхождения Эндрю Эйва... Эйве принадлежит к числу специалистов высшего класса спецслужб США... С помощью Эйва ЦРУ подвидом гуманитарной помощи ввозило в Литву самое современное

вооружение - от стингеровских ракет до боевого оружия с повышенной летальностью... Эйве срочно прибыл из США в Вильнюс накануне январских событий, имея при себе... "детальный план развертывания партизанских действий в городских условиях против советских войск... Он намеревается вместе с другими "инструкторами" открыть в Литве курсы боевиков-националистов по обучению методам ведения партизанской войны и осуществления диверсионно-террористических актов... Эйве намеревается сделать военно-политическую карьеру в "независимой Литве", перещеголяв собственного деда, который в звании генерала возглавлял генеральный штаб литовской буржуазной армии в 1926-1927 годах. Эйве не делает секрета и из своих планов вернуть недвижимость и обширные участки земли, которые когда-то принадлежали его родителям". Это свежий пример использования специалистов спецназа на практике в наши дни.

Американцы значительно раньше, чем мы начали обобщать опыт советской, немецкой и своей разведки, связанный с действиями диверсионных и разведывательных групп в тылу противника; появились документы по результатам обобщения.

Как и в целом в гонке вооружений, американцы втянули нас и в гонку по созданию специальных частей. Мы готовили для руководства справки по частям спецназначения иностранных армий, их вооружению, оснащению, принципам комплектования, методам подготовки. Разрабатывали варианты штатов наших частей спецназначения для армейского и фронтового (окружного) звена. Делали расчеты на необходимое количество офицерских кадров, сержантов, солдат, на вооружение, технику, парашютно-десантное имущество, средства связи и специальное оснащение, в том числе минно-подрывные средства и разведывательную технику.

Руководством Министерства обороны было принято решение на формирование частей спецназначения для фронтового звена; для армейского звена были утверждены прежние подразделения спецназначения.

Основным предназначением частей и подразделений специального назначения являлось ведение разведки и осуществление диверсионных мероприятий в тылу противника во время войны.

Организационная структура фронтовых частей спецназначения была создана довольно гибкой, позволяющей их применение в операциях в самых различных вариантах; небольшими по своему составу группами по 3-10 чел., отрядами от 25 до 50 чел., целыми подразделениями от 50 до 200 чел., и более крупными формированиями.

В зависимости от театра военных действий, отдельные подразделения части могли бы действовать на отдельных операционных направлениях. На вооружение части и подразделения спецназначения приняли легкое стрелковое оружие; автоматы, пистолеты, гранатометы, минно-взрывные средства и принадлежности для взрывания, УКВ и КВ радиостанции (корреспондентские и центровые), парашютно-десантное имущество и принадлежности для него.

Но это обычное вооружение и оснащение не могло в полной мере обеспечить выполнение задач, которые предусматривалось выполнять в тылу противника группами и

отрядами спецназначения. Поэтому было принято решение на разработку новой техники и вооружения: разведывательной, минно-взрывной, новых малогабаритных УКВ и КВ радиостанций для связи групп с Центром и действующих групп между собой, бесшумного и беспламенного оружия, парашютов для прыжков с больших высот, специальных средств для приема грузов, сбрасываемых с самолетов, и для наведения своей авиации на выявленные цели противника, нового удобного обмундирования для десантирования и действий в тылу противника, малогабаритных средств радио- и радиотехнической разведки.

Для разработки тактико-технических заданий на новую технику и вооружение, для связи с научно-исследовательскими институтами и учреждениями, в нашем направлении была создана группа инженеров во главе с полковником Стрижаковым Александром Дмитриевичем.

Коллектив нашего направления был дружным, сплоченным, офицеры имели или практический боевой опыт ведения разведки в тылу противника, или опыт службы в частях спецназначения. Неутомимый труженик, начальник направления полковник (затем генерал) Патрахальцев Н.К. воевал еще в Испании, в числе наших советских разведчиков. Во время Великой Отечественной войны Николай Кириллович готовил разведчиков для засылки в тыл противника, в том числе и Зою Космодемьянскую, длительное время был в составе советской миссии при маршале Тито в Югославии в период активных боевых действий.

В разное время в нашем направлении служили Герои Советского Союза полковники Банов Иван Николаевич, Покидько Василий Маркович, Логинов Анатолий Федорович, Кармацкий Дмитрий. Курировал наше направление разведчик с большим стажем, зам. начальника ГРУ ГШ Герой Советского Союза генерал-полковник Мамсуров Хаджи Джиорович. Забот у него было много, но он находил время или зайти к нам, или побеседовать с нами, вызывая к себе.

В период формирования окружных частей спецназначения мы выезжали в военные округа для оказания помощи в комплектовании частей личным составом, транспортом, техникой, следили за реализацией заявок на парашютно-десантное имущество для частей, его отправкой по назначению, В составе направления у нас был офицер-десантник, который вплотную занимался парашютно-десантной службой.

В срочном порядке мы разрабатывали новые программы боевой подготовки для частей спецназначения с учетом их предназначения, появления в их составе новых специалистов. Занимались этим обычно подполковники Побажеев Федор Федорович и Мыльников Григорий Сергеевич.

Осенью 1962 года на территории Ленинградского и Прибалтийского военных округов впервые было проведено опытное учение с вновь сформированной частью спецназначения Ленинградского военного округа по ее использованию во фронтовой наступательной операции. Руководителем учения был назначен зам. начальника ГРУ ГШ генерал-полковник Мамсуров Х.Д. Разработку учения было поручено сделать мне и начальнику отдела специальной разведки Ленинградского ВО полковнику Лиханову В.С. Разрабатывали мы с Лихановым это необычное для того времени учение почти месяц. Выезжали на рекогносцировку для подбора площадок приземления разведгрупп, расстановки

имитационных средств, обозначающих противника в полосе фронта 80x200 км, отрабатывали документы, форм которых еще не было.

На учение были вызваны начальники разведки, начальники отделов специальной разведки военных округов. Отрабатывались в ходе учения примерно следующие вопросы: принятие решения начальником разведки фронта на боевое применение части спецназначения, отдача боевых распоряжений, подготовка диверсионно-разведывательных групп, постановка задач, вывод групп на аэродромы взлета, десантирование, выполнение разведывательных и специальных задач, доклады по радио о выполнении задач, перенацеливание групп в ходе операции на новые объекты разведки, перемещение штаба части спецназначения в ходе фронтовой операции.

После окончания учения генерал-полковник Мамсуров Х.Д. сделал подробный разбор. Документы по учению были изданы отдельным томом и разосланы в военные округа, военные академии. До разработки руководящих документов по боевому применению частей спецназначения руководствовались этим томом.

Вскоре Патрахальцев ушел командовать отдельной частью, я был назначен на его место начальником направления.

Командованием была поставлена задача в короткий срок разработать документы по боевому применению частей спецназначения, чтобы более целенаправленно готовить их для действий в тылу противника. Задача эта была выполнена. Мы разработали два основополагающих документа: "Наставление по боевому применению части спецназначения" и "Организация и тактика партизанской борьбы", в которых были изложены основная концепция боевого применения подразделений спецназначения, их основные задачи, комплекс вопросов по подготовке к действиям разведчиков в тылу противника. С получением в войсках "Наставления по боевому применению части спецназначения" в подразделениях началась более целеустремленная подготовка разведчиков, разведывательных групп и в целом подразделений. Согласно положениям, изложенным в наставлении, стали проводиться полевые занятия и учения с практическим десантированием, особое внимание уделялось разведке средств массового поражения. Кроме самодельных макетов ядерных ракет, было изготовлено централизованно определенное количество надувных макетов, которые были удобны в перевозке, и в ходе учений можно было быстро сменить район их развертывания.

Совершенствовалась методика проведения занятий по парашютно-десантной подготовке, осваивались поступающие на вооружение новые парашюты и грузовая тара для выброски грузов. Разрабатывались и внедрялись новые упражнения для стрельб из автомата и пистолета, приспособленных под обстановку, которая может возникнуть перед разведчиками в тылу противника.

Офицерами направления совместно с офицерами частей были разработаны временные нормативы, включающие основные элементы действий разведчика в тылу противника в комплексе (приземление, сбор и маскировка парашюта и следов приземления, выход на сборный пункт, марш в район разведки, разведка объекта, определение его координат,

составление донесения для передачи по радио, настройка радиостанции и передача донесения в Центр, получение уведомления (квитанции) о приеме донесения). Подобного рода нормативные учения и занятия дисциплинировали разведывательные группы, вносили дух состязательности.

В частях создавалась и совершенствовалась учебно-материальная база, способствовавшая отработке специальных упражнений по физической, специальной разведывательной подготовке (тренажеры и вышки по воздушно-десантной подготовке, "тропа разведчика" - преодоление препятствий на земле и в воздухе, огневые городки - для специальных стрельб, в том числе и из бесшумного оружия, минно-подрывные городки для тренировки в постановке специальных мин и зажигательных средств, радиополигоны и др.).

Проводились с нашим участием испытания и принятие на вооружение новой разведывательной и специальной техники, радиосредств.

Мне довелось участвовать в комиссии по испытанию новой малогабаритной коротковолновой станции для разведывательных групп, одним из разработчиков которой был Михалин Борис Андреевич, тот самый конструктор, который в 1942 г. разработал для разведки и партизан радиостанцию "Север". Знакомство с Михалиным было приятным, я ему многое рассказал о дефектах и положительных качествах радиостанции "Север", которые учитывались нами при разработке новой станции. Новая радиостанция получилась неплохой, делалась в соответствии с новыми требованиями, на новой основе, главным в ней был метод быстрого действия. Станцию приняли на вооружение и продолжительное время она находилась на оснащении частей спецназначения.

В середине 1960 годов проводились испытания и принимались на вооружение другие виды специальной техники: минно-взрывные и зажигательные средства, бесшумное оружие, приборы для радиотехнической разведки, для снятия координат выявленных целей и многое другое.

На весь состав специальных частей было разработано и изготовлено летнее и зимнее обмундирование, удобное для действий в разведке и при десантировании. Цвет обмундирования был заказан и выполнен с учетом предназначения подразделений спецназначения на различных театрах войны. Помню, как мы с начальником ГРУ ГШ ездили к заместителю министра обороны генералу армии Соколову С.Л. для демонстрации этого обмундирования. Генерал Соколов дал ему высокую оценку, и оно и до сих пор состоит на снабжении специальных частей.

Для запасов на военное время, а также для обеспечения разведчиков на учениях и маневрах в мирное время был разработан и принят на снабжение малогабаритный высококалорийный продовольственный паек. Разведчикам он очень нравился, в каждом пайке была, кроме всего, плитка шоколада.

Для масштабной проверки боевых возможностей подразделений спецназначения, вновь разработанной техники и вооружения, новых средств связи, наставлений и инструкций по их боевому применению осенью 1970 года было разработано и проведено опытное учение. Учением руководил заместитель начальника Главного разведуправления генерал-лейтенант Сидоров Яков Ильич. Тема учения примерно определялась так: "Боевое

применение частей специального назначения для ведения разведки в тылу противника в интересах Главного Командования".

Район учения охватывал значительную территорию - от Прибалтики до Прикарпатья (по фронту - до 1000 км).

Для обозначения различных объектов противника привлекались войска Прибалтийского, Белорусского, Прикарпатского военных округов.

Учению предшествовала большая подготовительная работа: рекогносцировка площадок приземления разведывательных групп, расстановка объектов противника и прежде всего средств ядерного нападения, создание соответствующего контрразведывательного режима для действующих групп, обеспечение мер безопасности при полетах и приземлении парашютистов.

Учение позволило отработать вопросы расположения частей спецназначения в условиях угрозы ядерного нападения, подготовки и десантирования разведгрупп на глубину, близкую к реальной, действия разведгрупп в тылу противника по ведению разведки важных объектов, перенацеливание групп на новые объекты в ходе операции. Одним из главенствующих вопросов, отработывавшихся на учении - управление во всех звеньях с использованием средств связи.

Опыт проведенного учения был доведен до штабов военных округов. Большую помощь в подготовке и проведении этого учения нам оказал зам. начальника штаба Московского военного округа генерал-майор Терещенко Михаил Никитович.

Необходимо отдать должное командованию военных округов, групп войск, офицерам разведывательных управлений за высокую и качественную укомплектованность частей спецназначения офицерскими кадрами, сержантами и солдатами. Отбор шел персонально. Ребят подбирали рослых, физически сильных, со средним, а офицеров с высшим образованием. Как и в американской армии, в наших частях спецназначения штатные воинские звания были на одну ступень выше по сравнению с другими войсками. Должностное воинское звание командира группы было - капитан, командира роты - майор и т.д. Это позволяло на длительное время сохранять подготовленных офицеров-специалистов в частях.

Сохранился и, пожалуй, ужесточился принцип изучения солдатами, сержантами и офицерами иностранных языков. Офицеры, закончившие специальные высшие училища, приходили в части уже со знанием иностранных языков, с дипломами переводчиков, а в частях либо поддерживали знания на достигнутом в училище уровне, либо совершенствовали язык дальше. Во все части из Центра были направлены лингафонные кабинеты, с полным комплектом оборудования, для изучения иностранных языков.

Нагрузка на офицеров в частях спецназначения была огромной, требовала ежедневной подготовки к предстоящим занятиям и большой физической выносливости, особенно в период учений.

В военных округах, группах войск, армиях части спецназначения выделялись по всем показателям. Командование и другие офицеры с уважением смотрели на здоровых, подтянутых, красивых воинов частей специального назначения, готовившихся для выполнения ответственных задач в тылу противника. Было снято несколько учебных кинофильмов для показа молодому пополнению, прибывающему ежегодно в части, о действиях разведчиков в тылу противника. Снимал фильмы патриот нашей специальной службы, всегда веселый и задорный полковник Щелоков Иван Николаевич.

Многие офицеры, прослужившие в частях спецназначения или в нашем направлении ГРУ ГШ длительное время, в последующем были назначены с повышением, некоторые из них получили высокие звания полковников и генералов. Генеральские звания были присвоены бывшим спецназовцам: Гельвере, Среднему, Карташову, Гредасову, Шевцову, Фадееву, Луцеву.

Всегда ли и все ли в частях спецназначения было благополучно? Нет. Имели место факты нарушения воинской дисциплины, происшествия со смертельными исходами, особенно в периоды воздушно-десантной подготовки и крупных учений с практическим десантированием. Избежать полностью этих неприятных происшествий удавалось не всегда.

Глава 20

КОМАНДИРОВКА НА КУБУ

В 1964 году делегация Главного разведывательного управления в составе трех человек-полковников Мещерякова В.И., Модебадзе В.К., Голицына П.А. -была командирована на Кубу для оказания помощи руководству кубинских вооруженных сил по организации разведки и созданию разведывательных частей и подразделений. Делегацию возглавлял полковник Мещеряков Валентин Иванович (в будущем генерал-полковник, заместитель начальника ГРУ ГШ), специалист по радио- и радиотехнической разведке полковник Модебадзе Владимир Константинович (впоследствии стал генерал-майором и занимал должность заместителя начальника оперативно-технического управления ГРУ ГШ), а я направлялся как специалист по оперативной разведке и, прежде всего, как хорошо знающий специальную разведку.

На Кубе продолжался революционный подъем, проводилась аграрная реформа, ликвидировавшая систему латифундий, шла национализация собственности американских компаний, местной буржуазии, все средства производства перешли в собственность народа, Советский Союз и страны социалистического содружества оказывали Кубе всестороннюю помощь. США организовывали вокруг Кубы экономическую блокаду. Пошел на снижение так называемый "кубинский кризис", приведший к опасному противостоянию вооруженных сил блока НАТО и стран Варшавского Договора. Кубинцы одержали победу над контрреволюционной вооруженной группировкой, высадившейся на побережье в районе Плайя-Хирон. Кубинские вооруженные силы находились в стадии становления, в том числе и военная разведка.

С самолета при полете к Кубе открывается незабываемая по красоте картина. Множество

островов в Атлантическом океане, примыкающих к острову Куба. Поразительная голубизна Карибского моря. А сам остров! Это земля с красным оттенком, на которой то тут, то там разбросаны семейки пальм, хорошо видные с самолета, зеленые леса и кустарники побережья окаймляются бирюзой моря. Как белые свечи, возносятся ввысь многоэтажные кварталы

Гаваны.

Уже на трапе самолета чувствуешь, как жаркий влажный воздух охватывает все тело. Становится душно, тяжело дышать.

Встречал нас на аэродроме начальник разведки кубинской армии майор (коменданте) Педро Луис, молодой мужчина лет 35, небольшого роста, с приветливой улыбкой. После коротких приветствий и чашки кофе мы на огромной скорости помчались на автомашинах с открытым верхом в Гавану. Разместили нас в отдельном особняке на склоне холма, с которого хорошо просматривалась кубинская столица.

На другой день мы представились начальнику Генерального штаба, и в присутствии начальника разведки началась беседа по существу. Начальник Генерального штаба в общих чертах рассказал о постоянной угрозе, которой подвергается Куба со стороны США, о сложностях в экономике из-за американской блокады, о проблемах разведки, о желательности поставок для вооруженных сил разведывательной техники и вооружения.

Затем в разведывательном управлении начальник разведки Педро Луне более подробно рассказал нам о реально действующей кубинской разведке, о больших трудностях из-за отсутствия опыта ее ведения, разведывательных средств, особенно средств радио- и радиотехнической, воздушной, специальной разведки и неподготовленности офицерских кадров разведки. При этой беседе присутствовал наш старший советник по разведке на Кубе Дремов Федор Афанасьевич.

Запала и желания у кубинцев организовать разведку хватало, но опыта ее ведения, техники и подготовленных кадров почти не было. Мы попросили Педро Луиса и нашего советника Дремова еще раз продумать, какую помощь они бы хотели получить от Советского Союза по линии разведки и через несколько дней вернуться к беседе по всем волнующим проблемам.

Затем в течение двух дней мы читали лекции для офицеров Генерального штаба по организации и ведению разведки применительно к условиям кубинской действительности. У нас не было написанных текстов, мы просто излагали материал с помощью переводчиков.

В.И. Мещеряков рассказывал об общих принципах организации разведки, делая упор на особенностях скрытых методов ведения разведки. В.К. Модебадзе посвятил свои выступления организации и ведению радио- и радиотехнической разведки, подчеркивая благоприятные условия для ее ведения с территории Кубы, находящейся в непосредственной близости от вероятного противника. Я затронул, в основном, организацию и ведение специальной разведки, вопросы необходимости создания частей спецназначения в условиях постоянной угрозы Кубе для действия в случае необходимости на суше и на море. Коротко рассказал о принципах ведения морской и воздушной разведки.

На всех наших лекциях присутствовал Рауль Кастро, а на моих и В.И. Мещерякова - министр государственной безопасности. Он лично попросил меня, чтобы я выступил перед работниками госбезопасности со своим сообщением по специальной разведке. Позже мы уточнили сроки, и я выступил в министерстве госбезопасности.

Основная наша работа на Кубе была посвящена решению вопросов с непосредственными исполнителями из разведуправления и частей. Мещеряков работал со своими кубинскими коллегами, Модебадзе со своими, я со своими.

С офицером разведуправления мы выехали в пригород Гаваны, где предполагалось развертывание части спецназначения. В пустующем военном городке было человек пять офицеров и столько же солдат. В углу валялись в беспорядке винтовки, гранаты со вставленными запалами, тут же стояли солдатские кровати. Я побеседовал с офицерами в непринужденной обстановке и мы приступили к практической работе. Мы разработали два варианта штатов: роты и батальона спецназначения, определили численный и боевой состав разведывательных групп, их вооружение и снаряжение, определили примерно места для хранения вооружения и имущества. Кубинские товарищи с таким воодушевлением приняли участие в работе, что можно было позавидовать их энтузиазму. Тут же я составил им примерную программу подготовки офицеров и солдат частей спецназначения, и мы расстались уже хорошими друзьями. В течение всей нашей совместной деятельности винтовки стояли в пирамиде вычищенными, кровати аккуратно заправленными, и порядок поддерживался во всем.

С морским офицером разведуправления и полковником Ф.А. Дремовым мы поехали в курортное местечко Варадеро на берегу моря, в 40-45 км от Гаваны. Там предполагалось развернуть морской отряд разведчиков - боевых пловцов. Обстановка в Варадеро походила на ту, что мы видели в Гаване.

Отвлекаясь от темы практических дел, хотелось бы в общих чертах сказать, о курорте Варадеро. До революции это было комфортабельное место, заполненное американскими туристами. Теперь он почти пустовал. Чудесное и теплое море. В метрах 700-800 от берега вода доходила только до пояса (похоже на наше Рижское взморье), температура воды в июле достигала 35-40°.

По просьбе Дремова и Педро Луиса я несколько дней работал над уточнением реального плана разведки кубинских вооруженных сил. Предложил внести в разработанный план некоторые коррективы. Резко разграничить ведение разведки в мирное и военное время. С одной стороны, при постоянно существующей угрозе нужна была сильная разведка, а с другой стороны, нужно было экономить имеющиеся ресурсы аппаратуры, техники, горючего, учитывать человеческий фактор. Наши предложения были приняты, благодаря им экономилось значительное количество разведывательных ресурсов. Приняты были также наши предложения, уточняющие порядок ведения разведки на море. Федор Афанасьевич Дремов, мой сосед в Москве, при встречах вспоминал нашу работу на Кубе и благодарил за оказанную помощь.

Вечерами мы встречались в своей резиденции, докладывали В.И. Мещерякову о проделанной работе, советовались по возникающим проблемам. Из докладов исходило, что

радио- и радиотехническая разведка в то время выглядела лучше других видов.

В заключение нашей работы мы вновь собрались у начальника Генерального штаба, доложили ему о сделанном, вместе составили проект заявки на аппаратуру разведки, которую направили по обычным каналам связи в Москву в Генеральный штаб.

В целях знакомства со страной Педро Луис организовал нам поездку на Плайя-Хирон, где кубинцы разбили высадившихся контрреволюционеров. Там нам показали крокодилий питомник и индейскую деревню. Педро Луис в этой поездке сопровождал нас. Запомнился такой эпизод. При возвращении в Гавану на шоссе нас застал тропический ливень. Ехать было нельзя - никакой видимости, дождь перестал, начал подниматься туман - опять нет видимости, и только по прошествии некоторого времени туман рассеялся, засветило солнце, мы двинулись дальше. Оказывается, в это время там сезон дождей и это явление обычно. Очень тяжело переносил кубинскую жару Владимир Константинович Модебадзе: иногда мы были обеспокоены его состоянием, и он оставался дома.

Прилетев в Москву, мы доложили начальнику ГРУ ГШ о результатах поездки и проделанной работе, затем написали письменный доклад, и соответствующие органы стали реализовывать просьбы кубинских товарищей.

По решению руководства Министерства обороны и ГРУ ГШ офицеры нашего направления оказывали содействие в создании подразделений спецназначения в вооруженных силах стран Варшавского Договора и некоторых дружественных развивающихся странах. Помню, что по просьбе короля Захир Шаха в конце 60-х годов наши офицеры из частей спецназначения были командированы в Афганистан для оказания помощи в формировании спецподразделений, разработки для этих подразделений программ подготовки и обучения офицеров. Старшим советником-специалистом направили туда майора Кудрявцева, имевшего опыт службы в частях спецназначения.

Подразделения спецназначения наших Вооруженных Сил принимали непосредственное участие в боевых действиях в Афганистане в конце 1970-х начале 1980-х годов. Они использовались, главным образом, для ведения разведки, и поиска местонахождения антиправительственных воинских формирований, определения их численности, вооружения. Результативность ведения разведки силами подразделений спецназначения была более высокой по сравнению с другими видами наземной разведки.

Глава 21

РАЗВЕДКА В ВОЕННОМ ОКРУГЕ

Военный округ - это территориальное общевойсковое объединение частей, соединений, военно-учебных заведений и различных местных военных учреждений'.

Прибалтийский военный округ, куда я был назначен в октябре 1970 года начальником разведки, территориально объединял три прибалтийские республики (Эстонию, Латвию,

Литву) и Калининградскую область. Войска округа прикрывали нашу страну с северо-западного направления.

На Северо-Европейском театре военных действий (по натовской классификации) были размещены вооруженные силы НАТО и нейтральной Швеции. Натовские войска включали соединения и части Норвегии, Дании и ФРГ (дислоцирующиеся в земле Шлезвиг-Гольштейн). В их составе насчитывалось: три дивизии, четыре отдельных бригады, два отдельных полка, более 2000 орудий полевой артиллерии и минометов, в том числе около 100 орудий атомной артиллерии, более 100 пусковых установок зенитных управляемых ракет ("Найк Геркулес" и "Хок"), более 100 танков, 600-650 пусковых установок противотанковых управляемых ракет, более 300 самолетов (ВВС, ВМС, ПВО), более 300 боевых кораблей и катеров.

На Северо-Европейском ТВД было оборудовано и функционировало 40 военных и гражданских аэродромов с возможной емкостью более 700 самолетов. Наибольшая плотность аэродромной сети была на территории земли Шлезвиг-Гольштейн и Ютландском полуострове, где на 15 аэродромах было оборудовано 350 укрытий для самолетов, т.е. они обеспечивали укрытие 100% самолетов, базировавшихся здесь в мирное время.

На театре военных действий было также оборудовано 10 военно-морских баз, более 10 пунктов базирования флота, 32 порта.

Для руководства объединенными вооруженными силами было создано Главное командование объединенных вооруженных сил НАТО на Северо-Европейском театре военных действий со штабом в Колсос, в районе Осло. Командования ОВС НАТО размещались: в Северной Норвегии со штабом в Буде, в Южной Норвегии со штабом в районе Ставангер и в зоне Балтийских проливов со штабом в Каруп (Дания).

Для обеспечения управления вооруженными силами на театре были развернуты и функционировали современные в то время системы связи, в том числе "Ай-Схай", радиорелейные, спутниковые.

В вооруженных силах стран НАТО на ТВД имелись запасы боеприпасов, ГСМ, продовольствия, военно-технического имущества на 25-30 суток ведения боевых действий.

Упомянутая группировка натовских войск насчитывала в своем составе около 100 тыс. человек, а при осложнении обстановки она могла быть увеличена в два раза за счет резервных формирований.

Вооруженные силы Северо-Европейского театра военных действий тесно взаимодействовали с боеготовым и боеспособным оперативным объединением вооруженных сил блока на Атлантике - ударным флотом НАТО (более 100 боевых кораблей и вспомогательных судов, до 600 самолетов и вертолетов авианосной авиации и авиации морской пехоты США и других союзников).

Оперативная и боевая подготовка натовских войск организовывалась и проводилась ежегодно в соответствии с основными положениями стратегии США и НАТО "гибкого реагирования", направлялась на решение задач по удержанию проливной зоны и территорий

северных государств, входивших в блок НАТО, на обеспечение боевой способности по разгрому группировок войск стран Варшавского Договора в условиях применения различных средств поражения.

Военно-политический курс Швеции базировался на официально объявленной в 1834 году так называемой "политике вооруженного нейтралитета", которая предусматривала неучастие страны в военных союзах в мирное время с целью политического неприсоединения к воюющим сторонам в случае возникновения конфликта в Европе, а также вооруженную защиту национальной территории в случае вовлечения страны в войну.

Несмотря на официально принятый нейтралитет, общая направленность шведского военно-политического курса имела прозападную ориентацию. Швеция развивала различные формы военно-политических связей с государствами-участниками НАТО. Основными направлениями военного сотрудничества со странами НАТО являлись торговля оружием, совместная разработка сложных систем оружия и военной техники, обмен современными технологиями.

Основными статьями военного экспорта Швеции являлись боевые самолеты и запасные части к ним, переносные ракетные комплексы, орудия зенитной и полевой артиллерии, противотанковые гранатометы, транспортные средства повышенной проходимости.

Швеция закупала у стран блока НАТО радиоэлектронное оборудование, вычислительную технику, ПТУР, ЗУР, боевые вертолеты, авиационные и корабельные силовые установки.

Вооруженные силы Швеции насчитывали около 70 тыс. чел. (в сухопутных войсках - около 45 тыс., в ВВС - 13 тыс., в ВМС - 9-10 тыс. человек).

В двадцати четырех учебно-мобилизационных полках состояло на вооружении около 300 танков, около 600 орудий и минометов. От вторжения Швецию прикрывали пять укрепленных районов с современным вооружением.

В нейтральной Швеции были сильные ВВС, в 20 авиационных эскадрильях насчитывалось около 400 боевых самолетов, из них: штурмовых эскадрилий - 6, самолетов - 120; истребительных эскадрилий ПВО - 11, самолетов - 220; разведэскадрилий - 3, самолетов - 60.

В военно-морских силах имелось более 50 боевых кораблей и около 200 боевых катеров.

Руководство НАТО рассматривало Швецию с ее мощными вооруженными силами в качестве барьера, прикрывавшего с востока значительную часть Северо-Европейского ТВД, и активно способствовало закреплению Швеции на прозападных позициях.

Против войск Прибалтийского военного округа, Балтийского флота постоянно велась разведка с использованием радиоэлектронных средств, развернутых вдоль побережья Шлезвиг-Гольштейн, Дании, Норвегии, Швеции, корабельная, воздушная и космическая разведка. Мощный разведывательный центр радио- и радиотехнической разведки НАТО

развернут на о. Борнхольм. Войска Прибалтийского военного округа и корабельный состав Балтийского флота находились под постоянным контролем натовской разведки.

Между Швецией и странами НАТО осуществлялся обмен разведывательной информацией о Вооруженных Силах СССР, и прежде всего о войсках ПриБВО и БФ, периодически проводились консультации по военно-политическим вопросам.

Постоянное усиление боевой мощи вооруженных сил НАТО, принятие на вооружение новых ядерных средств поражения, в том числе на южном фланге Северо-Европейского театра военных действий, вынуждали руководство советских вооруженных сил привлекать для ведения разведки разведывательные органы приграничных военных округов. Разведка приграничных военных округов, в том числе и нашего Прибалтийского, к началу семидесятых годов приобрела определенную организационную структуру и располагала силами, обеспечивавшими решение разведывательных задач.

Организация и ведение разведки в Прибалтийском военном округе имели свои специфические особенности. Во-первых, округ не имел сухопутных границ с сопредельными странами, входившими в блок НАТО. Территорию округа и соседние страны разделяло Балтийское море.

Во-вторых, оперативное предназначение войск округа было тоже необычным: войска округа, преобразованные во фронт, могли после совершения марша быть введены в сражение на Приморском операционном направлении, а при внезапном развязывании войны и попытке войск НАТО высадиться на побережье Прибалтики - осуществлять противодесантную оборону. Поэтому разведку нужно было организовывать с учетом нескольких вариантов.

Как и другие приграничные округа, Прибалтийский военный округ располагал определенным комплектом сил и средств разведки. В округе были представлены все виды военной разведки, кроме космической, которые требовали нестандартного их использования с учетом особенностей приморского направления.

Отправными документами на организацию разведки были директивные требования Генерального штаба и указания руководства войсками округа (командующего и начальника штаба).

Главной задачей разведки было - предупредить внезапное нападение противника на СССР, в том числе и на войска округа, определить начало его подготовки к агрессии, определить намерение и замысел по применению прежде всего оружия массового поражения. Основное внимание при этом уделялось группировке войск НАТО, размещавшейся в Шлезвиг-Гольштейн, на Ютландском полуострове, морской группировке в Балтийском море и проливной зоне.

На разведку округа возлагались задачи по слежению за средствами ядерного нападения в Шлезвиг-Гольштейн, базированием авиации на юге Норвегии, в Дании, северной части ФРГ, размещением средств противовоздушной обороны на южном фланге Северо-Европейского театра военных действий.

Велась разведка средств управления войсками и оружием. Мы вынуждены были выделять часть сил и средств для наблюдения за действиями разведывательных сил НАТО, которые с суши, моря и воздуха следили за деятельностью войск округа. Вдоль южного побережья скандинавских стран и на острове Борнхольм были развернуты семь постов радиоэлектронной разведки командования НАТО. С авиабазы Милденхолм поднимались разведывательные самолеты и, пролетая вдоль побережья советской Прибалтики, вели наблюдение за войсками округа. Вдоль морского побережья постоянно курсировали корабли радиоэлектронной разведки НАТО типа "Траве", которые, используя аппаратуру и визуальные средства, наблюдали за деятельностью нашего Балтийского флота и работой портов. Такие корабли целыми сутками стояли напротив Балтийска, Лиенаи, Паланги, Таллина и других мест.

Разведка округа, по возможности, интересовалась ходом учений и маневров, проводившихся командованием НАТО и национальными командованиями в проливной зоне, в Дании и северной части ФРГ.

Безусловно, нас всегда интересовали работы по дополнительному оперативному оборудованию территории ТВД. Особое внимание уделялось сведениям по строительству укрытий для боевой авиации, созданию заграждений на морском побережье, оборудованию пунктов управления.

Залог успешной разведки крылся в продуманной ее организации, разработке плана и наиболее целесообразном распределении сил и средств по задачам и конкретным объектам. В округе нами разрабатывался план разведки на год, который, по изменению обстановки, либо менялся, а чаще всего уточнялся.

В разработке плана участвовали все начальники отделов и служб разведуправления, при необходимости привлекались офицеры-разведчики от штаба ракетных войск и артиллерии, воздушной армии, химической службы и др.

Получив распоряжение, разведывательные части вели разведку исходя из своих возможностей и поставленных задач.

При планировании разведки в округе, учитывая его приморское положение, важное значение придавалось организации взаимодействия с разведкой Балтийского флота, пограничными войсками, разведкой войск ПВО, соседних Ленинградского военного округа и Группы советских войск в Германии. Обычно согласовывались усилия разведки по задачам, объектам, времени, предусматривался обмен информационными документами. В период планирования, а также в течение года, когда разведка уже велась, мы согласовывали некоторые вопросы взаимодействия по телефонам закрытой связи с начальниками разведки Балтийского флота контр-адмиралом Румянцевым Александром Александровичем, Ленинградского военного округа генерал-майором Пияльцевым Анатолием Никитовичем, ГСВГ - генерал-майором Онусайтисом Юрием Иосифовичем. Особенно полезны были такие обмены мнениями при сосредоточениях войск НАТО для проведения учений и маневров, при выходе их командных пунктов и узлов связи из пунктов постоянной дислокации.

После постановки задач на ведение разведки мы, офицеры разведывательного управления, по указанию начальника штаба округа или по своей инициативе выезжали в разведывательные органы и части для оказания на месте помощи в организации разведки. Эта помощь носила разносторонний характер: правильный выбор способа выполнения разведывательной задачи, дополнительная поставка разведывательной техники и аппаратуры, отправка неисправной техники в ремонт, расстановка наличных сил для более результативного решения задач, принятие оптимального решения при формировании боевых расчетов на разведывательных постах, меры по радиомаскировке, отработка документов (планов, донесений, сводок, справок, учета получаемых разведсведений и др.). Я, как начальник разведки округа, с разрешения начальника штаба выезжал в части, которые решали в данный момент наиболее сложные задачи.

Наши части и подразделения были разбросаны по всей территории прибалтийских республик и Калининградской области, дислоцировались иногда по-ротно, по-взводно, а в ряде случаев отдельными разведывательными постами (особенно в частях радио- и радиотехнической разведки), поэтому часто нужна была наша помощь на месте (в согласовании с местными властями оборудования новых позиций для размещения аппаратуры, антенных полей, в решении жилищных вопросов для офицеров, выделении продовольствия из местных фондов, культобеспечении и других вопросах).

Организация бесперебойной связи с разведывательными частями и подразделениями, осуществлявшими разведку, и управление ими, организация приема разведывательных сведений от них была постоянной, можно даже сказать, ежедневной нашей заботой. Благодаря помощи со стороны начальника войск связи округа генерал-майора Зайцева, а позднее полковника Кота, работе начальника отдела связи разведуправления полковника Тресцова нам удавалось решать эту сложную для того времени задачу. Для получения разведанных использовалась проводная, радио- и радиорелейная связь.

Завершающей частью работы по организации и ведению разведки являлся сбор, учет, анализ и обработка разведывательных сведений, доклад их командующему войсками округа, начальнику штаба, члену Военного совета, в Главное разведуправление, информирование подчиненных частей, соседних округов и Балтийского флота.

Информационный отдел разведуправления, возглавлявшийся неутомимым тружеником, большим эрудитом, хорошо знавшим вооруженные силы блока НАТО, Лютиковым Виктором Кузьмичом, казалось, работал круглосуточно. В этом малочисленном по составу отделе все было четко распределено: кто-то из офицеров вел учет средств массового поражения войск НАТО, вел карт) дислокации этих средств, составлял справки, формулировал раздел в разведывательную сводку по средствам массового поражения; другой офицер вел учет и нес ответственность за подготовку документов по ВВС и средствам ПВО; третий отвечал за сухопутные войска и т.д.; начальник отдела или старший офицер ежедневно готовил суточную разведывательную сводку; кто-то отправлялся в войска для проведения занятий. Только четкое распределение обязанностей между офицерами информационного отдела позволяло с трудом справляться с об работкой поступавших разведывательных сведений, их изучением, анализом, обобщением. Работа по сбору и обработке разведывательных сведений ежедневно сводилась к тому, чтобы, получив их из

различных источников, превратить в материал для доклада командованию округа и в ГРУ ГШ. Много трудился в этом направлении старший офицер отдела полковник Авраменко.

Большой и трудоемкой являлась работа офицеров информационного отдела и отдела радио- и радиотехнической разведки по добыванию данных для учета и анализа радиоэлектронной обстановки на Северо-Европейском театре. Такие данные требовались для штаба округа и Генерального штаба. Почти постоянно работали над этим полковники Пидласый, Авраменко, подполковник Таркинский.

Особенно напряженными для офицеров информационного отдела и всего разведывательного управления были периоды, когда в вооруженных силах НАТО проводились крупные учения или маневры, за которыми необходимо было следить и докладывать о их ходе командованию округа, в ГРУ ГШ, информировать соседние округа, Балтийский флот, пограничников.

По результатам разведки натовских учений командные пункты частей радио- и радиотехнической разведки, а также наше разведуправление готовили итоговые справки-доклады командованию округа и в ГРУ ГШ.

Ежедневно офицеры информационного отдела готовили информационный обзор радио и прессы капиталистических государств. Информационный обзор докладывался в виде справки командованию округа (командующему, его заместителям, начальнику штаба, члену Военного совета, командующему ракетными войсками и артиллерией).

По просьбе и запросам начальников управлений штаба округа, начальников родов войск и служб информационный отдел готовил для них справочный материал по самым различным вопросам, касавшимся иностранных армий (по танкам, пушкам, средствам связи, мобилизационным возможностям, службе тыла и т.д.).

Для нужд округа и прежде всего командования постоянно требовалось иметь в разведуправлении обширный справочный материал, т.е. определенный банк данных. Этот банк у нас создавался в виде учета информации в журналах офицеров информационного отдела по различным разделам иностранных армий (ядерное оружие, группировки войск - сухопутных, ВВС, ВМС, ПВО, оперативное оборудование театра, органы управления и т.д.). Для памяти материал накапливался и хранился в счетно-перфорационной лаборатории, возглавлявшейся майором Громовым. В разведуправлении постоянно велись и обновлялись карты с нанесенной обстановкой по дислокации и возможному развертыванию на случай войны натовских войск, карты в любой момент могли докладываться командованию округа.

Доклады и донесения в Главное разведуправление Генерального штаба представлялись согласно табелю срочных донесений.

В порядке взаимодействия и взаимной информации наши месячные разведывательные сводки направлялись пограничникам, в разведуправление Ленинградского ВО, ГСВГ, Балтийского флота. От них мы также получали информационные документы.

РАЗВЕДКА В ВОЕННОМ ОКРУГЕ

Другим большим направлением работы офицеров разведывательного управления округа была организация боевой подготовки в разведывательных частях, разведывательная подготовка войск и штабов, участие в оперативной подготовке высшего офицерского звена военного округа.

Общие направления разведывательной подготовки войск и штабов и боевой подготовки разведподразделений определялись директивой командующего войсками округа. А специфические особенности подготовки специалистов каждого вида разведки отражались в отдельных документах штаба или разведывательного управления. Боевая подготовка летчиков-разведчиков и подготовка разведчиков подразделений спецназначения или специалистов радио- и радиотехнической, войсковой разведки никак не были похожи между собой. Поэтому офицеры и начальники отделов разведуправления разрабатывали для них отдельные указания, руководствуясь их программами и директивами Главного разведуправления. Главное, что учитывалось при планировании боевой подготовки в разведывательных частях, ее направленность на повышение классности специалистов, на обеспечение более результативного ведения разведки. Например, в авиационном разведывательном полку упор делался на подготовку летчиков по обнаружению на местности средств ядерного нападения, определения их координат с максимальной точностью, а специалистов радиоразведки учили более точному пеленгованию выявленных радиосредств противника и т.д. Во все разведывательные части поступали новые разведывательные комплексы радио- и радиотехнической разведки (от округа до дивизии), новые разведывательные машины для разведывательных батальонов дивизий, более совершенные самолеты, в том числе беспилотные, приборы разведки и оружие для частей спецназначения. Все это необходимо было изучать и использовать для ведения разведки. В частях организовывалась учеба и освоение новой техники, мы оказывали частям посильную помощь. Наша помощь заключалась в организации показательных занятий по принципам применения новых средств, размещения их в оперативном построении войск, боевых порядках, сбора разведанных, передачи их командованию, по новым техническим образцам. С получением техники уточнялись боевые расчеты, структуры подразделений, появлялись новые специалисты, требовалось переоснащение некоторых позиций, с которых велась разведка, дооборудование командных пунктов, а в ряде случаев и некоторая передислокация подразделений. Пополнялась и совершенствовалась учебно-материальная база. Хорошими организаторами боевой подготовки зарекомендовали себя командиры частей: спецназначения - полковник Боряков Н.В., радиоразведки - полковник Машковский Б.В. и Острах И.Б., командир разведывательного батальона танковой дивизии подполковник Дорогов и др. Несколько лет подряд, по оценке московских и окружных комиссий, получали отличные оценки по боевой и политической подготовке часть спецназначения под командованием полковника Борякова Н.В., разведывательный батальон под командованием подполковника Дорогова, армейский разведывательный артиллерийский дивизион под командованием подполковника Куц.

По предписанию Главного разведуправления начальник разведки округа должен был лично с каждой частью окружного подчинения провести тактико-специальное учение, в конце года - комплексное разведывательное учение с окружными разведывательными частями. Начальник штаба или начальник разведки армии - учение с разведчастями армейского подчинения, в дивизии - дивизионное разведучение.

Проведение разведывательных учений требовало времени, работы над их подготовкой, расхода матресурсов. Учение начиналось, как правило, с подъема части или нескольких частей по тревоге, затем выход в районы сосредоточения, ведение разведки согласно подготовленному предписанию.

При проведении учений с частями радио- и радиотехнической разведки нужно было учитывать их задействование в ведении реальной разведки. Особенно тяжело было решать в ходе учения реальные и учебные задачи при перемещении подразделений на новые позиции. При организации учения с частью спецназначения и авиационными подразделениями округа и армии требовалось много сил для обозначения противника и т.д., но учения проводились, несмотря на трудности. Хорошо и всесторонне готовились разведывательные учения с разведкой 11 гв. армии. Начальник разведки армии полковник Долгов И.А. и начальник разведки ракетных войск и артиллерии округа подполковник Холохоленко всегда были основными разработчиками и организаторами этих учений. Для отработки вопросов в ходе учений по войсковой разведке нами использовался Добровольческий учебный центр, где отрабатывались действия подразделений в разведдозоре, разведотряде, развертывались подразделения радиоразведки, инженерной, радиационной и химической разведки.

На комплексные разведучения, проводившиеся на фоне фронтовой операции, привлекались силы Балтийского флота, пограничников, подразделений войск ПВО страны. Это позволяло отрабатывать вопросы взаимодействия.

В 1974 году под руководством начальника Генерального штаба, в то время генерала армии В.Г. Куликова, было проведено командно-штабное учение по разведке и РЭБ, в котором участвовал и наш Прибалтийский военный округ (условное наименование учения "Электрон"). В ходе учения мы еще раз убедились в огромных возможностях вооруженных сил НАТО по управлению войсками и оружием, наличием у них для этого большого количества радиоэлектронных средств, без разведки и подавления которых трудно рассчитывать на победу. Учение показало нам наши слабые места в изучении радиоэлектронной обстановки на театре и недостаточно четкое взаимодействие с частями и окружной службой РЭБ.

После этого учения мы с офицерами отдела радио- и радиотехнической разведки В.М. Пидласым и П.И. Тартинским собрали необходимые материалы и разработали справку по радиоэлектронной обстановке на СЕТ применительно к нуждам округа. К нашей справке возник определенный интерес - мы направили ее в ГРУ ГШ, службу РЭБ ГШ, академию Генерального штаба, в штаб Балтийского флота, а у себя в округе при проведении разведывательных учений стали привлекать на них подразделения и службу РЭБ.

Осенью 1975 года по предписанию Генерального штаба мы в округе подготовили и провели показное учение по боевому применению части спецназначения во фронтовой наступательной операции. Показывали учение начальникам разведки и начальникам отделов специальной разведки военных округов. В ходе учения демонстрировали подготовку разведгрупп для выброски в тыл противника, переброску групп через линию фронта, выброску на парашютах, высадку с моря с использованием плавсредств Балтийского флота,

управление группами в ходе фронтовой операции, перенацеливание их на выполнение новых задач, в том числе, в моменты, когда они находились еще в воздухе или на переходе морем. Я был руководителем этого учения, а командир части спецназначения полковник Боряков - основным исполнителем всех перечисленных мероприятий. Помогали нам готовить учение и офицеры ГРУ ГШ, особенно в части, касающейся обеспечения радиосредствами.

Наравне с офицерами оперативного управления наши офицеры принимали участие в подготовке и проведении командно-штабных и войсковых учений, отрабатывая документы, касающиеся противника и организации разведки. На сборах с руководящим составом округа мы читали лекции и проводили групповые упражнения по организации, вооружению, технике, тактике и оперативному искусству иностранных армий, прежде всего армий, входящих в блок НАТО, по оперативному оборудованию Западного и Северо-Западного театров военных действий, возможным вариантам развязывания войны, по взглядам натовского руководства и возможному развертыванию их войск в предвоенный период и с началом боевых действий. Лекции и сообщения по этой тематике всегда слушались с особым интересом, мы их обычно преподносили со схемами, снимками, диафильмами. На полигонах и учебных центрах дивизий демонстрировались средства ядерного нападения иностранных армий и другая боевая техника, выполненные в виде макетов в натуральную величину (Добровольческий учебный центр, Калининград, Таллин).

Для таких сборов мы также готовили занятия и лекции по принципам организации и ведения разведки в дивизии, армии, фронте, по боевому применению имеющейся и поступающей разведывательной техники. Вместе с командованием и штабом округа мы были участниками командно-штабных учений, которые проводило Министерство обороны и Генеральный штаб. Такие мероприятия требовали максимального напряжения при выработке командованием решений и при докладах Министру обороны СССР, начальнику Генерального штаба. Не будем кривить душой, все мы волновались перед такими докладами, но по-разному. Один волновался, думая о деле, другой - о себе лично, как бы понравиться начальству. Пусть простят меня офицеры, читающие эти строки, - было и такое. Вот пример. Докладывали министру обороны маршалу Гречко в Вюнсдорфе (ГДР), куда нас доставили на самолете. Я, как начальник разведки, должен докладывать первым. Мой сосед - тоже начальник управления - глотает какие-то таблетки и предлагает их мне: "Хорошо помогает, успокаивает", я ему в ответ: "Мне не нужно, я готов к докладу". Он мне: "Что ты, главное не доклад, а чтобы пронесло". Не буду называть фамилию этого офицера, он достиг очень большого воинского звания и большой должности, не хочу ставить его в неудобное положение. Докладывать Гречко было несложно, он не вникал в мелочи, хотел видеть главное. Если главное было в норме, то доклад проходил спокойно.

Доклад начальника разведки на оперативных и стратегических учениях являлся заключительным этапом работы разведывательных органов и всего коллектива разведывательного управления. К докладу всегда готовились карты с группировкой противостоящего противника и необходимыми расчетами, план разведки на карте и текстуальный. Доклад обычно включал несколько пунктов, излагавшихся в следующей последовательности: общий характер действий противника перед фронтом и соседними фронтами (перед флотом), его группировка средств массового поражения, ПВО, ВВС, сухопутных войск, сил флота, время начала развертывания войны (боевых действий) и

выводы по возможному характеру действий противника, основные задачи разведки и намечаемые мероприятия по их выполнению.

Каждую минуту начальник разведки при докладе должен суметь извлечь из подготовленного материала самое важное и нужное, быстро облечь свою мысль в доступную для понимания форму, причем надо постоянно следить, чтобы мысли шли в известном порядке, необходимом для правильной компоновки картины подготовки и начала боевых действий. Определения нужно формулировать кратко, точно и просто. Каждую минуту начальник разведки должен помнить, что он строго ограничен во времени. По опыту проведенных учений, начальнику разведки фронта обычно давалось на доклад не более 20-25 минут.

При докладах большим начальникам случались и курьезные моменты. Докладывал я по учению начальнику Генерального штаба генералу армии Куликову. Доклад прошел нормально, но он что-то захотел уточнить о взаимодействии нашего фронта с Балтийским флотом и спрашивает меня: "Знаете ли Вы лично начальника разведки флота, назовите его звание и фамилию". Я назвал не только его звание и фамилию, но и его калининградский домашний адрес. Куликов рассмеялся и добавил: "Думаю, что взаимодействие между фронтом и флотом имеется", и на этом вопрос был исчерпан. Начальником разведки Балтийского флота в то время был контр-адмирал Румянцев Александр Александрович, замечательный офицер и товарищ, с которым мы действительно поддерживали хорошие отношения.

По мнению моих товарищей по службе в разведке, в 70-е годы, когда начальником Генерального штаба был генерал армии В.Г.Куликов, разведка находилась на подъеме. Разрабатывалась и поступала в части новая разведывательная техника, Генеральный штаб провел в ряде приграничных военных округов и группах войск разведывательные учения (Прибалтийский, Одесский ВО, ГСВГ), на разбор которых приглашались начальники штабов и начальники разведки военных округов. После окончания учений в округа поступал обобщенный материал по разведывательным учениям. Все это будировало разведывательную деятельность на местах; командующие, начальники штабов, члены военных советов активнее уделяли внимание разведке.

В послевоенный период пришлось участвовать во многих учениях, слушать доклады начальников разведки разных уровней (дивизии, армии, округа), принимать участие в совещаниях, посвященных разведке, и по мере удаления во времени от войны организации разведки уделялось все меньше и меньше внимания, развитие разведки отставало от совершенствования средств поражения. Командующие армиями, округами, слушая начальников разведки на учениях, как правило, ограничиваются заслушиванием выводов о противнике и не интересуются или мало интересуются, не вникают в главный вопрос разведки - ее организации. В то время как военачальники, прошедшие школу войны, всегда интересовались прежде всего, как организована разведка. Мне пришлось быть свидетелем, как знаменитый командир Великой Отечественной войны Маршал Советского Союза В.И.Чуйков слушал доклад начальника разведки Ленинградского военного округа генерала В.П.Ходаковского именно по организации разведки. Чуйков до скупуплезности интересовался, как организована разведка того или иного вида, какие силы задействованы, как организовано взаимодействие между отдельными разведорганами и т.д. Виктор

Петрович Ходаковский после часового доклада вышел от Чуйкова мокрым от пота. Все вопросы маршала и его замечания были правильными. Чуйков знал, что добыть на войне разведанные - это выиграть предстоящий бой или сражение.

Другой пример. Главнокомандующий ГСВГ генерал армии М.В. Захаров на дивизионном учении с 19 мсд, стоя в траншее, в течение полутора часов слушал доклад начальника разведки дивизии по организации разведки в предвидении наступления. Захаров интересовался, как организована система наблюдения войсковых, артиллерийских, инженерных НП, где и как действуют поисковые группы и почему именно в этих пунктах, куда именно в тыл противника засланы разведгруппы и с какими задачами, в каких направлениях планируется направить разведдозоры и разведотряды, как и где организован прием данных с борта самолета-разведчика и др. Я стоял рядом и все это слышал.

В заключение беседы с начальником разведки дивизии генерал армии М.В. Захаров сказал примерно следующее: "Вы, разведчики, организуйте разведку, добудьте данные о противнике, а выводы о возможном характере его действий мы, командиры, сделаем сами. Конечно же, делать выводы Вам тоже не возбраняется. Главное - организация разведки". Примерно то же о разведке он сказал и на разборе этого войскового учения. Прислушаться к опыту командиров и командующих, прошедших горнило Великой Отечественной войны, не мешало бы и современным командирам, и нам, офицерам-разведчикам. Организация разведки - это не простой вопрос. При завершении одного из командно-штабных учений штаб ПрибВО, игравший за фронт, вызвали в Москву в Генеральный штаб. Заслушал нас начальник Генерального штаба генерал армии В.Г. Куликов. Как обычно, я повесил две карты: с группировкой и замыслом противника и приложение к плану разведки. Доложив о противнике, хотел коротко доложить об организации разведки. Куликов меня прервал и предложил об организации разведки доложить начальнику штаба генерал-лейтенанту Терещенко Михаилу Никитовичу. Терещенко, пользуясь отработанной картой, хорошо доложил основные мероприятия по организации разведки. Тогда Куликов потребовал письменный план разведки. Я положил его перед ним на стол, он минут 5-10 полистал его и остался удовлетворенным. Куликов уже знал, что многие командующие и начальники мало уделяют внимания организации разведки, поэтому нас "допрашивал" с пристрастием. И мы с честью выдержали "экзамен". Докладами были удовлетворены начальник Генерального штаба генерал армии В.Г. Куликов, начальник ГРУ ГШ генерал армии П.И. Ивашутин, командующий войсками округа генерал армии А.М. Майоров.

Графический план разведки или приложение к плану на карте разрабатывал и лично исполнял обычно начальник 1-го отдела разведуправления полковник Гулевич Петр Дмитриевич. Он наносил на карту положение противника и разведывательные органы фронта принятыми условными знаками, но тональностью карандашных линий, штриховкой, размерами условных знаков умел в какой-то мере передать динамику действий разведывательных органов, их стремительность, обозначенную линиями передвижения. Его план разведки на карте как бы оживал. Наглядно видны были полеты самолетов-разведчиков, участки, намеченные для фотографирования, как горох рассыпанные по карте и подкрашенные разными цветами разведгруппы спецназначения, пеленгаторы и радиотехнические станции с обозначенными рубежами их возможностей. Все эти условные знаки как бы обретали живую душу, за ними видны были разведчики различных видов

разведки. С такой картой можно было докладывать уверенно и Министру обороны, и начальнику Генерального штаба.

Еще одна сфера деятельности начальника разведки и офицеров разведуправления, требовавшая повседневного внимания,- это поддержание воинской дисциплины. Командование округа шло нам всегда навстречу по вопросам приоритета и возможности подбора офицеров, сержантов и солдат для разведки из числа ресурсов, поступающих в округ. Наши части поэтому были более боеготовыми, более дисциплинированными по сравнению с другими войсками. Но это достигалось только повседневной работой коллектива офицеров разведуправления и частей. Начальник разведки округа, как любой командир дивизии, отвечал за состояние своих частей буквально по всем вопросам. Да, случались и у нас в разведке факты нарушения дисциплины, упущения в ведении практической разведки, промахи в службе войск, но мы, как и другие командиры, стремились исправлять недоработки.

За многочисленными текущими делами нельзя было забывать о продвижении офицеров по службе, о присвоении им очередных воинских званий. Очередное воинское звание в армии - хороший стимул для офицера, укрепление веры в свои возможности, повышение ответственности перед командованием, товарищами по службе.

Помню такой случай. Перед днем Победы 1975 года некоторые наши офицеры должны были получить высокие воинские звания полковников. Предварительно, до официальной выписки из приказа Министра обороны, обычно из Москвы уже информируют, кому присвоено звание. В этой "звонковой" информации не оказалось одного из наших товарищей-командиров. Пришлось мне сутки потратить на выяснение обстоятельств. Действительно, по халатности какого-то офицера-кадровика наш товарищ был пропущен в выписке. Но все встало на свое место, он также был впечатан в эту выписку.

Одним из важнейших факторов, способствовавших успешной разведывательной деятельности, являлось внимание командования округа к нашим нуждам. Во время почти шестилетней службы в Прибалтийском военном округе при мне сменилось три командующих войсками округа: генерал армии Г.И. Хетагуров, генерал-полковник В.Л. Говоров, генерал армии А.М. Майоров; три начальника штаба: генерал-лейтенант Иванов М.Т., генерал-лейтенант М.Н. Терещенко, генерал-лейтенант Стычинский. Все они не только требовали от разведки результативности, но и по мере возможности оказывали конкретную помощь и поддержку. Генералу армии Г.И. Хетагурову, например, нравилось, когда офицеры разведуправления больше находились в войсках и занимались боевой подготовкой разведподразделений. Вскоре после приезда в округ я проводил на полигоне групповое занятие с офицерами-разведчиками (нач.разведки дивизий и полков). К высоте, где стояла группа офицеров, подъехал на УАЗике Хетагуров, вышел из машины, я ему доложил, он постоял, послушал, как идут занятия, снова сел в машину и уехал. Вечером через адъютанта он пригласил меня на ужин в Калининград. Оказывается, как мне потом сообщили, ему понравилось, что начальник разведки округа лично проводит занятия в поле, а не руководит из кабинета.

Генералу армии А.М. Майорову требовалось как можно больше информации: о событиях в мире, о вооруженных силах капиталистических государств, о мероприятиях,

которые проводятся в войсках НАТО и др. С информацией он принимал начальника разведки в любое время.

Перед докладами Министру обороны, начальнику Генерального штаба мы все волновались. Майоров мне как-то сказал: "Лучше Вас никто не знает обстановку и вооруженные силы НАТО на нашем направлении, докладывайте увереннее". Это было действительно так. Я эту рекомендацию использовал в дальнейшей работе.

Мы, офицеры разведуправления, благодарны начальнику штаба округа генерал-лейтенанту М.Н.Терещенко за жесткую требовательность к глубине проработки отрабатываемых документов по разведке. Все основные документы по организации разведки, доклады в Генеральный штаб он лично прочитывал, вносил необходимые коррективы, и только после этого мы их отправляли. Михаил Никитович Терещенко бывал в наших разведывательных частях, видел их работу и оказывал помощь в решении назревавших проблем, способствовавших улучшению разведки.

Несколько слов о проблеме автоматизации разведки. Большой объем мероприятий, связанных с работой по организации и ведению разведки, обработке полученных разведсведений, подготовке их для докладов, необходимость накопления материалов по иностранным армиям и своим силам и средствам разведки ставили офицеров разведуправления в трудное положение.

Прекращение "холодной войны", изменения, происходящие в мире, в том числе И странах Восточной Европы, вовсе не означает, что мы должны свертывать разведывательную деятельность. Конгресс США выделяет ежегодно огромные суммы денег для разведки. Поэтому укрепление военной разведки должно стать объективной необходимостью и без задержки реализовываться. Во всех случаях боевая готовность органов и частей разведки должна быть в несколько раз выше боеготовности войск.

Важно все: организовать разведку, получить информацию, проанализировать ее, сделать выводы по той или иной ситуации в самые сжатые сроки. Поэтому в разведке сейчас должен делаться упор на ее техническую оснащенность, автоматизацию всех ее сфер деятельности. Автоматизация позволила бы обеспечить более высокую оперативность управления и перенацеливать при необходимости отдельные виды разведки на решение новых задач; автоматизированную разработку и корректировку планов разведки с выдачей формализованных распорядительных документов; автоматический ввод развединформации от добывающих разведорганов всех видов разведки; обработку развединформации в реальном масштабе времени; комплексную оценку состояния и деятельности вооруженных сил соседних государств или коалиций, группировок его войск, автоматическое доведение информации до командования; моделирование и прогнозирование возможного характера действий войск коалиций или соседних государств в условиях резкого изменения обстановки; накопление и обработку справочного материала по возможностям своих сил и средств разведки, а также по вооруженным силам соседних государств (боевому составу, группировке, наличию средств массового поражения, перспективам технического перевооружения и др.).

Не решив задачи технического оснащения разведки и автоматизации ее деятельности, нельзя успешно решить задачи, стоящие перед вооруженными силами.

Главы 22, 23

КОМАНДИРОВКА В ЭФИОПИЮ

После окончания службы в Прибалтийском военном округе и назначения на должность начальника отдела в ГРУ ГШ осенью 1977 года меня командировали в Эфиопию в составе делегации генералов и офицеров Министерства обороны.

В задачу нашей делегации входило ознакомление на месте с обстановкой после вторжения сомалийских вооруженных сил в Эфиопию и оказание помощи эфиопской армии в изгнании агрессора. В составе нашей делегации были генералы и офицеры от разных управлений Генерального штаба, от видов вооруженных сил и родов войск (операторы, разведчики, авиаторы, танкисты, артиллеристы, моряки, политработники, связисты, специалисты ПВО и др.).

18 ноября 1977 года состоялась встреча нашей делегации с эфиопским руководством, возглавляемым членом ВВАС майором Алисам Тедла. Во встрече приняли участие министр обороны бригадный генерал Тайе Теллахун, начальник Генерального штаба полковник Хайле Георгие Мариам, постоянный секретарь министерства обороны капитан Хайле Вольде, командующий сухопутными войсками полковник Кэфелень Ибза, командующий ВВС полковник Фанта Беляйте, командующий ВМС капитан 1 ранга Тесфайе Берхану.

Министр обороны рассказал нам об обстановке на фронте и высказал просьбу об оказании военной помощи Эфиопии, в том числе поставками вооружения, военной техники и снаряжения.

Затем началась работа членов нашей делегации по службам. 22.11.77 я встретился с начальником разведки эфиопской армии полковником Цегайе, начальником разведки сухопутных войск полковником Алему. Во встрече принял участие советский советник при начальнике разведки эфиопской армии подполковник Ю.М. Новиков.

Цегайе изложил состояние разведки в эфиопской армии, положение на фронте и просьбу об оказании помощи разведке.

Военные действия в Эфиопии можно условно разделить на три периода.

Первый охватывает период времени с начала вторжения сомалийских войск в Огаден (20 июля 1977 г.) и их активного продвижения вглубь территории на Северном, Центральном и Южном направлениях. Этот период закончился в сентябре, когда соединения и части эфиопской армии остановили наступающего противника на подступах к Харэру и Дыре-Дауа (на Восточном фронте), Гинир и Негелли (на Южном фронте).

Во втором периоде (октябрь 1977 года - январь 1978 года) положение на фронтах стабилизировалось, особой активности в действиях противоборствующих сторон не отмечалось. Этот период характеризовался стремлением обеих сторон усилить свои группировки войск, создать условия для нанесения решающего удара противнику.

Однако в период с 17 по 24 ноября 1977 года сомалийцами вновь была предпринята попытка организовать наступление с целью овладения г.г. Харар и Дыре-Дауа, но и на этот раз осуществить захват этих городов не удалось.

Третий период-это активные боевые действия эфиопских и кубинских войск по нанесению контрударов южнее и севернее Харар, в районе Дыре-Дауа, захват г. Джиджиги и общее наступление для освобождения Огадена (конец января - начало марта 1978 г.).

Сомалийцы после вторжения в Эфиопию оккупировали 90% территории Огадена. В руках эфиопов оставались лишь два крупных административных центра - Харар и Дыре-Дауа, захват которых составлял главную цель сомалийского руководства.

К середине января 1978 года группировка сомалийских войск на Восточном фронте насчитывала 24-25 мотопехотных и пехотных бригад, около 120-130 танков, более 300 орудий и минометов, на Южном фронте у противника насчитывалось 5-6 мотопехотных и пехотных бригад, до 150 орудий и минометов.

Эфиопские войска вместе с кубинскими подразделениями имели в своем составе 26 бригад (пбр - 6, бригад народной милиции - 13, пролетарских бригад - 6, тбр - 1), из них пять находились на охране коммуникаций, около 230 танков, 180 орудий и минометов, 42 пусковых установки БМ-21.

Таким образом, к середине января 1978 года соотношение сил, особенно в танках, начало складываться в пользу эфиопских войск, кубинские и эфиопские ВВС насчитывали более 30 боевых самолетов, что дало возможность приступить к практическому осуществлению замысла по разгрому сомалийских войск в Огадене.

С утра 24 февраля после интенсивной авиационной и артиллерийской подготовки перешли в наступление эфиопские и кубинские части и подразделения южнее Харар. Мы с руководителем нашей делегации и генерал-майором Е.А. Алещенко находились на командном пункте западнее Харар и наблюдали этот бой. Несколько мин разорвалось около нашего КП. 2 и 3 февраля была проведена операция в районе Дыре-Дауа, в результате которой сомалийцы были отброшены от Дыре-Дауа на 40-45 км. С 8 по 12 февраля проведена была операция по уничтожению противника севернее Харар.

После трех последовательных контрударов на Восточном фронте противник уже не мог оказывать организованное сопротивление. Было уничтожено и захвачено около 70% сомалийских танков, более 80% орудий полевой артиллерии и минометов.

4 марта началось всеобщее наступление эфиопских войск на Восточном фронте, а к 13 марта территория Огадена была полностью очищена от сомалийцев. К началу сомалийской агрессии в эфиопских вооруженных силах военной разведки по существу не было.

На первом этапе боевых действий в виду отсутствия штатных разведподразделений разведка велась, в основном, способом наблюдения силами пехотных подразделений, народной милиции и артиллерийских подразделений.

После бесед с начальником разведки эфиопской армии полковником Цегайе и его офицерами 16 декабря я был принят министром обороны бригадным генералом Тайе Телахуном, которому доложил проект приказа "О мерах по улучшению разведки и укреплению разведывательных органов частей и подразделений", изложил наши взгляды на организацию разведки всех видов в сложившейся обстановке.

Все наши предложения были министром приняты и 24.12.77 г. он подписал приказ, началась конкретная работа по организации разведки, прежде всего на Восточном фронте. Приказом были определены задачи разведки, организационные мероприятия по созданию разведывательных подразделений: войсковой, артиллерийской, радио, воздушной, морской разведки и сроки выполнения поставленных задач.

В ходе боевых действий в течение января - февраля 1978 года во всех дивизиях и 90% бригад Восточного фронта были сформированы разведывательные роты и взводы. В Хараре готовились кадры войсковых разведчиков (17 чел. для 1 бр., 17 чел. для 2 брсн, 17 чел. для 94 бр), в Рорэ было подготовлено 20 человек, в Дыре-Дауа - 30 человек для разведрот дивизий. Всего на Восточном фронте прошел подготовку 101 человек.

С появлением в войсках подготовленных разведчиков стала создаваться система наблюдения, а в ходе наступления высылались разведдозоры на глубину 5-6 км от впереди действующих войск.

Попытки наших советников готовить и засылать разведывательные группы в тыл противника успеха не имели. Эфиопы, в том числе и офицеры, в тыл противника идти боялись.

На Восточном фронте несколько раз проводилась разведка боем. В большинстве случаев результаты разведки боем были положительными. Удавалось захватить пленных и получить от них разведсведения, позволяющие командирам лучше знать противостоящего противника. Удачно проведенная разведка боем вселяла уверенность в свои силы.

В ходе операции по освобождению Огадена для ведения разведки и захвата важных объектов высылались сильные разведывательные отряды. Например, с выходом 8 пд в район Сегаг от нее был выслан отряд в составе двух механизированных батальонов для разведки маршрута Сэгэг-Биркуль-Дэнан и захвата г. Дэнан. Протяженность маршрута - 180 км. От 3 тбр кубинцев - отряд в составе танкового и пехотного батальонов, артиллерийского дивизиона БМ. Была поставлена задача разведать маршрут Дагабур-Кэбри-Дэхар, захватить г. Кэбри-Дэхар. Протяженность маршрута - 200 км. Отряды численностью от роты до батальона высылались также от других соединений Восточного и Южного фронтов. При слабой подготовке и недостаточной оснащенности штатных разведподразделений высылка указанных отрядов вполне себя оправдала.

На первом этапе боевых действий артиллерийская разведка велась пассивно: не было подготовленных разведчиков-артиллеристов, не хватало приборов наблюдения. С получением артиллерийских систем из Советского Союза личный состав на фронте и в учебных центрах получил ускоренную разведподготовку под руководством советских специалистов, что способствовало улучшению артиллерийской разведки. При проведении операции севернее и южнее Харара, севернее и северо-восточнее Дире-Дауа на каждом из указанных направлений развертывалось от 24 до 30 артиллерийских наблюдательных пунктов и постов, а при общем наступлении по освобождению Огадена было развернуто 54 наблюдательных пункта и поста.

К началу февраля 1978 года на Восточном фронте была сформирована батарея звуковой разведки (6 звукоразведывательных постов в батарее). С вводом в строй батареи точность определения координат стреляющих батарей противника значительно повысилась.

В ходе боевых действий на Восточном фронте было несколько попыток использования вертолетов и легких транспортных самолетов в качестве разведчиков-корректировщиков. Однако отсутствие опыта взаимодействия между артиллерией и авиацией, надежной радиосвязи, отсутствие единой кодированной карты и сигналов управления не позволили получить положительных результатов.

Воздушная разведка явилась одним из основных видов, позволившим освещать глубину расположения противника.

Главные усилия воздушной разведки были направлены на вскрытие районов расположения основных группировок сухопутных и танковых войск, резервов противника, огневых позиций артиллерии на направлениях: Харар-Фин; Бабиле-Дела-Медо-Сегаг-Данан; Корэ-Джиджиге-Харгейса; Джиджиге-Дагабур-Габрп-дахар; Араби-Джиджиге; Дыре-Дауа-Айша, а также базирования сомалийской авиации и средств ПВО на аэродромах Харгейса, Бурао, Бербера.

До декабря 1977 года воздушная разведка велась самолетами Ф-5 и "Канберра", а для разведки противника в ближайшей тактической глубине без перелета линии фронта использовались самолеты и вертолеты армейской авиации (до 12-15 единиц), что не давало должного эффекта.

В декабре в Эфиопию прибыли советские специалисты-разведчики, летчики-инструкторы, подготовленные кубинские летчики-разведчики и 2 разведывательных самолета МиГ-21, а также комплект оборудования фотолаборатории с советским обслуживающим персоналом. Все это сразу же дало возможность по-новому организовать воздушную разведку.

За три месяца боевых действий было совершено 120 боевых вылетов на воздушную разведку, из них 67 вылетов на воздушное фотографирование. В особо напряженные дни войны летчики-разведчики совершали по 4-6 вылетов. Хорошо помню, как мы вдвоем с генерал-лейтенантом Дольниковым Григорием Устиновичем отрабатывали первую карту с планом вылетов на воздушную разведку, в том числе с намеченными участками для фотографирования. По данным устного опроса экипажей и по результатам дешифрования

материалов воздушной разведки всего было вскрыто 136 основных объектов: батарей БМ-3, батарей ПА-15, батарей ЗА-1, минометных батарей - 6, авиации на аэродромах - 1, скоплений войск на железнодорожных станциях - 3, сосредоточений войск и боевой техники в поле - 34, участков оборонительных сооружений - 13, складов боеприпасов - 8, прочих объектов - 14. В числе указанных объектов было обнаружено: танков - 146, орудий - 80, БТР - 83, БМ - 12, зенитных установок - 8, специальных автомобилей - 230, командных пунктов - 3. Всего было выполнено 147 воздушных фотографирований. В ответственные периоды задачи на воздушную разведку ставились руководителем нашей военной делегации, министром обороны, командующим ВВС Эфиопии. При постановке разведывательных задач высокими должностными лицами они выполнялись быстро, результаты разведки докладывались в предельно короткие сроки.

Однако в целом руководство воздушной разведкой осуществлялось плохо. Генеральный штаб, как правило, не ставил задач на воздушную разведку, не требовал выполнения, мероприятий, предусмотренных планами разведки. Штаб ВВС информировал Генеральный штаб о сведениях, добытых воздушной разведкой, нерегулярно, а штаб Восточного фронта - с большими опозданиями. Между разведкой Восточного фронта и воздушной разведкой не было тесного взаимодействия. Наблюдалась тенденция обеспечить разведывательными сведениями в первую очередь свои войска: кубинские летчики стремились решать разведывательные задачи в интересах прежде всего кубинских войск, а эфиопские летчики - в интересах эфиопских войск.

Летчики-разведчики, а также дешифровальщики испытывали затруднения в обработке результатов воздушной разведки, так как сомалийцы искусно осуществляли маскировку войск и боевой техники, все передвижения частей и подразделений, как правило, осуществлялись в ночное время. Например, зенитные пушки маскировались под деревьями, вписываясь в их кроны, танки подделывались под кусты, окопы выкладывались окружающей растительностью, особенно тщательно маскировались командные пункты, узлы связи, отдельные радиостанции и другие объекты органов управления.

Радиоразведка к началу боевых действий была представлена только центром радиоразведки, расположенным в Аддис-Абебе, во фронтах, дивизиях подразделений радиоразведки не было.

С поступлением радиоразведывательной аппаратуры из Советского Союза в ноябре 1977 года была сформирована рота радиоперехвата и пеленгации, которая была передана Восточному фронту и развернута для работы на позициях в районе Харара.

В январе 1978 года при штабе Восточного фронта был развернут нештатный приемный центр, а в штабах дивизий 1-2 приемных разведывательных поста. К моменту проведения операций по освобождению Огадена в войсках Восточного фронта круглосуточно работало 15-20 разведпостов радиоперехвата и два поста пеленгации.

Радиоразведка велась в благоприятных условиях, так как сомалийцы на всем протяжении боевых действий нарушали радиодисциплину. Почти все команды, распоряжения, указания войскам давались по радио открытым текстом. Открытым текстом докладывались заявки на

боеприпасы, горючее, продовольствие, докладывались маршруты возможного отхода, оценка действий противостоящего противника и т.д.

Радиоразведке удавалось вскрывать основные группировки сухопутных и бронетанковых сил противника, действовавших против Восточного фронта, нумерацию войск, проводившиеся перегруппировки.

Радиоразведка определила время и направления отхода войск противника южнее Харара, в районе пер. Марда, отход войск на территорию Сомали по маршрутам: Марда - Джиджига - Харгейса; Бабили - Гахо - Ау-Калаф; Мидаголла - Фик - Данан, а также намеченные рубежи обороны перед сомалийс-ко-эфиопской границей.

Радиоразведка сумела перехватить сообщение по радио о принятом решении сомалийского руководства по выводу войск из Огадена.

Однако, в виду слабой подготовки операторов пеленгаторов, пеленгация работающих радиостанций противника не проводилась, а осуществлялся только радиоперехват.

В штабах дивизий, роте радиоразведки, штабе фронта никто по-настоящему не руководил радиоразведкой, не ставились постами целеустремленные задачи на разведку, не было ответственного лица в штабе фронта за радиоразведку, за обработку полученного материала, его анализ и доклад командованию. Материалы радиоразведки обычно докладывались командованию в виде сообщений, непосредственно принятых из эфира.

Агентурная разведка. До начала вооруженного конфликта эфиопы не сумели создать агентурную сеть на территории Сомали, поэтому разведка оказалась в затруднительном положении и пришлось ее организовывать в ходе войны.

Агентурная разведка в дивизиях и фронте велась марш-агентами, привлеченными из числа местных жителей и подготовленными в очень короткие сроки. Во многих случаях подготовка марш-агентов заключалась в коротком инструктаже по предстоящей задаче, маршруту движения и способам выполнения разведывательной задачи. Марш-агенты -это прежде всего крестьяне, имевшие невысокое образование или совсем неграмотные люди, не имевшие военной подготовки \ и не знавшие или плохо знавшие боевую технику и вооружение.

Марш-агенты решали задачи по разведке сосредоточения войск в глубине обороны противника и на дорогах, идущих к фронту. Определяли места расположения штабов, складов, огневых позиций артиллерии, изучали моральное состояние сомалийских войск, личного состава формирования ФОЗС, местного населения. Способы ведения разведки: наблюдение, осведомление через родственников и знакомых.

При отсутствии радиосвязи разведывательные сведения докладывались через 1-5 суток, т.е. через такое время, сколько требовалось агенту на преодоление фронта, выход к объекту, его разведку и возвращение в свое расположение.

Из-за слабой подготовки марш-агентов, их разведсведения были низкого качества, но разведка Восточного фронта и дивизий пользовалась их услугами в ходе войны.

Уровень планирования и руководства разведкой были низким. Разведка во всех военных инстанциях или совсем не планировалась, или делалось это формально. Работа шла самотеком. В разведке Генерального штаба, фронта, дивизий, видов вооруженных сил взаимодействие между отдельными ее видами не организовывалось, каждый вид разведки проводил кое-какие мероприятия самостоятельно. Отдельных каналов связи для передачи распоряжений на разведку и сбора информации не было, поэтому информация проходила медленно с большими задержками, докладывалась командованию несвоевременно

По настоятельной рекомендации советских советников, эфиопским товарищам было предложено планировать разведку, управлять ею, особенно в ходе боевых действий, ставить задачи или уточнять их. Для реализации этих предложений советскими советниками были разработаны планы разведки Генерального штаба на декабрь 1977 и январь 1978 годов, план разведки Восточного фронта на операции, проводившиеся в феврале, марте 1978 года. Планы разрабатывались в соответствии со сложившейся обстановкой на фронте.

ТАКТИКА ДЕЙСТВИЙ СОМАЛИЙСКИХ ВОЙСК НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ

1. Создание нейтральной полосы между противоборствующими сторонами глубиной от 5 до 15 км на всем протяжении фронта, что давало возможность сомалийцам: исключить потери в живой силе и боевой технике от стрелкового, минометного и артиллерийского огня; вводить в заблуждение эфиопские войска относительно истинного начертания переднего края и расположения основных группировок войск; усложнять условия для ведения разведки эфиопскими войсками.

2. Использование горного рельефа местности для укрытия личного состава. Сомалийские войска, как правило, располагали главные силы за обратными скатами высот, используя защитные и маскирующие свойства местности.

3. Оборудование временных огневых позиций артиллерии и минометов в нейтральной полосе и использование их в ночное время для поражения эфиопских войск, что давало возможность увеличивать глубину поражения.

4. Применение на некоторых участках -фронта, особенно в районе Харара, кочующих минометных, артиллерийских орудий и батарей. Стрельба из кочующих орудий и минометов осуществлялась по-заранее разведанным объектам и давала возможность более точно поражать цели, морально воздействовать на противника.

5. Используя большую глубину нейтральной полосы и скрытое расположение своих войск, сомалийцы широко применяли маневр силами и средствами вдоль фронта и в глубину, создавая превосходство в силах на избранных направлениях.

6. Использование формирований ФОЗС в тылу эфиопских войск для захвата узлов дорог, совершения диверсий на коммуникациях, объектах тыла эфиопских войск, уничтожения

средств связи. Действия формирований ФОЗС вынуждало эфиопское командование привлекать для охраны коммуникаций и объектов значительные силы, которые можно было бы использовать на фронте.

7. Активное ведение разведки всех видов с использованием штатных разведывательных подразделений войсковой разведки, диверсионно-разведывательных групп и отрядов из состава бригады спецназначения "Данаб", формирований ФОЗС и агентуры, привлекаемой, главным образом, из числа местных жителей - мусульман прифронтовой полосы.

Опыт войны между Эфиопией и Сомали показал, что решающее значение в достижении победы над сомалийскими агрессорами имела неоценимая помощь, оказанная Эфиопии Советским Союзом. В сравнительно короткие сроки было поставлено такое количество вооружения, техники и снаряжения, которое обеспечило оснащение эфиопской армии и создало явное превосходство в силах и средствах над противником.

Много труда советские генералы и офицеры вложили в разработку планов боевых действий войск, используя основные принципы нашего оперативного искусства и тактики, постоянно оказывали помощь эфиопскому командованию в проведении операций по окружению основных группировок противника и их уничтожению, организации взаимодействия и управления.

О работе нашей делегации можно сказать следующее. Ко всем нам, членам делегации, генералам и офицерам предъявлялись жесткие требования, работали все мы по-фронтовому. Каждый из нас занимался своим делом, руководитель нашей делегации не сковывал нашей инициативы, а наоборот - поощрял. Периодически мы докладывали ему о проделанной работе и намечаемых дальнейших мероприятиях. Генерал-лейтенант В.Ф. Мазирка и полковник Соловьев занимались оперативными вопросами, генерал-лейтенант Г.У. Дольников - авиацией, Г.С. Лутовинов - танковыми войсками, Н.Ф. Алещенко - артиллерией, Михайлов - поставкой техники и вооружения, я - разведкой.

Все мы принимали участие в подготовке и проведении операций (рекогносцировке, разработке планов, оказании помощи эфиопским товарищам в организации боя и т.д.). Во время боевых операций, вместе с руководителем делегации находились на фронте, часто в боевых порядках частей. Особо хотелось сказать о воле, настойчивости и титаническом труде, проделанном руководителем нашей советской военной делегации. Он постоянно находился в самых горячих точках боя или операции, часто непосредственно в боевых порядках. Например, под Хараром кубинская бригада остановилась, ссылаясь на минные поля, руководитель сел в бронетранспортер и в обход предполагаемого минного поля повел за собой бригаду. Другой пример: при проведении операции по окружению сомалийцев под Дире-Дауа, руководитель лично повел ударную танковую и мотопехотную группировку эфиопских и кубинских войск в обход сомалийских войск.

Донесения о боевых действиях на Восточном фронте в адрес министра обороны СССР он писал лично. Помню, в Хараре я раскладывал перед ним карты с обстановкой на фронте, а он писал, иногда спрашивал меня номера сомалийских частей, попавших в окружение или уничтоженных. Мы с генералом Н.Ф. Алещенко почти постоянно находились около него на

командных пунктах и видели его руководство войсками.

Руководитель иногда каждого из нас посылал на какой-нибудь участок фронта, чтобы остановить наступление сомалийцев. Так было 22 января 1978 года, когда противник бросил все наличные силы, чтобы сорвать наступление эфиопских войск и овладеть Хараром. Меня он направил с эфиопским капитаном - разведчиком Имамом под Комбулчу, Г.С. Лутовинова и Н.Ф. Алещенко - на какие-то другие участки фронта.

Подъезжая к фронту с капитаном Имамом, мы видим как батальон эфиопцев бросает позицию в окопах и в панике отступает, вместе с батальоном отходит два танка. Капитан Имам, держа над головой автомат кричит: "С нами советский генерал, сзади идет подкрепление, вперед на сомалийцев!"-Батальон начал останавливаться, танки пошли вперед и батальон восстановил положение, которое он занимал до отхода. В ходе этого боя эфиопы захватили в плен человек 5 сомалийцев. Я спросил у Имама: "Что ты кричал?", он через переводчика сообщил приведенный выше текст.

3 февраля 1978 года руководитель повел ударную группировку в обход сомалийских позиций под Дире-Дауа, меня оставил с командующим фронтом полковником Мулату на КП, подготовленном заранее, оборудованном траншеями, нишами, укрытиями. В это время сомалийцы, действовавшие перед нашим фронтом, перешли в наступление - пехота при поддержке артиллерии и танков. В этот момент министр обороны Тайе Талахун подлетел на вертолете на наш КП и, выкатив глаза, не говорит, а кричит: "Голицын, сомалийцы наступают, что делать?". Я ему спокойно сказал: "Расстреливать их с занимаемых позиций, не отступать, как можно быстрее улетайте!". Только министр поднялся в воздух, сомалийцы засекли наш КП и открыли по нему артиллерийский огонь, минимум дивизионам. Все на КП и около него перепахали снарядами. Я видел, как наш полковник Соловьев успел заскочить в нишу, как тут же на этом месте разорвался снаряд. Третий личного состава, находившегося на КП, погибла, а полковник Соловьев остался невредимый, повезло ему. Недавно я его видел на Арбате в генеральской форме. Причиной гибели людей явился прилет вертолета на КП, сомалийцы вели хорошо разведку.

Периодически, когда я приезжал в Аддис-Абебу, я писал донесения в адрес начальника ГРУ ГШ генерала армии П.И. Ивашутина, информировал его о положении на фронте, в стране.

В марте в Аддис-Абебу из ГРУ ГШ прилетел генерал-майор СП. Крахмалов для ознакомления с обстановкой на месте. Я его проинформировал об обстановке и проделанной работе в части, касающейся разведки.

При подготовке операции под Дире-Дауа мы несколько дней жили в одной комнате с Григорием Устиновичем Дольниковым. Интересно было общаться с человеком со сложной судьбой. Кое-что мне удалось узнать о его боевых делах летчика на фронте, о плене, о побеге из плена, о пребывании в партизанах, снова полетах на фронте, о послевоенной службе. В это время мы получили сообщение о присвоении Г.У. Дольникову звания Героя Советского Союза за героизм, проявленный в период Великой Отечественной войны. Мы его сердечно поздравили, понемножку, по-фронтовому, выпили, а Григорий Устинович тоже пил, но только молоко, у него было сильное обострение болезни.

В периоды затишья на фронте наша делегация размещалась в Аддис-Абебе, в бывшем дворце императора Эфиопии Хайле Селасие, а затем в большой пристройке рядом с дворцом.

Дворец - это красивое белокаменное сооружение искусства, на которое приятно было смотреть при ярком тропическом освещении с любой стороны. Огромные залы, галереи, жилые помещения, столовые, места отдыха внутри дворца поражали своей роскошью. Картины, гобелены, предметы роскоши, установленные в витражах, скульптуры, статуи, шикарная мебель, акустика - все это предстало перед нашими глазами. Мы могли передвигаться по дворцу беспрепятственно в любом направлении, но всегда чувствовали за собой негласное наблюдение или случайные встречи с обслугой. Во время приема пищи мы занимали места бывшей императорской семьи и ее гостей, а обслуживали нас в это время те же люди, что обслуживали императора.

Рядом с дворцом были оборудованы вольеры и клетки с дикими животными: пантерами, медведями, обезьянами, страусами и др. И, конечно же, поражал своими размерами и запахами огромный розарий. Вся эта роскошь находилась в центре Аддис-Абебы рядом и с роскошными особняками бывшей эфиопской знати, и рядом с нищетой городских запущенных, замусоренных кварталов, где жил простой люд. При поездках на автомашинах по городу, чаще около светофоров, наши машины обступали нищие с протянутыми руками. Необыкновенная нищета наблюдалась повсюду за пределами дворцов.

Однажды, на рекогносцировке, мы поднимались на узике по горному серпантину около одной из эфиопских деревень. День был солнечным, дорога петляла, и мы наблюдали эту деревню более двух часов как на ладони. Хижины деревни больше похожи на шалаши, все людское население не имело никакой одежды, ни дети, ни взрослые, они были в полном смысле голые, что-то они там делали - копали землю, пасли скот, ребятишки играли и бегали - все голенькие.

Поражала необычная для наших глаз природа: кактусы, которые растут в горшках наших квартир здесь были гигантскими деревьями, их рубили и пилили на дрова. Цветы на деревьях были огромных размеров - как шапки, на дынных деревьях росли настоящие дыни, в лесных зарослях множество было плодов размерами с лимон и апельсин с необычными запахами и вкусом. Можно было сорвать и пожевать зерна кофе. Видели мы на природе и некоторых животных. Например, хищных гиен, размерами со свинью, но очень подвижных, ночью их глаза горят, как фонари. Несколько раз мы видели в лесу стайки обезьян, которые при нашем появлении удирали. Однажды, подъезжая к отвесной горе, мы увидели стаю обезьян, которые вылизывали консервные банки, брошенные, по-видимому, накануне солдатами, и лакомились другими объедками пищи. Деваться им было некуда, все они, в том числе с детенышами, карабкались на гору, и мы их наблюдали минут 5-10, пока они не скрылись за гребнем высот. Некоторые наши товарищи видели на природе страусов, мне их увидеть не удалось. На равнинной местности среди кактусов строили свои огромные пирамидальные башни термиты. В низких местах, около луж и ручьев, порхали стайки разноцветных попугайчиков, собратьев которых продают в наших зоомагазинах.

На окраинах населенных пунктов сваливались крестьянами мясные отходы, которые

пожирались голошеими орлами-стервятниками. Орлы никак не реагировали на присутствие людей, продолжали пожирать подброшенную им добычу. Местные жители называли их санитарями.

На мелководье озер - тысячи диких журавлей, гусей, уток, пеликанов, фламинго, которые, вероятно, прилетают сюда из наших северных мест на зимовку. Местные жители не трогают этих скоплений птиц, поэтому они чувствуют себя вне опасности.

Но, к великому сожалению, по-настоящему полюбоваться прелестями этого благодатного, теплого, солнечного края нам не удалось. Мы довольствовались тем, что попадало в наше поле зрения в промежутках между делами.

После окончания боев в Огадене, по указанию руководителя, я один из состава нашей делегации еще несколько дней оставался в районе Харара, Джиджиги, выполнял его поручение по оказанию помощи эфиопам в организации разведки после выхода эфиопских войск к государственной границе с Сомали. Затем прилетел в Аддис-Абебу, присоединился к группе, смывал с себя фронтовую грязь

Получив разрешение на возвращение, наша делегация в полном составе в начале мая 1978 года вернулась в Москву.

На другой день после возвращения в Москву я прибыл с докладом к начальнику Главного разведывательного управления генералу армии П.И.Ивашутину Петр Иванович Ивашутин тепло принял меня, поблагодарил за выполнение задания и от имени правительства вручил мне орден "Октябрьской революции" - это был мой седьмой боевой орден. Это было окончание третьей войны, в которой мне пришлось участвовать.

Все остальные члены делегации также несколько позднее были награждены правительственными наградами.

Глава 24

КОМАНДИРОВКА

В

ФРГ

Согласно решению руководства Министерства обороны СССР в декабре 1979 года я был назначен на должность начальника советской военной миссии связи при Главнокомандующем Британской рейнской армии.

Назначение было несколько неожиданным, но приказ есть приказ, я убыл к месту новой службы и приступил к исполнению обязанностей.

Советская военная миссия связи при Главнокомандующем Британской рейнской армии была сформирована впервые в 1947 году в соответствии с соглашением, заключенным между командующим советской и британской зонами оккупации Германии. Соглашение было подписано 3 апреля 1947 года с советской стороны заместителем Главнокомандующего - начальником штаба ГСВГ генерал-полковником Малининым, с британской стороны -

заместителем военного губернатора контрольной комиссии в Германии генерал-лейтенантом Робертсоном.

Такие же советские миссии связи были созданы при командующих американскими и французскими войсками в Германии. А при Главкоме ГСВГ были сформированы военные миссии связи командующих английскими, американскими, французскими войсками в Германии. В соответствии с указанным соглашением основной задачей миссии являлось поддержание связи между штабами обоих Главнокомандующих и их военными администрациями в зонах.

В каждой зоне миссия имела право защищать интересы своих граждан и их имущественные интересы, а также оказывать помощь соотечественникам, посещающим зону, в которой миссия аккредитована.

Каждой миссии, и советской, и английской, предоставлялись одинаковые возможности передвижения с соответствующими пропусками, т.е. членам миссии предоставлялась свобода передвижения в обеих зонах, за исключением запретных районов.

Каждой миссии, согласно соглашению, разрешалось иметь собственную радиостанцию для связи со своим Главнокомандующим, а при передвижении членов миссии по зоне им разрешалось пользоваться существующими средствами связи (почта, телефон, телеграф). Курьеры при передвижении между миссией и штабом Главнокомандующего пользовались свободой передвижения и иммунитетом, какой предоставлялся дипломатическим курьерам,

Здания, территории миссии имели по соглашению полную неприкосновенность. Начальник миссии был аккредитован при Главнокомандующем оккупационной зоной.

Наша миссия располагалась в небольшом немецком городе Бюнде, на автостраде, соединяющей города Ганновер и Оснабрюк. Непосредственно территория миссии представляла собой небольшой участок, огороженный забором, на территории которого нам было предоставлено восемь двухэтажных зданий, где мы работали, жили, имели столовую и небольшой клуб, помещение для приема гостей. Двумя сторонами наш участок примыкал к жилому городку английских офицеров, двумя сторонами - к немецким городским кварталам. От штаба Британской рейнской армии (там же штаб СГА), расквартированном в Рейндалене, нас разделяло расстояние, равное примерно 250 км.

В составе нашей советской миссии насчитывалось 12 офицеров, 2 прапорщика, 5 солдат-водителей и радиотелеграфистов. Общее количество наших людей, в зависимости от количества детей, насчитывало в разное время от 30 до 35 человек (офицеры, прапорщики, солдаты, жены офицеров и прапорщиков, их дети). Жили мы дружным коллективом, старались, как могли, поддерживать друг друга вдали от Родины. Все питались в одной столовой, кроме маленьких детей. Два раза в неделю смотрели наши советские фильмы, у некоторых товарищей были телевизоры.

Территория Британской оккупационной зоны в Германии по площади была самой большой, она включала земли Шлезвиг-Гольштейн, Нижнюю Саксонию, Северный Рейн

Вестфалию и города на правах провинций Гамбург, Бремен и Бремерхафен.

Военно-политический курс Великобритании имел ярко выраженную антисоветскую, проамериканскую и пронатовскую направленность. Это обуславливалось членством страны в НАТО, военным сотрудничеством с США, стремлением английского правительства обеспечить лидирующее положение страны в Западной Европе и укрепление своих позиций в развивающихся странах. Центральное место занимали вопросы наращивания боевой мощи английских вооруженных сил, являвшихся важнейшей составной частью Объединенных вооруженных сил НАТО.

На западногерманской территории развернута основная группировка английских войск - Британская рейнская армия (БРА), в состав которой входят соединения и части 1 армейского корпуса (три дивизии) и отдельные тыловые части, а также командование ВВС Великобритании в ФРГ (королевские ВВС в Германии). Всего в составе этой группировки насчитывается более 70 тыс. чел. Соединения и части занимают несколько десятков военных городков. Часть финансовых средств на содержание войск выделялась из бюджета ФРГ.

Командующий Британской рейнской армии одновременно является командующим войск Северной группы армий (СГА) в составе четырех армейских корпусов (Великобритании, ФРГ, Бельгии, Нидерландов) и бригады США (12 дивизий и 4 отдельных бригады). Штаб СГА был размещен также в Рейндалене.

В боевом составе СГА ориентировочно насчитывалось личного состава - более 200 тыс.чел., дивизионов отр - 4 (по одному в каждом АК), дивизионов атомной артиллерии - 6, танков - более 3,5 тыс., орудий полевой артиллерии, минометов и реактивных установок - более 1,5 тыс.

Взаимодействует с СГА, в случае развязывания боевых действий, 2 объединенное тактическое авиационное командование (ОТАК), насчитывающее в своем составе более 95 тыс.человек личного состава, более 40 эскадрилий тактической авиации (из них 12 эскадрилий английских - более 160 самолетов, в т.ч. более 100 носителей), более 700 боевых самолетов, из них (240-270 носителей ядерного оружия. Штаб командования размещался также в Рейндалене.

Оперативная и боевая подготовка войск проводилась активно в соответствии с основными положениями коалиционной военной стратегии "гибкого реагирования" и была направлена на совершенствование боевой готовности, обеспечение способности выполнить боевую задачу по разгрому вооруженных сил стран Варшавского Договора в условиях ведения войны с применением различных средств поражения.

В самом центре этой мощной натовской группировки войск размещалась наша маленькая советская миссия связи. Выезжая в любом направлении с территории миссии, мы обязательно сталкивались с войсками - так густо была нашпигована ими территория ФРГ. Войска НАТО перемещались в различных направлениях, ими были заполнены автострады, обычные дороги, связывающие населенные пункты, они проводили занятия и учения на полигонах и просто в поле, слышалась стрельба из автоматического оружия, воздух содрогался от рева двигателей самолетов, пролетающих на низких высотах. Вся

западногерманская земля гремела от заведенной военной машины войск НАТО. Для всех нас, советских офицеров, членов семей, обстановка была необычной, настораживающей, беспокойной. Особенно беспокойными были дни полетов реактивной авиации для наших маленьких детей, когда буквально над крышами миссии и в целом над г.Бюнде проносились на бешеных скоростях самолеты. Курировала нашу миссию связи военная секция английских войск, территориально размещавшаяся на одной улице с нами. Секцию обычно возглавлял офицер в чине майора. В течение четырех лет моего пребывания на посту начальника миссии сменилось три офицера: Кинг, Камерон и Андерсен. Кроме начальника в состав секции входили переводчик - майор запаса Джеймс, два капрала. Англичане содержали трех штатных наблюдателей, которые сидели в будке напротив выездных ворот из миссии, вели журнал наблюдений, в нем фиксировались: номер вышедшей из миссии машины, фамилии офицеров, сидевших в машине, фамилия водителя, время выхода машины и направление движения. Тоже самое фиксировалось по возвращении машин из поездок. Наблюдательная будка была оборудована приборами наблюдения, телефоном и радиостанцией. О любом выезде машины из миссии докладывалось в службу безопасности БРА. В 1983 году будка была оборудована телевизионной камерой. Телевизионные камеры, кроме въездных ворот, были установлены напротив двух наших входных калиток. Любой выход из миссии, любой приход в миссию видны были на экране и фиксировались наблюдателями в журнале, и также докладывались в службу безопасности БРА. Содержался садовник-дворник из числа местных немцев, который кроме основных обязанностей вел постоянное наблюдение за членами миссии и офицерскими семьями непосредственно на территории миссии. Одно время таким дворником-садовником был немец с оригинальной фамилией Шпилька. Утром он приходил, обозначал работу, затем прикладывался к фляжке, заваливался в кусты и спал. Затем просыпался, опять обозначал работу и уходил домой. Его обычно находили спящим в кустах наши дети, которые потом сообщали своим мамам, где видели спящим Шпильку, затем его уволили с работы, подобрали более ревностного служаку.

В столовой обслуживали нас пять женщин-немок (экономка, повара, официантки). Возглавляла в течение многих лет эту службу в столовой фрау Люббен. Кроме приготовления пищи, в обязанности экономки входили трехкратные письменные донесения об отсутствующих офицерах и членах их семей на завтраках, обедах, ужинах. Донесения англичанам представлялись на формализованных листках бумаги.

Руководил всей службой безопасности, по нашему мнению, переводчик Джеймс, очень хорошо владевший русским языком, работавший в этой должности не один десяток лет. Джеймс был женат вторично на немке из Восточной Пруссии, ненавидевшей всеми порами души и тела все русское, все советское. Джеймс купил себе домик в Германии и намерен был (так он говорил) остаться навсегда в ФРГ. Все ответственные документы с русского на английский и наоборот переводил Джеймс, наши переводчики были значительно слабее его. При посещении нами штаба БРА или приеме у нас в миссии гостей из штаба БРА и английских частей привлекали к синхронным переводам Джеймса. Он с этими обязанностями справлялся отлично, хотя никогда не был в Советском Союзе.

Вот так жестко была обставлена наша миссия службой безопасности БРА, которую возглавлял в то время полковник Холмс. Но это еще не все. Об остальных приемах работы контрразведки англичан против офицеров нашей миссии будет рассказано позднее.

Познакомившись из первых рук с обстановкой в ФРГ, особенно в северной ее части, с работой офицеров миссии, жизнью и бытом офицеров, проблемами, возникающими в ходе работы, я должен был прибыть в штаб БРА для представления командующему, начальнику штаба и другим должностным лицам.

Дата моего представления по взаимному согласованию была назначена на 18 февраля 1980 года. Меня сопровождали в этой поездке начальник английской секции майор Кинг, переводчик Джеймс, прежний начальник миссии полковник Н.И. Астапин, капитан В.В. Исупов. На переезд из Бюнде в Рейндален мы затратили примерно три часа. Маршрут проходил по самой густонаселенной местности Германии, Рурскому промышленному району, протяженность которого с востока на запад составляет около 150 километров.

Рур - это сплошной конгломерат угольных копей, промышленных предприятий, городов, поселков, железных и автомобильных дорог, складских нагромождений. И над всем этим густая беспросветная пелена пыли и гари, и так до самого Рейна. Но порядок движения на дорогах, сплошные, непересекающиеся автострады позволяют держать большие скорости. Перед Рейном, на берегу сделали остановку, чтобы посмотреть на реку. Ширина ее в том месте более километра. Но течет не вода, а сплошной черный поток - уж очень она загрязнена.

После проезда через Менхенгладбах, в 10-15 км от штаба БРА, на обусловленной заранее стоянке нас встретили два экипажа английской военной полиции на мотоциклах. В сопровождении мотоциклистов мы въехали в Рейндален и на территорию штаба БРА.

У подъезда нас встречали начальник разведки БРА бригадный генерал Джоунз, начальник службы безопасности БРА полковник Холмс и начальник службы безопасности ВВС полковник Сمارт. В нескольких серых зданиях немецкого типа размещались штабы БРА и СГА. На флагштоках перед зданием развевались государственные флаги армий, которые входят в состав СГА (Великобритании, ФРГ, Бельгии, Голландии). В кабинете начальника штаба БРА нас встречали два начальника штаба - начальник штаба БРА и СГА генерал-майор Гай и начальник штаба ВВС Великобритании в ФРГ вице-маршал авиации Сэттон. После короткого знакомства, обычного обмена фразами о самочувствии, дорожном путешествии, мы направились в кабинет командующего БРА. Там нас встречали тоже два командующих: командующий БРА и СГА генерал Уильям Скоттер и командующий ВВС маршал авиации Питер Терри. Взаимные приветствия, рукопожатия, я вручаю генералу Скоттеру письмо-представление Главнокомандующего ГСВГ генерала армии Е.Ф. Ивановского, в котором он извещает Скоттера о моем назначении начальником миссии связи при командующем БРА. Мое краткое представление командующим, затем часовая беседа. Беседа носила общий характер: о положении в мире, в Европе, о совместных военных действиях в период Второй мировой войны советских и английских войск в составе антигитлеровской коалиции, о проводке морских караванов из Англии в Мурманск, о культурном общении между Англией и Советским Союзом, об общих проблемах армейской службы в вооруженных силах Великобритании и СССР, о желательности более тесных контактов между Главкомом ГСВГ и Командующим английскими войсками (БРА и ВВС) и др. Мы поняли, что для обоих английских командующих беседа представляла интерес, об этом нам сообщил Джеймс после беседы. Наконец, им просто было любопытно взглянуть на

живого советского генерала и побеседовать с ним. К беседе я готовился основательно. В конце беседы я пригласил обоих командующих посетить нашу советскую миссию в удобное для них время и пригласил на прием, который проводился в миссии 23 февраля в честь годовщины образования Советской Армии. Они поблагодарили за приглашение, сказали, что кто-нибудь из состава английского командования будет на приеме в качестве гостя.

Положение нашей миссии, как и других советских миссий в американской и французской зонах, носило некоторую неопределенность в смысле получения информации о положении в стране, в армиях бывших союзников. Нас, в отличие от военных атташе, командование БРА никуда не приглашало, ни на маневры, ни на учения. Наши бывшие союзники стремились в некотором смысле держать нас в изоляции. Поэтому мы вынуждены были проявлять инициативу и работать по своему плану.

Рабочий день офицеров начинался с заслушивания информации о положении в мире, в Европе и более подробно в ФРГ и войсках НАТО. Ежедневно такую информацию готовили переводчики по сообщениям радио и местной прессы, иногда поручалось готовить такую информацию другим офицерам.

Затем часть офицеров садились за изучение прессы - журналов, газет, справочной литературы по политической и военной тематике. Делали некоторые обобщения или справки по новинкам в оперативном искусстве, тактике, вооружении, технике, слушали радио. Журналов и газет английских, американских, немецких мы выписывали множество, покупали их в книжных киосках и магазинах. Недостатка в литературе на иностранных языках не было.

Другая часть офицеров выезжала на автомашинах знакомиться со страной, ее достопримечательностями. Попутно, если на маршрутах движения попадались войска, то знакомились на ходу с этими войсками, с их вооружением и техникой, с организацией их передвижения, внешним видом военнослужащих различных армий, входящих в СГА. Иногда удавалось увидеть организацию занятий с воинскими подразделениями в поле.

Некоторые наши офицеры оказались случайными свидетелями парашютного десантирования американской бригады на полях южнее Ганновера. Той самой бригады, о которой много писали, что она погрузившись в самолеты на территории США, без промежуточной посадки была доставлена в ФРГ и выброшена с вооружением на ее территорию.

Штабом БРА нашей миссии была выдана карта с нанесенными на ней постоянными запретными районами, границы которых пересекать членам миссии запрещалось. Мы полагали, что закрытыми для нас районами были позиции и склады средств ядерного нападения, важные пункты управления оружием и войсками, арсеналы с вооружением и техникой для войск двойного базирования, аэродромы боевой авиации, пункты базирования флота, позиции средств ПВО и радиотехнической разведки, полигоны и оборудованные учебные поля.

За сутки, а иногда за несколько часов до начала учений, запланированных для проведения с натовскими войсками, нам вручалась карта с временными запретными районами, на которой указывался срок действия запрета (часы и даты). Карту обычно подписывал начальник штаба БРА.

Англичане ревностно следили за тем, чтобы не дай бог, машина нашей миссии пересекла границу запретного района. Одновременно с вручением карты временных запретных районов около миссии устанавливалось круглосуточное дежурство экипажей английской военной полиции, иногда дежурили по два-три таких экипажа. Полицейские машины имели сильные моторы, были быстроходны, экипажи экипированы приборами наблюдения. В полицейских машинах имелся альбом с фотографиями всех офицеров миссии, снимки наших автомашин с номерами. На всех наших автомашинах были больших размеров, нестандартные желтые номерные знаки, на которых нанесены черные номера и красные символы советского флага.

Номерные знаки наших автомобилей были очень далеко видны, они окраской и размерами резко отличались от номеров машин ФРГ и военных машин натовских войск.

Стоило нашей автомашине выйти с территории миссии, как вслед за ней пристраивалась английская полицейская машина и сопровождала нашу автомашину по всему маршруту до ее возвращения на территорию миссии. При остановках нашей машины на стоянках, останавливалась и полицейская автомашина, при возобновлении движения, двигалась вслед и английская машина. По ходу движения старший экипажа полицейской машины докладывал в штаб БРА по радио о местоположении машины миссии и действиях наших офицеров. Примерно в 13 часов, где бы мы не находились, прибывала другая полицейская машина и происходила их смена, слежка продолжалась. Экипаж машины, которая сменилась, делал прощальные жесты нашим офицерам и уходил на отдых. На стоянках экипаж полицейской машины, если к нему обращались, входил в контакт с нашими офицерами, поддерживал ничего не значащий разговор, принимал угощение сигаретами, но продолжал выполнять свои полицейские обязанности.

Если колонна военной техники шла навстречу нашей машине или перегоняла ее, полицейские делали все возможное, чтобы не дать нашим офицерам наблюдать за колонной. Полицейские ставили свою машину так, чтобы не дать возможности двигаться нашей машине, не давали развернуться, вплоть до того, что закрывали стекла машины своими спинами или накидками. Помню случай, когда на машину, где был старшим подполковник П.А. Березанский, полицейские набросили брезент, чтобы офицеры не могли наблюдать прохождение английской колонны военных машин и техники.

Незаконные, необоснованные задержания офицеров миссии в зоне были довольно частыми. В английских казармах, клубах, в западногерманских полицейских участках на видных местах вывешивались фотографии и рисунки автомашин миссии с их характерными броскими номерами. Под рисунками указывалась просьба сообщить о месте и времени появления машин миссии и указывались номера телефонов, по которым следовало об этом оповещать. Местные жители ФРГ говорили, что англичане даже выплачивали немцам до 5 марок за сообщение о появлении советских офицеров миссии.

В английской и западногерманской прессе периодически помещались тенденциозные статьи о "шпионской" деятельности офицеров советской миссии. В этих статьях немцы возмущались правом дипломатической неприкосновенности миссий. Например, в английской газете "Фосиз Уикли эко" от 17.4.83 была помещена статья с заголовком "Захвачены с поличным". В статье сообщалось: "Вчера трое военнослужащих Советской

военной миссии связи удерживались в течение двух часов после того, как они были задержаны вблизи гражданского ядерного научно-исследовательского центра в окрестностях г. Юлих, Западная Германия. Представитель немецкой полиции сказал, что дело британских военных властей - установить, выполняли ли русские шпионские задачи". В действительности такое задержание наших офицеров было, только старший экипажа нашей машины полковник Э. А. Баранов выполнял обычный выезд в зону, и уж никак наши офицеры не могли сквозь стены института рассмотреть хранившиеся там секреты.

В журнале "Вертехник" №1 за 1983 год была немецкая статья "Советские военные миссии - враждебный фактор для бундесвера". В статье, в частности, говорилось: "Советские военные миссии связи являются пережитком оккупационного времени и ведут открытую военную разведку. Они расположены во Франкфурте-на-Майне (бывшей американской оккупационной зоне), Бюнде (бывшей английской оккупационной зоне), Баден-Бадене (бывшей французской оккупационной зоне). Они останутся враждебным фактором для бундесвера так долго, пока западные союзники будут иметь аналогичные миссии при советском Главкоме в Потсдаме".

В газете "Рур нахрихтен" от 8.4.1983 г. в статье "Бонн не будет следовать французскому варианту по выдворению восточных дипломатов" указывалось: "Не секрет, что кремлевское посольство в Бонне, также как и в Париже, занимается шпионской деятельностью. Секретным службам ФРГ известно, что из 400 сотрудников посольства - 100 являются шпионами. 77 человек, подозреваемых в этой деятельности, относятся к советскому представительству "Аэрофлота", "Торгпредству" и военным миссиям... Секретные службы ФРГ исходят из того, что на место одного шпиона, выдворенного из страны, в скором времени прибудет другой, для уличения которого в шпионской деятельности потребуется много времени и сил. Поэтому лучше наблюдать за уже известным советским агентом, изучить его, и не давать возможности нанести ущерб безопасности ФРГ".

Однако жизнь есть жизнь, служба есть служба. Наши офицеры продолжали, почти ежедневно, выезжать в зону, чтобы хоть как-то чувствовать импульс деятельности войск НАТО, изучать обстановку в стране. Особенно много войсковых передвижений наблюдалось в периоды учений и маневров типа "Зима", "Отэм Фордж", выходов войск на полигоны Берген-Хопс, Зенне-Лагер и другие. Постоянно в развернутом состоянии с оборудованных позиций велась разведка войск стран Варшавского Договора силами и средствами радиотехнических частей и подразделений натовских вооруженных сил.

Очень редко, но из-за халатности и невнимания офицеров, машины миссии иногда пересекали границы запретных районов. Если это становилось достоянием английской службы безопасности и западно-германской полиции, то по радио, в газетах поднимался на всю страну шум.

Так случилось 29 января 1983 года на севере ФРГ под Фленсбургом. Офицеры миссии при возвращении домой столкнулись с гражданской машиной "Мерседес" на границе с запретной линией. На место столкновения прибыло сразу же 10 западногерманских машин, а затем на вертолете прилетели должностные лица английской военной полиции. На другой день западногерманские, английские местные газеты, радио преподнесли этот случай как акт

шпионажа. Газеты "Рур нахрихтен", "Зоэстер Анцайгер" за 31.1.83 года дали такое сообщение: "Три советских офицера СВМС в ФРГ на автомобиле потерпели аварию во время поездки по запрещенному для них военному объекту ВМС ФРГ под Фленсбургом. Они столкнулись с машиной местного жителя в непосредственной близости от нового узла связи ВМС ФРГ, который предназначен для обеспечения связи между штабом ВМС ФРГ и кораблями ВМС в Балтийском море". Та же газета "Рур нахрихтен" за 1.2.83 г. под броским заголовком "Военная миссия замешана в секретных действиях. Советские офицеры на скользком пути", "Советский Союз использует свои союзнические права для действий, которые являются шпионажем", преподнесла это случайное столкновение вблизи запретного района как незаконные действия. Английская газета для войск "Фосез уикли эко" от 20.2.83 г. под заглавием "Красные шпионы крадутся" сообщила следующее: "Зловещая советская разведывательная сеть действует под носом у союзников в ФРГ, однако власти из-за существующего уже 40 лет договора закрывают глаза на деятельность красных агентов. Коммунистическая шпионская сеть дала трещину, когда одна из ее машин попала в дорожное происшествие..." и т.д. О случае под Фленсбургом писал журнал "Зольдат унд техник" и еще ряд газет.

После столкновения наша машина была погружена на английский трейлер для транспортировки в миссию. Машину сопровождали ст. лейтенант В.Т. Захаров, наш солдат-водитель и английский переводчик Джеймс. По дороге в миссию трейлер с погруженной на ней нашей машиной заехал в английский военный городок. Захарову и солдату-водителю сопровождать машину в городок не разрешили, они с Джеймсом ждали возвращения из городка трейлера с машиной около 3-х часов. На другой день утром, в миссии наши прапорщики определили, что кузов, переднюю панель и другие узлы машины англичане разбирали, вскрывали, искали разведывательную технику, но ничего не нашли, так как ее там не было. Это было явным нарушением соглашения о дипломатической неприкосновенности машин советской миссии связи.

По всем случаям нарушения соглашения, незаконного задержания наших офицеров в зоне я писал письменные протесты в адрес начальника штаба БРА с просьбой расследования инцидентов и наказания виновных. Но во всех письменных, а чаще устных ответах нач. штаба оправдывал действия военной полиции.

КОМАНДИРОВКА В ФРГ (ОКОНЧАНИЕ)

В отношениях с руководством английских войск у нас были и светлые моменты. Несколько раз с неофициальными визитами у нас были в гостях начальники штабов БРА и ВВС Великобритании в ФРГ. Предварительно, через английскую секцию, курирующую нашу миссию, согласовывалась дата визита начальника штаба и количество сопровождавших его офицеров. В назначенное время широко, раскрывались ворота миссии, я встречал начальника штаба и сопровождавших его офицеров. Обычно его сопровождали начальник службы безопасности БРА полковник Холмс, а если приезжал нач. штаба ВВС - то нач. службы безопасности ВВС полковник Сمارт, их адъютанты, нач. английской секции в Бюнде, неизменный переводчик Джеймс.

На небольшой площадке около государственного флага СССР, который поднимался ежедневно, мы выстраивали офицеров миссии, я их представлял поочередно начальнику штаба, он, как правило, задавал офицерам вопросы, они отвечали. Обычными вопросам были: где служил, кто по специальности, откуда родом, какая семья и др. Никто другой, кроме начальника штаба вопросов офицерам не задавал. Затем фотографировались все на память. Начальник штаба вместе со мной и сопровождавшими его офицерами обходил территорию миссии, клуб, столовую, автопарк, детскую площадку.

Угощали начальника штаба в нашей просторной гостиной кушаньями русской кухни, приготовленными женами офицеров (пельмени, пирожки, холодные закуски). Пили только советские напитки: водку разных сортов, грузинские и армянские коньяки и вина. За столом непринужденная беседа, фотографирование на память, обмен недорогими презентами (обычно в хорошей упаковке водка или вино - одна-две бутылки). Затем проводы до ворот. При угощении за столом обязательно присутствовали зам. начальника миссии полковник Перепняко Олег Максимович и один-два офицера.

После таких посещений начальников штабов из штаба БРА в миссию что-нибудь подбрасывали - спортивный инвентарь, мягкие кресла в клуб, мебель для гостиницы и т.д.

Мы хорошо знали, что англичанам наши простые непротокольные встречи нравились. Но ни один из командующих (БРА и ВВС) у нас никогда не бывал. Полковник Холмс и переводчик Джеймс по секрету говорили, что каждое посещение миссии должностными военными лицами обязательно согласовывалось с Лондоном.

В миссии в качестве гостей бывали начальник штаба БРА генерал-майор Тейлор, нач. штаба ВВС - вице-маршал авиации Сеттон.

Периодически командующие БРА и ВВС приглашали к себе на прием. 29 января 1981 года я был приглашен командующим БРА и СГА генералом Гау, 15 мая 1981 года - командующим ВВС Великобритании в ФРГ маршалом авиации Кенеди, 22 декабря 1983 года - командующим БРА и СГА генералом Нигелем Багналом - бывшим командующим I ак Великобритании в ФРГ.

Беседы на этих встречах носили общий характер: о службе в английской и советской армиях, об обстановке в Европе, о культурных новостях в Англии и Советском Союзе (литературе, искусстве, кино, интересах народа и т.д.). Но к каждой встрече нужно было готовиться.

Хотелось бы о двух из них рассказать особо. 15 мая 1981 года после официальной встречи с маршалом авиации Кенеди, начальник штаба ВВС вице-маршал авиации Сэттон провел нас по всему штабу СГА и 2 отак, показал, где работают офицеры союзных войск по НАТО (англичане, немцы, голландцы, бельгийцы, американцы), коротко рассказал о взаимоотношениях в работе союзных офицеров. Показал нам летную столовую, где питаются офицеры-летчики, работающие в штабе ВВС. По его словам, один раз в месяц большая часть летчиков всех боевых эскадрилий королевских ВВС Великобритании в ФРГ обедают в этой столовой вместе с Главнокомандующим ВВС. Это сплачивает летный состав, летчики встречаются друг с другом, обмениваются опытом летной подготовки. Мы с Олегом Максимовичем Перепняко по количеству столов примерно прикинули, что собирается на

такой обед человек 600-700. Сэттон показал нам магазин для английских офицеров, работающих в Рейндалене, где все товары продаются по более низким ценам, чем в магазинах у немцев. Встреча закончилась, как всегда, хорошим обедом в летной столовой.

27 декабря 1983 года после встречи в штабе БРА с ее командующим генералом Багналом, нас пригласил к себе домой на обед начальник штаба БРА генерал Тейлор. На обеде, кроме его жены, которая по этикету сидела рядом со мной, присутствовали новый начальник разведки молодой генерал с женой, нач. службы безопасности БРА полковник Холмс и еще какой-то генерал. Стол был сервирован на подставках из керамики, на которых в ярких красках были изображены эпизоды боевых действий Крымской войны 1853-56 годов, когда Великобритания воевала против России под Севастополем. Подставки имели разные размеры (под тарелки с супом, под перец, горчицу, сахар, конфеты), на каждой из них были изображены разные эпизоды. Как мне объяснила жена Тейлора, эти подставки - фамильная сервировка к столу традиционно военной семьи Тейлоров. Дед начальника штаба - генерал Тейлор - принимал участие в битве с русскими под Севастополем. Особняк, который занимал генерал Тейлор, был небольшим двухэтажным домиком. Обслуживали нас за столом молодые англичане, видимо, капралы. Тейлор сообщил, что служба английских офицеров в ФРГ считается престижной, более оплачиваемой. Генералы, офицеры, выслужившие сроки установленной службы, после ФРГ, обычно, уходят в запас или отставку. Он, Тейлор, тоже должен уходить в этом году в отставку, у него имеется дача на Кипре и он намерен после службы поехать туда.

Расположение штаба, домов офицерского состава и в целом военного городка Рейндален выглядит, в смысле ухоженности и порядка, несколько хуже, чем военные городки штаба ГСВГ в Вюнсдорфе. Британские офицеры и их семьи постоянно жалуются на плохой, сырой, промозглый микроклимат района Менхенгладбах.

Офицеры миссии поддерживали хорошие добрососедские отношения с английскими офицерами гарнизона Бюнде. Территория миссии двумя сторонами примыкала к английскому городку, где проживали офицеры транспортного полка. В новый год, на Пасху мы на открытом воздухе в расположении миссии накрывали несколько столов с немудреной выпивкой и закуской (водкой, вином, бутербродами), открывали пошире ворота. Соседи-англичане с семьями, детьми, заходили к нам с музыкальными домашними инструментами (человек 25-30) пели религиозные псалмы, угощались. Наши семьи их радушно встречали и пели свои песни. Никогда никаких инцидентов с соседями-англичанами у нас не было. При встрече на улице мы здоровались, приветствовали друг друга.

Нормальными были и наши отношения с местными властями и населением г. Бюнде. Офицеры миссии, их жены, дети чувствовали себя среди местного населения спокойно. Бывали в городе, магазинах, просто на прогулках, на экскурсиях по интересным местам - везде встречали доброжелательное отношение. По прибытии в Бюнде я съездил в бургомистрат города, представился местным властям и постоянно между нами поддерживались теплые дружеские связи. Помню, в Бюнде, на торжество по случаю открытия вновь построенного административного здания, пригласили и нас. При открытии торжественного собрания, наряду с фамилиями гостей из других городов и земель, были названы моя должность, звание и фамилия. Торжественное собрание очень было похоже на

наши подобные собрания. В докладе было перечислено все хорошее, что было сделано для города, вручены памятные грамоты ветеранам совета города, указаны проблемы, которые необходимо решить городским властям. После торжественного собрания все его участники, в том числе и мы, были приглашены на пиво с бутербродами. Такого вкусного пива и бутербродов я нигде ранее и позднее не пил и не ел.

Немцы нам организовывали посещение краеведческого музея, завода по производству напитка "Кока-Кола" и других интересовавших нас мест.

В одной из корреспонденции местной английской газеты от 20.2.83 года указывалось: "Немецкое население, проживающее вблизи миссии, считает русских военнослужащих хорошими, воспитанными соседями. Мэр города Бюнде Герберт Фасе сказал: "У нас никогда не возникает проблем по поводу поведения членов миссии в общественных местах. Они всегда корректны. Каждый октябрь они приглашают нас на икру и водку отметить годовщину русской революции".

Мы поддерживали тесные связи с фирмой братьев Экер, торговавшей автомашинами заводов "Опель". Фирма располагалась в городе Оуенхаузен, в 30 км от Бюнде. На связях с фирмой Экеров хорошо можно проследить, что такое капиталистическая зависимость. У нас в миссии было шесть машин "Опель" (три марки "Рекорд" обычные, одна - "Рекорд" с грузовым багажником, одна - "Рекорд" малогабаритный автобус на 8 чел., одна - "Сенатор" - представительская). Расход моторесурсов на все машины был большим. Поэтому мы с дипломатической скидкой покупали у Экеров ежегодно 2-3 машины "Рекорд", продавали им свои старые машины, ремонтировали у них машины, находившиеся в эксплуатации, мы были привязаны к этой фирме. Они были привязаны к нам, так как мы были у них постоянными надежными клиентами.

Хорст Экер приезжал к нам, и за столом со скромным угощением совершалась сделка: мы ему продавали старое и покупали новое. Я и наши офицеры неоднократно бывали у них на ремонтном заводе и в автомобильном магазине в Оуенхаузене, видели организацию капиталистического труда на конвейере. Рабочий на своем рабочем месте не мог ни на минуту отлучиться, не остановив поток конвейера. Другой брат Экера сидел высоко за стеклянной перегородкой и видел каждое рабочее место, он же подавал команды на автоматическую выдачу запасных деталей автомобилей со склада и подачу их к рабочим местам. В конторе сидело 2-3 женщины, занимавшихся оформлением документов - вот и весь обслуживающий персонал, а остальные - на рабочих местах. Фирма имела ежегодный многомиллионный оборот, оба брата были миллионерами.

Напротив миссии жил немец Вортман. Через него мы поддерживали связи с местными властями и общественностью.

Дважды около территории миссии организовывались митинги протеста местного населения по поводу ввода советских войск в Афганистан. На митингах было от 200 до 500 человек. Местная полиция во время митингов не допускала каких-либо бесчинств по отношению к нашим людям. Около миссии стояли обычно полицейские с собаками и никого не подпускали к забору. Мы полагали, что инициатива проведения митингов около миссии принадлежала англичанам.

Одной из представительских функций, которую приходилось выполнять нашим офицерам и их женам - приемы в миссии по случаям годовщины Великой Октябрьской социалистической революции и дня Советской Армии. На приемы в миссию приглашались английские офицеры, представители советского посольства из Бонна и советского торгового представительства из Кельна, местные городские, окружные и земельные власти, руководители фирм, с которыми поддерживались деловые связи, представители политических партий округа Херфорд и г. Бюнде, в том числе коммунистической, полицейские власти округа и г. Бюнде, представители советского консульства в Гамбурге и др. Всего приглашалось до 100 человек.

Во время приема офицеры миссии, представители советского посольства и торгпредства знакомились с местными немецкими властями, политической и экономической обстановкой, с английскими офицерами. Гости были многолики, многоязычны, с различными политическими взглядами. Беседа велась активно. Эффектно выглядели английские офицеры в разноцветной парадной форме, дамы в праздничных нарядах, мужчины в строгих костюмах. Хочется сказать совершенно беспристрастно, что наши русские женщины выглядели на приемах значительно лучше других. Угощали гостей русской водкой разных сортов, грузинскими сухими винами, бутербродами с икрой и разными колбасами, конфетами советского производства. Как всегда, угощением гости были довольны. В то время качество наших советских напитков и продуктов было высоким. Прием продолжался 3-4 часа, с 19 до 22-23 часов. После проводов иностранцев оставались еще на некоторое время наши гости из посольства, консульства, торгпредства, наши офицеры с семьями, поздравляли друг друга с праздником, пели наши русские песни. Приемы всегда проходили организованно, но предварительно требовалось много потрудиться, чтобы все было хорошо. Особенно доставалось женам наших офицеров. Все закуски, сервировку столиков делали наши жены. Для разноса напитков в ходе приема использовались наши прапорщики. Услугами обслуживающего персонала столовой мы не пользовались, знали, что наши женщины сделают все лучше.

Ежегодно в сентябре наши офицеры принимали участие в возложении венков и цветов на могилы и к памятнику советским военнопленным, погибшим во время Великой Отечественной войны в гитлеровском лагере Штукенброк. На эту церемонию ежегодно приезжала делегация ветеранов из Советского Союза - 3-4 чел., в ней принимали участие и наши товарищи из посольства и торгпредства. На площади около кладбища немецкая общественная организация "Цветы для Штукенброка" организовывала митинг, на который собиралась не одна тысяча местных жителей из окрестных населенных пунктов. После официальной церемонии и встречи членов нашей делегации с немцами, они заезжали к нам в миссию, где организовывалась встреча делегации с офицерами и семьями миссии. В состав советской делегации обычно включался кто-нибудь из писателей и поэтов, поэтому встречи проходили интересно. В 1982 году в составе делегации был писатель Васильев А.С, он нам преподнес свою книгу "Песнь о Перемышле", в 1983 году писатель Иван Стаднюк, с которым состоялась интересная беседа офицеров миссии о книге "Война". Он рассказал о дальнейших своих творческих планах.

Населенный пункт Штукенброк и кладбище находились в постоянном запретном для миссии районе, а мы обычно ехали туда двумя машинами. Наши машины обязательно сопровождала английская военная полиция и получалось, что к кладбищу подходила

большая колонна. Англичане даже в этом случае не могли нас оставить без сопровождения, но видно было, что чувствовали они себя в это время не совсем хорошо.

Нам приходилось бывать в Бонне в советском посольстве. По прибытии в Бюдне я вскоре побывал в посольстве и представился нашему послу Семенову Владимиру Семеновичу. Беседа была короткой. Семенов В.С. интересовался, как устроены и живут офицеры, их семьи, каковы взаимоотношения офицеров миссии с английским командованием. Из беседы я вынес для себя заключение, что наш советский посол очень хорошо знает обстановку в ФРГ, все ее стороны, в том числе и военную. В Бонне я познакомился с молодым в то время дипломатом Квицинским Юлием Александровичем, который впоследствии занимал ряд ответственных дипломатических должностей, в том числе заместителя министра иностранных дел СССР.

Офицеры миссии периодически приезжали в Бонн за свежими советскими кинокартинами, которые затем обменивали.

Бытовые условия для офицеров, их семей, прапорщиков, сержантов и солдат были удовлетворительными. Все офицеры располагали двухкомнатными квартирами, а зам.начальника миссии полковник Семенихин Петр Тихонович, а затем Перепишко Олег Максимович жили в трехкомнатных квартирах, у прапорщиков было по одной комнате.

Как уже говорилось ранее, все мы питались в одной столовой, питание было удовлетворительным, но шаблонные блюда немецкой кухни иногда надоедали. Солдаты питались как все офицеры и члены семей. По желанию родителей можно было кормить детей дома, в этом случае им выдавали паек. Три раза в неделю демонстрировались кинофильмы. По праздникам женщины сами готовили угощения и мы обходились без столовой, но угощались все вместе. В летние каникулы к нам приезжали дети-школьники, колония наша увеличивалась, становилась веселой.

Периодически я выезжал в Вюнсдорф в ГСВГ для доклада командованию. Докладывал начальнику штаба. Главнокомандующему и члену военного совета, иногда заместителю Главнокомандующего.

В мою бытность начальником миссии сменилось два Главнокомандующих - генерал армии Ивановский Евгений Филиппович, генерал армии Зайцев Михаил Митрофанович, два начальника штаба - генерал-полковник Гринкевич Дмитрий Александрович, генерал-полковник Свиридов Иван Васильевич, два члена военного совета - генерал-полковник Губин Иван Архипович и генерал-полковник Лизичев Алексей Дмитриевич.

В зависимости от обстановки, времени, которыми располагали начальники, доклады носили различный характер. Обычно докладывалась военно-политическая обстановка в ФРГ, состояние вооруженных сил СГА и их деятельность, что наблюдалось нового в вооружении и технике, где и какие проводились учения и маневры, отношение командования БРА к членам миссии. В зависимости от ситуации, вопросы начальников были самыми различными, поэтому перед отъездом в Вюнсдорф я тщательно готовился. По прежней службе в Прибалтийском военном округе я был хорошо знаком с генералом Мещеряковым

В.А., при наличии времени я заезжал к нему на службу, он занимал должность начальника штаба ВВС ГСВГ.

Главное командование ГСВГ всегда оказывало содействие миссиям, в том числе и нашей, помогало решать возникающие у нас проблемы, а их бывало немало.

После доклада командованию и возвращения в гостиницу я переодевался в гражданский костюм, мы с женой Галиной Федоровной шли либо на озеро, либо в дом офицеров, либо прогуливались по Вюнсдорфу. Это были настоящие, хотя и непродолжительные часы отдыха, когда снималось напряжение. В Вюнсдорфе был хороший книжный магазин, где можно было приобрести хорошую книгу. В Вюнсдорфе бывали хорошие концерты с лучшими артистами нашей страны. Наконец, было хорошо просто пройтись, выпить кружку пива, съесть мороженое среди своих людей. Обычно мы находились в Вюнсдорфе два, реже три дня и снова возвращались в миссию.

Всему приходит конец. Закончилась и моя служба на должности начальника советской миссии связи при Главнокомандующем Британской рейнской армии.

В конце декабря 1983 года я побывал с прощальным визитом у Командующего БРА генерала Бегнала, начальника штаба генерала Тейлора. Тепло мы распрощались в Бюнде с членами английской секции, с офицерами миссии и их женами. В Вюнсдорфе после прощального ужина с товарищами по службе мы с женой Галиной Федоровной самолетом улетели в Москву, а в мае 1984 года я был уволен в запас после 42-летней службы в разведке Советской Армии.

Заключение.

Нам теперь известно, что советская военная разведка в целом, несмотря на чрезвычайно тяжелые условия, в предвоенный период, в ходе Великой Отечественной войны выдержала все испытания, выпавшие на ее долю, сумела обеспечить командование различных уровней разведывательными сведениями о противнике для принятия решений в мирное время, на боевые действия и проведение операций различных масштабов во время войны. Она велась в ходе войны непрерывно, в самых различных условиях.

Советские разведчики самых различных рангов показали во время Великой Отечественной войны образцы собранности, стойкости, организованности, героизма. Мои товарищи партизаны-разведчики периода труднейших испытаний войны обладали всеми этими качествами, они вложили свой посильный вклад в общую нашу Победу над гитлеровской Германией. Хочется поименно всех назвать своих товарищей, сложивших голову на полях сражений в Белоруссии. Хочется низко поклониться самому верному, надежному, многострадальному белорусскому народу, не вставшему на колени перед гитлеровскими поработителями, развернувшему партизанскую войну. Каждый белорус был разведчиком, каждый третий из них погиб. Пусть же над самой советской республикой Белоруссией с мудрым, несуетливым народом с большим прозорливым сердцем навеки светит звезда счастья и благополучия.

С распадом Советского Союза, появлением новых государств в бывших советских республиках (ближнее зарубежье) резко изменились условия для организации и ведения разведки. Нарушена годами отработанная система разведки, особенно радио- и радиотехнической, космической, морской, воздушной, радиолокационной, агентурной разведки приграничных военных округов. Некоторые разведывательные органы, части и подразделения оказались за пределами России. Изменилась государственная граница, теперь она проходит уже около Санкт-Петербурга, Смоленска, Курска, Оренбурга, Омска. Россия с ее военно-экономическим потенциалом, вооруженными силами стала объектом разведки специальных служб стран как дальнего, так и ближнего зарубежья и, по-прежнему, разведорганов США.

Публикация по поводу ареста Олдрича Хейзена Эймса, бывшего сотрудника ЦРУ США и его жены Марии Дель Розарио, подозреваемых в шпионаже в пользу СССР, а затем России, вызвала много шума в правительственных органах Америки и средствах массовой информации всего мира. Трезвонить об этом на весь мир вовсе было необязательно. Это обычный, ординарный случай работы разведки, каких было множество, в том числе и в последние годы. В большинстве стран разоблаченных агентов вражеских разведок обычно арестовывают тайно, без шума, судят и определяют меру наказания.

Дипломатический успех России в Боснии и Герцеговине в начале 1994 года, видимо, переполнил терпение администрации США. Вот почему дело Эймса получило огласку не раньше и не позже. Именно сейчас Вашингтону необходимо осадить Москву, напомнить, кто на планете хозяин. В это же время американская разведка резко активизировала свою деятельность против России.

"Каждый мой день начинается с вопросов о событиях, происшедших в мире, - заявил 4 января 1994 года Билл Клинтон в штаб-квартире ЦРУ. - Я вынужден искать ответы на эти вопросы, обращаясь в первую очередь к разведсообществу, поскольку именно оно предупреждает меня и всю нацию о возникающих угрозах, указывает на наиболее важные тенденции в развитии ситуации". Оценка работы ЦРУ (данная президентом) - высокая. Сейчас в России сложилась такая обстановка, когда представители посольских резидентур зарубежных стран открыто выходят на контакт с носителями государственной и оборонной информации и получают ее из первых рук. По оценке контрразведки, объем и содержание этих материалов позволяют аналитическим подразделениям зарубежных спецслужб воссоздать достоверную картину промышленного, научно-технического и военного потенциала России.

Усилия спецслужб направлены на формирование как в центре, так и в российской глубинке прозападной ориентации в законодательной и исполнительной структурах, среди интеллигенции, руководителей крупных промышленных, научных, военных объектов, бизнесменов.

Американская разведка приступила к беспрецедентно широкому сбору политической информации с легальных позиций. В некоторых регионах России различного рода "советники" имеют возможность отслеживать развитие ситуации изнутри. Возросло

количество поездок разведчиков ЦРУ по российским городам и населенным пунктам. Используются спецслужбами соглашения по конверсии нашего ВПК для получения доступа к новейшим разработкам и технологиям.

Предметом американской заинтересованности становятся специальные службы России. В этих целях уже разработан и принят к реализации "Проект защиты свободы". Он предполагает участие экспертов США в разработке нашего законодательства по контролю за деятельностью разведки и контрразведки, ограничение деятельности СВР и ГРУ и прекращение разведывательной деятельности этих служб против западных держав.

Внешнеполитические обстоятельства, с учетом которых должна организовываться разведка России, сводятся к следующему.

США продолжают рассматривать обстановку в России как нестабильную, взрывоопасную. Поэтому они намерены сохранять достаточный военный потенциал, обеспечивающий им успех в любом столкновении с Россией как самостоятельно, так и в составе НАТО.

В западноевропейских государствах, по-видимому, будет единодушное стремление сохранить в НАТО такую военную мощь, которая обеспечила бы им возможность реагировать на любое развитие обстановки в России. В политико-экономическом отношении государства, входящие в НАТО, рассматривают нашу страну в качестве сырьевого придатка, обширного рынка и источника дешевой рабочей силы.

Сближение с НАТО некоторых восточноевропейских государств, прежде всего Польши, Венгрии и Чехии, создадут, безусловно, потенциальную опасность для России.

На востоке дестабилизирующее влияние на обстановку в этом регионе оказывает наличие неурегулированных пограничных и территориальных проблем с Японией. В Японии постоянно поддерживается недовольство общественного мнения по поводу нерешенного вопроса Курильских островов.

Нестабильная обстановка в странах ближнего зарубежья, прежде всего в Закавказье, Средней Азии, Приднестровье и Прибалтике, таит в себе потенциальную угрозу безопасности России и чревата эскалацией существующих и возникновением новых вооруженных конфликтов вблизи российских границ.

В Латвии и Эстонии открыто говорят о территориальных претензиях к России, а в парламенте Литвы все настойчивее раздаются голоса за отторжение Калининградской области от Российской Федерации, образование на ее территории новой "Балтийской республики".

Таким образом, складывающаяся военно-политическая обстановка не только не сокращает количество государств - объектов деятельности разведки Вооруженных Сил Российской Федерации, но и расширяет их круг в связи с необходимостью осуществления контроля за строительством и деятельностью их вооруженных сил. Благодаря полученному опыту в период Великой Отечественной войны, послевоенное время, его анализу и обобщению, военная разведка России, приняв новые организационные формы, располагая

разведывательной техникой, продолжает решать свои задачи и в настоящее время. Она призвана во взаимодействии с другими разведывательными службами постоянно отслеживать все существующие источники военной опасности, формы их проявления, своевременно вскрывать планы разведываемых стран по использованию вооруженных сил, сосредоточивая основные усилия на вскрытии важнейших военно-политических решений и мероприятий иностранных государств, создающих угрозу безопасности России или затрагивающих ее жизненно важные интересы. Решение указанных выше задач возможно лишь при хорошо спланированной, надежно организованной разведке всех видов, наличии разветвленной, устойчивой, эффективной системы раннего обнаружения и предупреждения военного нападения.

Соблюдая принцип надежной и разумной достаточности для обороны страны, мы постоянно должны заботиться о совершенствовании разведки всех видов, во всех звеньях. Нам нужна сильная, хорошо оснащенная современной техникой разведка в сухопутных войсках, ПВО, ВВС, на флоте, в космосе, во всех войсковых звеньях - полку, дивизии, армии, округе, Генеральном штабе.

Память о днях Великой Отечественной войны неразрывно связана для нас - разведчиков, - с мыслями о будущем, о судьбах нашего Отечества, мира. Мы хотели бы исходить из того, что война как средство достижения политических целей в современных условиях себя изжила. Но мир бурлит, возникают и, очевидно, будут еще возникать малые и большие конфликты и войны. Мы не можем закрывать глаза на примеры сосредоточения крупной группировки американских войск на Ближнем Востоке в относительно короткие сроки осенью 1990 и весной 1991 г., нанесение ее силами воздушных, ракетных ударов по Ираку и действия группировки сухопутных войск. Эти силы были сосредоточены в непосредственной близости от границ нашей страны. Сосредоточение военно-воздушных и военно-морских сил НАТО в южной части Европы и Средиземном море в начале 1994 года в готовности для нанесения ударов по Сербии также было на относительно небольшом расстоянии от наших границ.

Сокращая вооруженные силы нашего государства, мы постоянно должны думать об усилении и совершенствовании разведки. Приоритет в развитии разведки должен отдаваться таким техническим средствам, которые бы обеспечили получение разведывательных сведений в реальном масштабе времени и обеспечении бы своевременное предупреждение руководства страны и командования о готовящейся агрессии.

Многолетний опыт службы в разведке позволяет сказать о том, что в условиях резко изменившейся обстановки в мире необходимо пересмотреть, уточнить, а в ряде случаев изменить способы и методы организации и ведения разведки, получения и обобщения разведывательных данных. Только внедрение автоматизированных систем от средств добывания до информационно-аналитических органов позволит оперативно и обстоятельно по требованию командования выдавать необходимую информацию текущего и долгосрочного плана для принятия обоснованных решений.